

ДЖЕЙМС АЛЕН

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
МОНОПОЛИИ
И МИР

И*Л

*Государственное издательство
иностранной
литературы*

ДЖЕЙМС АЛЛЕН

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОНОПОЛИИ И МИР

Перевод с английского

Л. РОШАЛЬ

Под редакцией

и со вступительной статьей

И. КУЗЬМИНОВА

1948

Государственное издательство
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

JAMES ALLEN

**WORLD MONOPOLY
AND
PEACE**

1946

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книга Джеймса Аллена, сотрудника нью-йоркской газеты «Дейли уоркер», выпущена под заглавием «Международные монополии и мир». Было бы точнее назвать ее «Капиталистические монополии и война». Основная и наиболее ценная часть книги посвящена характеристике монополий в Германии, Японии, США, Англии, их господству в экономике и в политике этих стран, их зловещей роли вдохновителей империалистических устремлений и поджигателей империалистических войн. Это делает книгу особенно актуальной в настоящий момент, когда руководители монополий в США и Англии развернули широкую пропагандистскую кампанию по разжиганию новой войны. В пропаганде третьей мировой войны наиболее активную роль играют представители крупнейших предприятий и ведущих отраслей американской промышленности, банковских и биржевых воротил с Уолл-стрита. Это те наиболее крупные монополисты, которые захватили во время войны самую жирную добычу и теперь мечтают о мировом господстве.

Аллен наглядно, на обширном фактическом материале, показывает, что основы второй мировой войны закладывались задолго до ее начала. Инициативу в развязывании этой войны, как известно, взяли на себя немецкие империалисты, но в подготовке ее принимали участие монополисты всех крупнейших империалистических стран, и в первую очередь Англии и США. Не успела еще кончиться первая мировая война 1914—1918 гг., как монополисты Англии и США бросились помогать своим германским собратьям. Они щедро финансировали магнатов германской тяжелой индустрии и помогли им встать на ноги. Господство в европейских картелях открывало перед германскими монополистами путь для обхода Версальского договора.

Немалую помощь немцам и в этом отношении оказывали монополисты Англии и США. Пока разрабатывались мирные договоры, короли тяжелой и военной индустрии Англии, США и других стран, пишет Аллен, подавали руку помощи своим немецким собратьям и спасали их от ограничений Версальского мира.

В основе этой политики покровительства германским монополистам лежало, во-первых, взаимное переплетение экономических интересов монополий различных стран, а во-вторых, антисоветская политика Англии, Франции и США, рассматривавших Германию как форпост в борьбе против социалистической державы. Автор совершенно прав, когда он пишет, что «годы между двумя мировыми войнами могут еще многому научить нас. Основные силы, восставшие империалистическую Германию, не ушли со сцены и в настоящее время».

Политика подкармливания германских империалистов, проводившаяся монополистами и правящими кругами Англии, США и Франции, привела к тому, что очень скоро в центре Европы вновь поднялся хищный германский империализм, который поставил в порядок дня вопрос о переделе мира. Но теперь его аппетиты уже не ограничивались теми или иными колониальными приобретениями—германский хищник провозгласил борьбу за мировое господство.

Приход германских фашистов к власти означал дальнейшее усиление позиций монополистического капитала, массовое поглощение крупными монополистами мелких и средних фирм и предприятий. Процесс концентрации и монополизации пошел при помощи государства необычайным даже для Германии темпом. Наряду с этим шел интенсивный процесс захвата монополиями государственного аппарата. Германия и в период первой мировой войны стояла выше других стран по уровню развития государственно-монополистического капитализма. Когда к власти пришли фашисты, являвшиеся уполномоченными монополий, этот процесс пошел еще дальше. В состав временного Верховного экономического совета, созданного сразу же после установления фашистского режима, вошли, по выражению Аллена, «великие моголы германского финансового капитала» — Крупп, Тиссен, Сименс, Бош, Феглер, Дин, Шредер и др. Процесс слияния монополистического аппара-

рата с государственным нашел свое завершение во время войны, когда «слияние стало настолько полным, что почти нельзя было различить границу, отделявшую гитлеровский государственный аппарат от иерархии трестов».

Государственная машина стала в руках германских монополистов мощным орудием наступления не только внутри, но и вне страны. Германские монополисты, еще не так давно получавшие американские и английские ссуды и кредиты, окрепнув и расправив крылья, стали прижимать своих вчерашних «благодетелей» и забирать у них из-под носа одну позицию на мировом рынке за другой. Германские монополии стали проникать на Ближний и Средний Восток, Балканы, в Южную Америку, Китай и даже в США. Хорошо известно, что свои связи с американскими монополиями немцы широко использовали даже во время второй мировой войны в ущерб своему противнику, о чем в США написано немало книг и статей и издано большое количество иностранных докладов всякого рода комиссий. Гораздо менее исследуются причины, которые объясняли бы мотивы, побуждавшие американских монополистов идти на соглашение с немцами. Часто утверждают, что американские монополисты были просто обмануты германскими хозяевами картелей. Это, разумеется, не так. Было бы, пишет Аллен, серьезной недооценкой промицательности американских монополистов предполагать, что они были просто одурачены своими более ловкими германскими партнерами. На самом же деле американские монополии проводили определенную политику. Все дело в том, что «картельные соглашения были неотъемлемой частью проводившейся на Западе в межвоенный период политики создания германского аванпоста против Советского Союза». Другими словами, политика «подкармливания» германского хищника продолжалась в своеобразной форме и в предвоенный период. В это время она была частью мюнхенской политики «умиротворения» агрессора. Характерно, что через шесть месяцев после Мюнхена в Дюссельдорфе состоялось совещание представителей Федерации британской промышленности и Германской имперской промышленной группы, на котором было заключено соглашение о самом тесном сотрудничестве английских и немецких монополистов. Это совещание было проведено с ведома и одобрения английского правительства.

Но пришло время, когда «мирное наступление» немецких монополистов не могло уже удовлетворить их аппетиты. Германские монополисты развязали вторую мировую войну. Война означала дальнейший рост германских монополий. дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма в его специфической военно-фашистской форме. Война привела к новой волне концентрации производства и централизации капитала внутри страны. Но еще большее значение для обогащения германских монополий в это время имели разбой и грабеж, проводившиеся ими вне Германии, на территории оккупированных стран. Германские монополисты шли в арьергарде немецко-фашистской армии. Они как саранча набрасывались на экономику оккупированных стран и прибирали ее к своим рукам, пользуясь самыми различными методами — от простого грабежа до создания новых обществ и компаний смешанного типа с преобладанием немецкого капитала. Ярким примером захвата экономики оккупированной страны при помощи картелей является хозяйничанье немцев во Франции, где они нашли немало услужливых магнатов промышленности и банков, готовых «сотрудничать» с немцами на любых условиях.

Результатом грабительской деятельности германских монополий во время войны явилось их гигантское обогащение. Концерн «Герман Геринг верке», созданный в 1937 г., быстро превратился в третий по величине концерн Германии. Другой крупнейший концерн Германии — «ИГ Фарбениндустри» к началу войны представлял собой слияние 177 германских корпораций. К концу войны этот концерн контролировал 380 германских фирм, в его международную организацию входило 500 компаний; кроме того, многие другие фирмы были связаны с «ИГ Фарбениндустри» через 2 тыс. картельных соглашений. Германские монополии во время войны усилили свое влияние также в нейтральных странах Европы.

Отсюда понятно, какое огромное значение имеет вопрос о ликвидации германских монополий, являющихся основой немецкой агрессии. Между тем, пишет Аллен, несмотря на невиданное поражение, понесенное Германией в этой войне, база германских монополий в западных зонах не уничтожена. Почти нетронутыми остались многие предприятия тяжелой и военной индустрии; вся промышленная соб-

ственность в зонах англо-американской оккупации осталась в руках германских концернов. Кроме того, германские монополисты по опыту своих предшественников перевели немалые капиталы за границу. «Комиссия Килгора установила, что германские капиталы нашли надежное убежище в нейтральных странах, а также в некоторых странах, находившихся во время войны под властью Германии, и что «сами Соединенные Штаты были, возможно, важнейшим убежищем для германских активов».

Германские монополисты после второй мировой войны, точно так же как и их предшественники после первой мировой войны, возлагают серьезные надежды на своих братьев в Англии и США. Аллен пишет, что чиновник министерства финансов, допрашивавший некоторых представителей германского монополистического капитала, сообщил, какие большие надежды возлагали они на своих братьев в других странах, в частности в Англии и США. Один из свидетелей сообщил комиссии Килгора, что «эти лидеры твердо надеются на то, что их влиятельные английские и американские друзья, бывшие прежде их партнерами по картелям, выручат их из тяжелого положения». В книге Аллена приводятся также знаменательные слова руководителей «ИГ Фарбениндурии», которые на допросе заявили, что все «допросы и расследования — временное явление, ибо, как только дела немного урегулируются, они надеются, что их английские и американские друзья придут им на помощь». Они утверждали, что «их друзья положат конец этим расследованиям и добьются того, чтобы с ними обращались так, как, по их мнению, надлежит, и что им помогут восстановить свою промышленность».

Последующие события в западных зонах оккупации Германии показали, что эти надежды не были напрасными. Английские и американские монополисты с величайшей готовностью пришли и после второй мировой войны на помощь своим германским партнерам. Они проводят такого рода оккупационную политику, которая идет вразрез с совместно принятыми решениями союзных держав относительно Германии. Ныне эта политика находит свое выражение в открытом отказе США, Англии и Франции от совместно принятых решений о демилитаризации и демократизации Германии,

о превращении Германии в миролюбивое демократическое государство, о четырехстороннем контроле над Германией и т. д. Проведенная недавно сепаратная денежная реформа в западных зонах оккупации Германии, а также ведущаяся подготовка к назначению сепаратного правительства для западных зон является логическим завершением этой политики. Английские и американские монополисты открыто спасают не только основу германских монополий, но и самих монополистов, очутившихся на скамье подсудимых в качестве военных преступников. В основе этого рода политики лежит прежде всего то, что Германия и теперь рассматривается американскими монополистами и их английскими коллегами как аванпост «Запада» в борьбе против «Востока», т. е. против СССР и стран новой демократии.

Интересный материал приводит Аллен в главе, посвященной характеристике японских монополий. Автор указывает, что экономика Японии находится в руках нескольких крупных монополий, из которых особенно выделяется «большая четверка» — концерны «Мицуй», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда». До войны четыре указанных концерна контролировали 60% капитала всех акционерных обществ Японии, всю бумажную промышленность, не менее половины добычи угля и выплавки меди, половину тоннажа торгового флота, одну треть внешней торговли и т. д.

Аллен разоблачает миф, который японские монополисты пустили в ход после войны — миф о своей «умеренности», в противовес агрессивности японских милитаристов. На самом деле японские монополисты, точно так же как и их германские собратья, действовали рука об руку с милитаристской кликой и были в первых рядах поджигателей второй мировой войны, используя эту войну как средство гигантского обогащения и невиданного грабежа как внутри, так и вне страны. Война ускорила процессы концентрации в Японии. Монополисты использовали условия войны для проведения принудительного картелирования, в результате которого пошло ко дну около 12 тыс. мелких торговцев и промышленников. Обогащению монополистов способствовали гигантские военные сверхприбыли, а также грабеж в колониях и на оккупированных территориях. В результате этого японские плутократы разжирили на войне, а мощь монопольных объединений сильно возросла.

К концу войны, пишет Аллен, «большая четверка» контролировала банковские вклады и банковские активы на сумму в 111 млрд. иен; ей принадлежало 320 промышленных фирм.

Опираясь на свою возросшую экономическую мощь, японские монополисты постепенно прибирали к своим рукам государственный аппарат. Аллен пишет, что в период войны происходил процесс установления «полной гегемонии японских монополистов над императорским государством». Характерно, что «военный диктатор», премьер-министр Тодзио, должен был согласиться на предоставление монополистам полного контроля над экономикой. При нем был создан так называемый «Консультативный совет» в составе семи крупных промышленных тузов, своего рода внутренний негласный кабинет, «консультирующий правительство по всем вопросам политики». Правительство, пишет Аллен, «не могло ничего предпринимать без согласия этого специального органа дзайбацу внутри государства». Не меньшее значение имело создание министерства вооружения, формально возглавлявшегося Тодзио, но в действительности находившегося целиком в руках монополистов и дававшего им возможность контролировать военную промышленность. Это было, пишет Аллен, подлинным триумфом дзайбацу.

Полностью подчинив себе государственный аппарат, монополисты использовали власть для еще большего обогащения.

Аллен пишет, что японские монополисты еще меньше пострадали в результате поражения Японии, чем немецкие монополисты в результате поражения и разгрома Германии. Это объясняется прежде всего интересами американского монополистического капитала, который стремится сохранить империалистическую Японию в качестве барьера против Советского Союза. А эта цель не только не уживается с каким-либо ограничением мощи японских монополий, но прямо требует их сохранения и укрепления. В результате этого позиции монополистического капитала в Японии остались почти нетронутыми, в их руках осталась не только основная экономическая сила, но в значительной мере и политическая власть, поскольку виднейшие представители дзайбацу входят в японское правительство. Аллен отмечает тесное переплетение японского и американ-

ского капитала, которое имело место до войны и усилилось в послевоенное время. Это переплетение американского и японского монополистического капитала усиливает заинтересованность американских монополистов в сохранении японского монополистического капитала.

* * *

Главы IV—IX книги Джеймса Аллена посвящены характеристике американских и английских монополий, их взаимной борьбе на мировом рынке, стремлению американских монополистов к мировому господству.

США являются классической страной трестов. Ни в какой другой стране сейчас нет такого количества корпораций и таких крупных корпораций, как в США. США, еще больше чем Франция, имеют право именоваться страной «200 семейств»; к моменту окончания войны капитал 200 крупнейших корпораций составлял около 100 млрд. долл. США, пишет Аллен, «стоят в ряду наиболее монополизированных стран мира. Страна «свободной инициативы» по существу является страной гигантских трестов, контролирующих все важнейшие отрасли финансов, промышленности и торговли». На примере трех «финансовых» групп — Дюпона, Рокфеллера и Меллона — автор показывает господствующую роль в экономике США небольшой группы монополистов.

Экономический кризис 1929—1933 гг., а также политика, проводимая в период «Нового курса» усилили процесс концентрации и роста монополий. «Новый курс», — пишет автор, — способствовал усиленной картелизации. Основным фактором программы НРА, сообщало министерство торговли, было создание 3500 крупных и свыше 10 тыс. местных ассоциаций и торговых палат». Одновременно так называемые «кодексы честной конкуренции», «фактически ускорили процесс подчинения мелких предприятий «лидерам» той или иной отрасли промышленности и торговли, который наметился во время кризиса».

Война дала сильнейший толчок процессу концентрации и дальнейшему росту монополий. Этому способствовал прежде всего тот золотой дождь военных заказов и сверхприбылей, которым воспользовались в первую очередь

крупные монополисты. Прибыли, указывает Аллен, полученные промышленными корпорациями в течение 5 лет военного производства, после вычета налогов составили свыше 27 млрд. долл. Добавим к этому, что прибыли всех американских корпораций за пять военных лет (с 1940 по 1944 г.) составили после уплаты налогов 42,3 млрд. долл., по сравнению с 15,3 млрд. долл. за пять предвоенных лет (с 1935 по 1939 г.). По данным департамента торговли, чистая прибыль всех американских корпораций за шесть лет войны (с 1940 по 1945 г.) составила 52 млрд. долл. Высокие цены, низкий уровень заработной платы, жирные сверхприбыли — всю эту практику монополий Аллен характеризует как «бесстыдный грабеж нации».

Результатом войны был дальнейший рост крупных предприятий и фирм и массовое разорение мелких. В 1943 г. на предприятия с числом рабочих свыше тысячи приходилось 45% всех рабочих, занятых в добывающей и обрабатывающей промышленности и строительстве, по сравнению с 30% в 1939 г. Вместе с тем за время войны в стране закрылись сотни тысяч фирм. Американские монополисты использовали войну для своего обогащения как за счет военных заказов, так и за счет массового поглощения внутри страны своих более слабых конкурентов.

Следует отметить, что, приведя значительное количество интересного материала об американских монополиях, автор все же не использовал всех возможностей, которые представляет в этом отношении хотя бы одна только американская печать. Вместе с тем Аллен почти совершенно обошел такой важнейший вопрос, как вопрос о сращивании американских монополий с государством, об американском государственно-монополистическом капитализме. В отношении японских и германских монополий Аллен довольно неплохо осветил этот вопрос. Аллен сумел разглядеть эти процессы в Германии, Японии, Англии, но не сумел их разглядеть у себя дома — в США. Он даже пытается обосновать эту «исключительность» США. Так, он утверждает, что именно в результате своего усиления «гигантские корпорации могут сохранять господствующее положение в экономике без помощи широкого вмешательства государства». Если верить Аллену, то получается, что государственно-монополистический капитализм не получил в

США сколько-нибудь серьезного развития. Нет нужды доказывать ошибочность этого вывода. Именно потому, что монополии в США усилились, их стремление к захвату государственного аппарата в свои руки увеличилось. Весь предвоенный период, а особенно период войны и послевоенное время показывают необычайное развитие государственно-монополистического капитализма в США, усиление процесса сращивания монополий с аппаратом государства. Несомненно, что США сейчас занимают одно из первых, если не первое, место по уровню развития государственно-монополистического капитализма среди других капиталистических стран. Исследование этого вопроса имело бы чрезвычайно важное значение.

Аллен приводит в своей книге некоторые данные, характеризующие развитие и роль английских монополий. Он отмечает, прежде всего, высокий уровень концентрации производства в Англии. В 1935 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек было занято 52% всех рабочих английской промышленности. О высокой концентрации банковского капитала свидетельствует тот факт, что 75% всех банковских вкладов (исключая Английский банк) принадлежало «большой пятерке» лондонских банков. На этой основе развивался между двумя войнами процесс монополизации. Программа широкой картелизации хозяйства, выдвинутая монополиями в 1935 г., пользовалась поддержкой со стороны государства.

Во время войны английские монополисты использовали государственную машину для подчинения своему влиянию всего хозяйства страны.

Английские монополисты открыто производили захват ключевых позиций в государственном аппарате. Лидеров монополистических интересов, пишет Аллен, можно было видеть повсюду, начиная от кабинета министров и кончая контрольными постами в различных областях экономики. «Влияние монополий в правительстве поддерживалось парламентом, который в военное время в значительной степени превратился в собрание представителей корпораций. По некоторым данным, в парламенте созыва 1935 г. господствовали 265 консерваторов, занимавших 512 директорских мест в корпорациях. Согласно другим данным, 181 член парламента занимал 775 мест директоров корпораций».

С этих позиций, пишет Аллен, монополистический капитал открыл наступление за дальнейшее расширение своего влияния в экономике. При помощи государственной машины заправила монополий распространили принудительное картелирование на все отрасли промышленности. Масса средних и мелких фирм в связи с этим прекратила свое существование. В результате этого «Англия вышла из войны с более высоко картелированной экономикой и единой системой монополистического контроля».

Однако на внешних рынках после войны английскому монополистическому капиталу пришлось столкнуться с гораздо более могущественным противником — монополистическим капиталом США.

Преимущества в этой борьбе между Англией и США, пишет Аллен, находятся на стороне последних. США и до войны стояли на первом месте среди капиталистических стран по своей экономической мощи. Война дала сильный толчок росту производства США.

Происшедшее за время войны расширение американской промышленности вместе с тем обостряет для нее проблему рынка, приближает невиданный еще кризис. Аллен цитирует американского экономиста Альвина Хансена, который пишет, что «подверженная резким колебаниям американская экономика представляет собой угрозу равновесию остального мира. Находящаяся в состоянии хронической депрессии Америка может заразить другие страны, если миру не удастся каким-либо образом изолировать себя от ее влияния».

Аллен пишет, что экспансионистская политика США, вдохновляемая монополиями, лишь усиливает неустойчивость во всем мире. Американские монополисты думают избежать кризиса посредством реакционной политики внутри страны и агрессивной внешней политики. Но это, пишет Аллен, может лишь обострить, а не смягчить проблему рынка.

Усиливая борьбу за мировые рынки, американские монополисты вновь обращают свои взоры к войне как орудию своей внешней политики и прибыльному предприятию. Война представляется для капиталистов средством смягчения огромных внутренних трудностей.

Американские монополисты, разворачивая борьбу за мировые рынки, одновременно повели бешеную кампанию за

подготовку к новой мировой войне, толкая внешнюю политику США на путь военных авантюр.

Если активность американских монополий развивается в условиях роста удельного веса США в капиталистической экономике, то в Англии рост монополий происходил на фоне застоя промышленности, прогрессирующего упадка Англии и ослабления ее позиций в мировой экономике. Этот процесс начался задолго до войны. Уже в конце прошлого века, пишет Аллен, Англия вывозила за границу все большую часть капиталов и все более превращалась в страну-рантье, живущую за счет доходов от заграничных вложений. Английская промышленность в метрополии все более отставала в техническом отношении. Застой в промышленности привел к снижению экспортной торговли и к вытеснению Англии с важных позиций на мировом рынке более сильными конкурентами — Японией, Германией и США.

Этот процесс получил дальнейшее развитие во время второй мировой войны. Хотя объем производства и возрос, однако, пишет Аллен, процессы модернизации и расширения производственной базы не получили серьезного развития. Во время войны монополисты США стали вытеснять своих английских конкурентов с мирового рынка. С начала войны экспорт Англии уменьшился по стоимости более чем на 50%. Экспорт же США неуклонно возрастал. В этом отношении серьезные выгоды принесли американским монополистам поставки по ленд-лизу. При помощи ленд-лиза США завоевали новые позиции на мировом рынке и, в частности, даже в английских владениях. Так, например, американский экспорт в Индию возрос в 1942 г. против 1939 г. (включая ленд-лиз) в десять раз! В обрабатывающей промышленности Канады уже накануне войны одна треть всех капиталовложений принадлежала американским монополиям. Во время войны соотношение резко изменилось в пользу американцев, ибо английские капиталисты вынуждены были продать свыше одной трети своих канадских активов. Таким образом, монополисты США побивают своих английских собратьев, забирая у них одну позицию за другой.

Американские монополисты ведут наступление на мировых рынках под лозунгами «свободы торговли», «свободы доступа к рынкам», «свободы конкуренции» и «свободы ини-

циативы». Этот поток всякого рода «свобод», пишет Аллен, призван затемнить экспансионистскую сущность программы американских монополий, облегчить прорыв старой картельной системы и создание новой, под главенством США. Напротив, английские монополисты, сознавая относительную слабость своих позиций, выступают на мировом рынке под лозунгом защиты существующей системы картелей. Английский монополистический капитал ныне вынужден пятиться назад под давлением своего более мощного конкурента. «Правящий класс Англии, привыкший на протяжении столетий к господству над миром, сегодня оказался в униженном положении просителя, запрашивающего доллары и политическую помощь от миллиардеров Америки; в обмен он предлагает свой опыт в области мирового владычества и более легкий доступ к своим собственным владениям, в сохранении которых он теперь уже не уверен».

Аппетиты американских монополистов не ограничиваются ныне одним каким-либо континентом, а распространяются на все континенты мира. Американские плутократы лелеют мечту о мировом господстве. «В залах заседаний правлений крупных американских корпораций, — пишет Аллен, — проектируется создание не менее чем мирового треста». С этой целью, пишет Аллен, американские монополисты блокируются со всеми реакционными силами за рубежом, ведут политику возрождения немецкого и японского империализма, развертывают наступление против национально-освободительного движения народов колониальных стран, разжигают новую мировую войну. Аллен пишет, что эта «мечта» американских монополистов обречена на провал. Невозможность осуществления этой бредовой мечты «начертана крупными буквами на развалинах гитлеровской Германии, которая использовала другую технику и другие лозунги, но преследовала ту же цель».

Ряд страниц своей книги Аллен посвящает Советскому Союзу, характеристике его экономической системы и его возросшей роли на международной арене как борца за мир и безопасность народов. Аллен противопоставляет СССР, где нет эксплуататорских классов, заинтересованных в грабительских войнах, в угнетении чужих народов, империалистическим государствам, внешняя политика которых вдохновляется корыстными интересами плутократов. Автор

в яркой форме рисует социалистическую систему хозяйства, показывая ее превосходство над капиталистической. Социализм, пишет Аллен, «прочно закрепился как передовая стадия исторического развития. Его внутренние силы проявились во время величайшего из испытаний, которым когда-либо подвергалась какая-либо система. Социалистическая система обнаружила не имеющие себе равных прочность и гибкость... Социализм обладает невиданной до сих пор устойчивостью. В нем заложен неистощимый динамизм и способность развиваться быстрыми темпами... Социализм является победоносным «штурмом небес», блестящим не только в своей первоначальной революционной фазе, но и в своей эволюции, как установившаяся социальная система, которая продолжает развиваться в капиталистическом окружении».

* * *

Аллен закончил свою книгу в начале 1946 г. Поэтому естественно, что некоторые места его книги, особенно касающиеся вопросов международной политики, явно устарели.

Так, например, Аллен писал о «ясно выраженной тенденции на Западе обойти или пересмотреть совместную политику полной демилитаризации и денацификации Германии, которая была выработана Большой тройкой на Крымской и Потсдамской конференциях». С тех пор политика срыва совместных решений, проводимая Англией и США, ушла далеко вперед. В заявлении министров иностранных дел восьми государств, собравшихся на совещание в Варшаве, указывалось, что решения Лондонского совещания трех держав «отбрасывают в сторону задачи демилитаризации и демократизации Германии, задачи превращения Германии в миролюбивое и демократическое государство».

Аллен писал о либеральном налете на внешней политике США, который должен был маскировать ее экспансионистскую, империалистическую сущность. Ныне от этого налета не осталось и следа. Американские монополисты открыто провозгласили борьбу за мировое господство основой своей политики.

Аллен говорил о «тенденции империалистической политики кабальных займов» по отношению к странам Европы.

Эта тенденция в своем развитии дала ныне такой плод, как «план Маршалла» и фактическое закабаление западноевропейских стран американским империализмом.

Аллен писал о западном блоке как о возможности. Ныне эта реакционная затея превратилась в действительность.

Следует отметить, что даже и для того момента, Аллен был склонен несколько переоценивать самостоятельность внешней политики Англии. Он говорил лишь о возможности превращения Англии в «младшего партнера» США. Политику английских империалистов в отношении западного блока Аллен склонен был рассматривать как политику «защиты от экономического проникновения США», как оружие Англии в борьбе против США. Дальнейший ход международной жизни ясно показал отсутствие у Англии самостоятельной внешней политики, полное ее подчинение интересам Уолл-стрита. Западный блок, который ныне стал реальностью, есть не что иное, как средство еще большего закабаления европейских стран, в том числе и Англии, американским капиталом. Англия играет роль отнюдь не равного партнера, а в лучшем случае роль старшего приказчика своего заокеанского хозяина.

В книге Аллена есть некоторые существенные недостатки. К ним относятся, например, неправильная оценка автором роли государственного вмешательства в экономику при капитализме. Аллен считает, что в условиях капитализма буржуазное государство может вмешиваться в экономику в интересах трудящихся. Эта мысль автора проскальзывает неоднократно на протяжении многих глав книги. Так, например, говоря об американских монополиях, Аллен утверждает, что им «удалось избежать какой бы то ни было формы правительственного вмешательства, которое могло бы сдержать или ограничить их деятельность». Как будто целью вмешательства буржуазного государства в экономику является ограничение деятельности монополий! В главе об английских монополиях автор заявляет, что общественное мнение капиталистических стран может якобы повернуть политику буржуазных государств и «оказать давление на правительство с тем, чтобы государство вмешалось в экономику страны и выступило против монополистических объединений». В подтверждение этого он цитирует заявления буржуазных деятелей о том, что якобы

современное буржуазное государство будет во все большей степени заботиться о «благополучии нации» и вмешиваться в экономику в этих целях. Аллен, очевидно, не понял, что подобного рода заявления тем чаще и охотнее делаются представителями интересов монополий, чем больше и полнее аппарат буржуазного государства срастается с монополиями и используется в их интересах против трудящихся. Этого рода заявления есть не что иное как дымовая завеса, призванная прикрывать неблагоприятные дела монополистов.

Аллен считал возможным при определенных условиях «использовать государственный аппарат капитализма против монополий, реакции и фашизма»; он утверждал, что «государственное вмешательство в экономику при капитализме может привести к регулированию хозяйства в определенных национальных целях», что «правительство может установить свой контроль и заставить капиталистов выполнять его планы».

В тесной связи с ошибочной оценкой роли буржуазного государства находятся и рассуждения Аллена по поводу так называемого прогрессивного и демократического государственно-монополистического капитализма. Аллен утверждал, что государственно-монополистический капитализм может быть реакционным, империалистическим, а может быть и прогрессивным, демократическим. Он считал необходимым «проводить различия между империалистическим государственным капитализмом, вмешательством правительства в интересах монополий и реакции, и демократическим государственным капитализмом, вмешательством правительства в интересах народа в целом против монополий и реакции».

Экономическую основу стран новой демократии Аллен определял как государственно-монополистический капитализм в его «прогрессивной» и «демократической» форме. Под этим углом зрения он рассматривал и все важнейшие преобразования, проведенные в странах новой демократии, в том числе и национализацию промышленности, и оценивал их как мероприятия государственно-капиталистического порядка.

Разумеется, понятие «демократического», «прогрессивного» государственно-монополистического капитализма стоит в полном противоречии с действительностью. Государст-

венно-монополистический капитализм не может быть ни прогрессивным, ни демократическим. Если эпоха монополистического капитализма, как указывал Ленин, есть поворот к реакции по всей линии, то государственно-монополистический капитализм — это основа самой свирепой реакции. Об этом достаточно ясно говорит опыт Германии, Японии, Италии, а теперь и США. Государственно-монополистический капитализм означает господство монополий в экономике и политике, сращивание аппарата государства с монополиями. Отсюда ясно, что об интересах народа и демократии здесь и речи быть не может.

Аллен пытался укрепить свою позицию заявлением, что, де, «государственно-монополистический капитализм может стать действительно прогрессивным, он может стать шагом по пути к социализму, он может быть обращен на благо всего народа... только тогда, когда государство находится в руках революционно-демократической коалиции». Другими словами, он допускал возможность своеобразного дележа власти — власть политическая может находиться в руках народной демократии, в то время как вся власть в экономической области — в руках монополистов.

Такого рода положение, такой дележ власти может иметь практически место, но лишь на очень короткий промежуток времени, как момент в развитии революции. Ибо одно из двух — или монополии, обладающие действительной силой, сбросят такое правительство, или это правительство ликвидирует власть монополий. Но в этом последнем случае будет совершен действительно шаг к социализму. Ленин как раз и подчеркивал то, что революционно-демократическое правительство не может остановиться на полпути — взяв политическую власть, оно должно ликвидировать власть монополистического капитала в экономике, провести национализацию банков, трестов и синдикатов, организовать всенародный контроль над производством и распределением. Это — шаги к социализму. И Ленин еще и еще раз подчеркивал, что «вперед идти *нельзя*, не идя к социализму».

Аллен пишет, что ленинская программа, развитая в его работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», это «была программа установления полного государственного капитализма», что эта программа якобы ни на йоту не изменяла отношений собственности. Но это, разумеется, неверно.

Ленин подчеркивал, что «...регулирование экономической жизни, если его осуществлять серьезно, требует одновременно национализации и банков и синдикатов»¹. Ленин указывал, что революционно-демократическая власть — это решительная, беспощадно суровая борьба против монополистов. Проводить национализацию банков, трестов и синдикатов, подчеркивал он, нужно решительно, ломая сопротивление эксплуататоров, принимая меры вплоть до конфискации личного имущества монополистов, директоров, членов правлений, крупных акционеров и заключения их в тюрьму за саботаж и оттяжку дела. Ленин предупреждал, что монополисты без боя позиций не сдадут, и заранее предвидел необходимость решительных мероприятий по подавлению их сопротивления. «Чтобы сделать что-либо серьезное, надо от бюрократии перейти и действительно революционно перейти к демократии, т. е. объявить войну нефтяным королям и акционерам, декретировать конфискацию их имущества и наказание тюрьмой за оттяжку национализации нефтяного дела, за сокрытие доходов или отчетов, за саботирование производства, за непринятие мер к повышению производства»².

Такого рода война, разумеется, несовместима с сохранением власти и силы монополистов, с полным сохранением отношений капиталистической собственности. Она означала подрыв власти монополий и вторжение в область капиталистической собственности, что в своем развитии неизбежно должно было привести к решительной ликвидации власти монополий и созданию обобщественного сектора в хозяйстве. Отсюда ясно, что не установление «полного государственного капитализма», а движение вперед к социализму было целью программы Ленина.

Опыт стран новой демократии ярко подтверждает истинность ленинского положения о том, что быть революционным демократом — это значит не бояться социализма, а смело идти по пути к социализму. Опыт этих стран показывает, что борьба против сил реакции не могла остановиться на полпути, что революционная демократия, ставшая у власти в этих странах, смело пошла, и не могла не пойти, по пути решительных преобразований в экономиче-

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 168.

² Там же, стр. 170.

ской области, закладывающих основы развития этих стран по социалистическому пути. Эти преобразования—аграрная реформа, национализация банков, промышленности и транспорта — в корне подорвали власть помещиков и монополистов и создали значительный обобществленный сектор хозяйства. В экономике этих стран монополисты уже не играют никакой роли, следовательно, ни о каком государственно-монополистическом капитализме там и речи быть не может. Частнохозяйственный и государственный капитал имеют там в форме отдельных укладов, но они не являются ведущими и определяющими. Экономика стран народной демократии является *экономикой переходного типа от капитализма к социализму*; эта экономика многоукладная, где, однако, ведущую роль играет обобществленный сектор хозяйства. Осуществляя национализацию промышленности и банков, правительства стран народной демократии проводили мероприятия социалистического характера, осуществляя серьезный шаг по пути к социализму. Это помогло им не только ликвидировать глубокие основы реакции, но и заложить основы развития своих стран по социалистическому пути.

Конструируя свою концепцию демократического государственно-монополистического капитализма, Аллен имел в виду не только страны новой демократии, но и другие страны, в том числе Англию и США. Он писал, что в этих странах рабочий класс и трудящиеся «в своем продвижении к социализму должны будут превратить империалистический государственный капитализм в демократический государственный капитализм». Таким образом, Аллен на пути рабочего класса к социализму ставил выдуманную им промежуточную ступень. Вместо того чтобы мобилизовать силы рабочего класса и всех трудящихся на борьбу против монополистического капитализма, против империализма и реакции, за демократию и социализм, он выставлял путаный и объективно вредный лозунг борьбы за демократический государственно-монополистический капитализм¹.

¹ Более развернутая критика позиции Аллена в отношении государственно-монополистического капитализма дана мною в рецензии на его книгу, а также в статье «О государственно-монополистическом капитализме», помещенных в журнале «Большевик», № 20 за 1947 г. и № 5 за 1948 г.

К чести Аллена следует сказать, что он правильно воспринял критику своей позиции и исправил допущенную ошибку. Недавно в журнале «Политикел Аффэрс» он опубликовал статью, в которой, признав правильными сделанные по поводу его книги замечания, подверг критике свои ошибочные установки. Он признал путаным свое толкование государственно-монополистического капитализма, признал ошибочность своей оценки экономики стран новой демократии, ошибочность и вредность концепции «демократического» государственно-монополистического капитализма как промежуточной ступени между капитализмом и социализмом и т. д. В отношении последнего вопроса он пишет, что «эта путаная концепция имеет далеко идущие последствия, затрагивая и перспективы развития на Западе и оценку новых демократий. Фактически, как можно судить по ходу событий в Восточной Европе, промежуточной ступени нет»¹. И в конце своей статьи он добавляет: «Концепция государственно-капиталистического развития в странах Восточной Европы и концепция «демократического» государственного капитализма как промежуточной ступени, связаны между собой. Обе концепции ошибочны. Объективно они оказывают известную поддержку и помощь тем, кто конструирует теорию «прогрессивного» империализма или «демократического» монополистического капитализма, которая служит для прикрытия реакционной и агрессивной сущности империализма»².

Отмеченные ошибки и недостатки книги Аллена не умаляют, однако, ценности ее основной части, посвященной характеристике капиталистических монополий. Книга Аллена представляет несомненный интерес для советского читателя. На русском языке она издается с некоторыми сокращениями. В частности, целиком выпущена глава, в которой автор развивает свою концепцию государственно-монополистического капитализма и дает характеристику экономических основ стран новой демократии.

И. Кузьминов.

¹ «Political Affairs», May 1948, p. 431.

² Там же, стр. 438.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось, что двух мировых войн и великого экономического кризиса, принесших с собой тяжкое бремя смерти и страданий, достаточно для одного поколения. И все же в наши дни, после победы над фашистскими державами, угроза новой войны, еще более разрушительной, чем последняя, снова волнует мир.

Периодические взрывы симптоматичны для того коренного кризиса, которым поражена капиталистическая система. Дважды империалистические державы искали выхода из этого кризиса в войне против Советского Союза — как путем вооруженной интервенции против молодой социалистической республики после первой мировой войны, так и во время нападения фашистских стран на Советский Союз в период второй мировой войны. Эти агрессии не только потерпели поражение, но и умножили и настолько расширили внутренние конфликты капитализма, что новая мировая война могла бы иметь непредвиденные по своим масштабам революционные последствия.

Неустойчивость и война присущи монополистическому капитализму. Последняя война, сама явившаяся продуктом коренного кризиса всей системы, углубила этот кризис. Сейчас еще рано определять контуры послевоенного периода или оценивать значение всех последствий войны. Но некоторые изменения и тенденции совершенно ясны.

В этой книге сделана попытка проанализировать некоторые основные тенденции. Вопрос рассматривается в значительной степени в экономической плоскости. Экономика и политика, конечно, не отделимы друг от друга и нельзя игнорировать взаимодействие между ними. Мировая политика отражает лежащее в данный момент в ее основе движение экономических и социальных сил, а также влияет

на это движение. Но заявления государственных деятелей, хотя они часто проливают значительный свет на события и влияют на развитие народов и классов, не могут служить верным показателем политики послевоенной эпохи. Основную характеристику нынешнего периода мы должны искать в первую очередь в процессах социальных перемен, которые были ускорены войной, в изменениях взаимоотношений между основными группами монополистического капитала и нациями и в новой позиции социализма, в лице Советского Союза, в отношении остального мира.

Поэтому настоящая книга рассматривает в основном империализм или монополистический капитализм в его нынешней послевоенной фазе и вопрос о том, каким образом война отразилась на отношениях крупных капиталистических держав между собой, а также на отношениях между ними и Советским Союзом. Автор сосредоточил свое внимание на основных факторах, на факторах, определяющих внутреннее и международное положение стран, в первую очередь Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза, после разгрома Германии и Японии.

Такого рода исследование, которое неизбежно должно затронуть многие и самые разнообразные стороны международных отношений, трудно при любых обстоятельствах. Трудность особенно усиливается сейчас, в период неустойчивости, когда события стремительно развиваются, а кризисы в странах и в отношениях между странами быстро следуют один за другим. Велико искушение углубиться в бесконечное изучение вопроса и подвергать анализу каждое новое явление, проливающее свет на ход исторических событий. Но для того чтобы работа не была слишком пространной и способствовала достижению непосредственной цели в неотложной борьбе за мир и демократию, необходим тщательный отбор материала. Следует также отметить, что настоящая книга охватывает события до начала 1946 г., т. е. до момента окончания этой работы. Мы надеемся, что эти строки прольют некоторый свет на происходящие сейчас социальные изменения и помогут читателю понять основное направление в развитии событий.

Джеймс С. Аллен.

ГЕРМАНИЯ И КАРТЕЛИ

При установлении прочного мира центральная проблема заключается в том, чтобы выбить почву из-под ног германских монополистов в Германии и ликвидировать их европейские и международные связи. Это абсолютно необходимо для того, чтобы гарантировать Европу и вообще весь мир от возрождения германского империализма. Во время войны эта цель была провозглашена Советским Союзом, США и Великобританией в совместно опубликованных ими документах. Крымская и Берлинская декларации определили общую политику этих трех великих держав в деле полного военного и экономического разоружения Германии, искоренения милитаризма и нацизма. В числе провозглашенных целей были децентрализация экономической мощи трестов и ликвидация системы картелей в Германии.

В период между двумя войнами в экономике Германии усилилось влияние промышленных магнатов, начавших также играть центральную роль в мировой системе картелей. В гитлеровской империи руководители монополий превратились в бесспорных хозяев государства и всего народного хозяйства. В период войны практически вся европейская экономика была вовлечена в их корпоративную систему.

В результате поражения Германии вся эта система оказалась ослабленной до предела. Сможет ли германский империализм, подорванный и скованный, снова воспрянуть, как это было после первой мировой войны, или он теперь окончательно обречен на угасание? Нам еще неизвестен окончательный ответ на этот вопрос, разрешение которого зависит от взаимодействия многих сил. Но препятствия, стоящие на пути к демократическому решению вопроса, совершенно очевидны. Одним из этих препятствий является

система переплетающихся интересов германского, английского, американского и французского капитала. Эти связи устанавливались на протяжении многих лет, но особенно активно в период восстановления Германии как империалистической державы после ее поражения в первой мировой войне.

1. Восстановление Германии после первой мировой войны

Первая мировая война серьезно ослабила германский империализм. Революция 1918 г. угрожала самому его существованию. И все же спустя лишь десятилетие после своего разгрома Германия вернула себе положение самой могущественной капиталистической страны Европы и снова заняла свое место мировой державы рядом с Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Была полностью восстановлена не только внутриэкономическая база империализма, но и вся его политическая надстройка была сохранена в форме Веймарской республики.

В первую очередь это явилось следствием победы в Германии контрреволюции в годы, непосредственно следовавшие за войной. Союз социал-демократических лидеров, монополистов и руководителей генерального штаба, разгромивший революцию и спасший германский монополистический капитал, сохранялся и в дни Веймарской республики. За этой ширмой демократических институтов реакция создала свою, еще более эффективную военно-промышленную базу и приступила к методическому восстановлению военной промышленности, поддерживая в то же время нацистское движение. Среди главных пособников и сторонников нацистского движения были офицеры генерального штаба и крупные промышленники, которые создавали разного рода бандитские организации, подавлявшие народные восстания в послевоенные годы.

Как ясно показал Герхардт Эйслер и его соавторы в книге «Урок Германии. Руководство к ее истории», Веймарская республика была создана в результате предательства революции 1918 г. социал-демократическими лидерами; ее поддерживал союз реакционных сил, разгромивших революцию. Веймарская республика начала с того, что нанесла сокрушительный удар левым элементам внутри

страны и приступила к проведению внешней политики, направленной против Советского Союза. Вместо того чтобы установить с коммунистической партией единый фронт против внутренней реакции, социалистические лидеры предпочли поддерживать веймарскую комбинацию, которая более или менее эффективно маскировала восстановление империалистической Германии. Такая Германия стала базой стабилизации реакции в Европе и изоляции Советского Союза.

Восстановление Германии явилось делом не только внутренних сил. Германия не смогла бы так быстро вернуть себе командные позиции в международных делах, если бы не активная поддержка со стороны держав Антанты и США. Версальский мир лишил Германию многих важных территориальных владений и экономических ценностей и установил для нее некоторые ограничения. Однако гораздо большее значение, чем меры, принятые для уменьшения и ограничения германской мощи, имели шаги, сделанные с целью возрождения влияния Германии на континенте как противовеса Советскому Союзу и оплота против революции в Европе.

Сыграли свою роль и противоречия интересов и тенденции внутри самих западных держав и во взаимоотношениях между ними—в частности английская политика равновесия сил, стремившаяся противопоставить Германию Франции, борьба между английским и американским капиталом за участие в германской промышленности, соперничество между английскими, французскими и американскими трестами за захват позиций, принадлежавших ранее германскому капиталу в Европе и за ее пределами. Послевоенные сдвиги, происшедшие в странах-победительницах, новый подъем рабочего движения и усилившееся влияние Октябрьской социалистической революции сыграли важную роль, препятствуя новым империалистическим авантюрам против молодой Советской республики. Версальский мир и Лига наций не ставили своей основной задачей ликвидацию германской мощи. Они были преимущественно направлены против русской революции. Из двух основных противоположных тенденций, существовавших на Западе,—желания устранить Германию как мирового империалистического соперника и антисоветской политики, — бесспорно, преобла-

дала вторая. Проведенное в Версале ограничение политической и экономической мощи Германии было предпринято одновременно с интервенцией против Советов и борьбой с послевоенными революциями в Европе. С самого начала политика в отношении Германии была направлена на поддержку контрреволюции. За короткое время ограничения, установленные для Германии, потеряли свою эффективность или были полностью ликвидированы. Вместо этого внимание западных держав было направлено на быстрое восстановление империалистической Германии как оплота против Советского Союза.

«Умиротворение» Германии началось задолго до прихода Гитлера к власти. Поддержка союзниками контрреволюции после первой мировой войны, интервенция в Советский Союз, преднамеренное восстановление империалистической Германии, а также контрреволюционная и антисоветская роль, сыгранная социал-демократией, — такова была политика, приведшая к столь роковым для союзников последствиям. «Умиротворители» и их предшественники были твердо убеждены, что реакционная Германия двинется только в одном направлении — против Советского Союза. Они не предполагали, что те группы, которым они помогли притти к власти, предпримут попытку завоевания мира. «Умиротворители» не приняли во внимание могущество Советского Союза.

Очень важно рассмотреть, как происходило восстановление германского империализма с помощью других капиталистических держав. Годы между двумя мировыми войнами могут еще многому научить нас. Основные силы, восстановившие империалистическую Германию, не ушли со сцены и в настоящее время.

Иногда утверждают, что огромные разрушения, которые принесла Германии вторая мировая война, и отторжение от Германской империи некоторых важных территорий предотвратят возрождение германской мощи. В этой связи полезно напомнить, что и первое поражение дорого обошлось Германии. Помимо огромных людских потерь, Германия по Версальскому миру утратила свыше 13% своей довоенной территории и 10% населения. На отданной территории находилось 14,6% всей пахотной земли довоенной Германии, 74,5% железной руды, 68% цинка, на нее приходи-

лось 26 % германской добычи угля. С возвращением Эльзаса Франции Германия потеряла свою мировую монополию в области поташа и около половины своих текстильных фабрик. Поставки натурой лишили Германию ее военного флота, большей части ее океанского торгового флота, одной четверти рыболовного флота, одной пятой речного и озера-ного флота, тысяч паровозов и железнодорожных вагонов и другого имущества. Все колонии и многие капиталовложе-ния за границей были потеряны. И, наконец, она должна была выплачивать репарации ¹.

Однако все эти потери не затронули основы могущества ее монополий, ибо главные промышленные предприятия сохранились, а гигантские концерны, контролировавшие экономику, остались незатронутыми. Даже отнюдь не жесткие версальские требования о демонтаже военных заводов были оставлены без внимания. Вместо этого с помощью иностранного, особенно американского капитала была произведена «реконверсия» военных заводов, а тяжелая промышленность была обновлена и модернизирована. В то время как в английской промышленности наблюдался застой, а большая часть Европы оставалась такой же от-сталой, как и до войны, германская промышленность до-стигла новых высот техники. Торговый флот был вскоре полностью восстановлен. Германские банки и концерны вернули себе значительную часть своих экономических позиций за границей, включая активы в Соединенных Шта-тах, на которые был наложен секвестр во время войны. В результате послевоенной инфляции германский экспорт к 1926 г. снова достиг довоенного уровня, а к 1929 г. пре-высил уровень 1913 г. на 34%.

Безудержная инфляция, последовавшая за войной, была организована крупными банками и концернами. Ловким дельцам удалось нажить новые громадные состояния и рас-ширить монополии за счет обанкротившихся средних клас-сов и голодающих рабочих. Держа в своих руках клю-чевые финансовые позиции в Веймарской республике, фи-нансовые магнаты могли использовать инфляцию для того, чтобы уничтожить менее крупные концерны, принудить

¹ Gustav Stolper, *German Economy, 1870—1940*, New York, 1940, pp. 135—136.

фирмы к слиянию и объединению, накопить резервы благодаря спекуляции на марке за границей и избавиться от задолженности. По словам одного специалиста, за период с 1919 по 1923 г. Германии удалось ликвидировать пассивное сальдо торгового баланса, производить платежи в счет репараций и вернуть себе часть своих заграничных капиталовложений путем спекуляции на марке. Пожалуй, две трети этих операций ровно ничего не стоили ей ¹.

Период быстрого экономического роста начался со стабилизации, достигнутой благодаря плану Дауэса, принятому в августе 1924 г. Политика репараций, в частности политика, проводившаяся на основе этого плана, в значительной мере содействовала быстрому возрождению германской промышленности и заложила основу для начавшегося вскоре притока иностранных капиталовложений. Эта политика ставила своей целью ускорить восстановление Германии. Платежи должны были производиться марками, депонированными в Германии, и в результате значительная часть этих средств была снова инвестирована фирмами стран Антанты и США в германскую промышленность. Кроме того, план Дауэса предусматривал предоставление Германии репарационного займа на сумму в 200 млн. долл., за которым вскоре последовали и другие займы. В послепериод инфляционный период Германия выплатила большую часть репараций за счет иностранных займов, а не за счет своих ресурсов. Репарационные платежи на основе планов Дауэса и Юнга с сентября 1924 г. до моратория, объявленного Гувером в июле 1931 г., составили примерно 11 млрд. марок, но за тот же период в Германии было инвестировано или предоставлено ей займы другими странами около 25 млрд. марок.

Большая часть этих кредитов шла из Соединенных Штатов. К 1929 г. иностранные займы, предоставленные непосредственно германским банкам, достигли суммы в 2 млрд. долл. За пять лет — с 1925 по 1929 г. — Германия получила только из Соединенных Штатов 842,5 млн. долл. Она была самым крупным иностранным должником США ². Кроме

¹ James W. Angell, *The Recovery of Germany*, New York, 1932.

² Cleona Lewis, *America's Stake in International Investments*, Washington, 1938, p. 393.

того, американские корпорации, в том числе «Стандард ойл», «Дженерл электрик», «Дженерл моторс», «Интернейшнл телефон энд телеграф», «Форд» и «Анаконда» произвели прямые капиталовложения.

По словам одного историка, стабилизация вызвала у капиталистического мира такое большое доверие, что Германия стала чуть ли не главным объектом движения капиталов в этот период¹. Экономическое возрождение Германии происходило на базе высокоразвитых монополий, которые, по существу, остались незатронутыми после поражения Германии в первой мировой войне. Так же как в других ведущих империалистических державах, в Германии финансовый капитал завоевал сильные позиции уже накануне войны, и был достигнут высокий уровень концентрации производства и капитала. Война принесла еще большую концентрацию экономической мощи. Ни в одной другой воюющей стране картелирование народного хозяйства под руководством гигантских трестов не происходило столь быстрыми темпами, как в Германии. Отрезанная в результате блокады от большинства иностранных источников сырья, Германия была вынуждена почти целиком опираться на свои внутренние ресурсы, рационализировать до предела свою промышленность и изобрести новые технологические процессы. К концу первой мировой войны монополии тесно срослись с государственным аппаратом. За период войны государственный капитализм достиг в Германии своего наивысшего развития.

2. Новая картельная структура

После первой мировой войны, в период частичной стабилизации капитализма, возникла новая картельная структура. В значительной мере это было результатом возрождения политического и экономического могущества Германии. Многие старые картельные связи были возобновлены, а между английскими, немецкими, французскими и американскими монополистами были установлены и новые связи. Это приняло широкие размеры к 1925 г., отражая рост участия американских монополистов в европейской и главным образом в германской экономике.

¹ Stolper, German Economy 1870—1940, p. 180.

Американские корпорации, проникнув в ослабевшую германскую промышленность и приобретая акции некоторых ведущих трестов, приняли значительно более широкое, чем до войны, участие в новых картельных отношениях. Через свои германские и европейские филиалы, а также непосредственно, американские монополисты помогли воссоздать картельную систему, охватывающую весь мир. Процессы объединения и расширения корпораций происходили в таких масштабах, что довоенная структура уже не могла идти ни в какое сравнение с новой системой. Американцы принимали прямое и непосредственное участие в гигантском Международном химическом картеле и в Международном динамитном картеле, созданном в 1925 г., хотя Версальский договор и запрещал производство военных материалов в Германии. В том же и последующих годах было создано множество других картелей, среди них Международный рельсовый и Европейский стальной картели ¹.

Благодаря своему участию в картелях и в частности своему господству в европейских картелях, а также благодаря помощи иностранных монополистов германские тресты без труда обошли ограничения Версальского договора, которые должны были предотвратить перевооружение Германии. Даже если допустить, что союзники были заинтересованы в полном подавлении германской военной промышленности, чего на самом деле не было, германским промышленникам, как показал опыт, было сравнительно нетрудно обойти Версальский договор благодаря суще-

¹ За короткое время германская сталелитейная промышленность настолько восстановила свои силы, что заняла господствующее положение в стальном картеле. В результате введения благоприятной для немцев системы квот Германский стальной трест быстро приобрел контроль над значительной частью этой отрасли промышленности в других европейских странах. В частности, контроль над бельгийскими предприятиями достиг такой степени, что германские компании покупали у бельгийских промышленников сталь по более низким ценам, чем бельгийские компании. Германская сталелитейная промышленность получила возможность довести продукцию до 23 млн. т в год, что более чем вдвое превышало английскую продукцию накануне второй мировой войны. Хотя США официально не входили в картель, экспортная политика американских стальных концернов была согласована с политикой картеля, который охватывал две пятых мировой выплавки стали и пять шестых всей внешней торговли сталью.

ствованию системы монополий и картелей. Это может быть продемонстрировано на ряде примеров.

Через три года после заключения Компьенского перемирия 1918 г. было возобновлено картельное соглашение между германской фирмой «Карл Цейсс» и американской фирмой «Бауш энд Ломб». Соглашение касалось военной оптики, включая также дальномеры, перископы для подводных лодок, орудийные прицелы и т. д. К тому времени «Цейсс» уже создал в Голландии свой филиал, называвшийся «Недиско», для производства и продажи за границей оптических приборов. По новому картельному соглашению все рынки, за исключением Соединенных Штатов, были предоставлены германской фирме, а все иностранные заказы, полученные американской фирмой, были переданы «Недиско». Таким образом, «Цейсс» смог поддерживать свое производство на высоком уровне, оставаясь в то же время полностью в курсе производственной деятельности своего американского партнера, в том числе в курсе заказов, сделанных американской армией и флотом. По условиям соглашения, руководители военного отдела фирмы «Бауш энд Ломб» должны были назначаться с одобрения «Цейсса»¹.

Через Европейский стальной картель концерн Фридриха Круппа смог продолжать свое военное производство за границей. Три огромных завода Круппа, на которых было занято 160 тыс. человек, представляли собой крупнейшую в мире корпорацию по производству вооружения. В соответствии с Версальским договором Крупп подчинился временной демилитаризации германских заводов. Тем временем Крупп передал свои патенты и секреты производства фирмам, организованным им в нейтральных странах, или фирмам, с которыми он установил тесные финансовые связи. В Голландии Крупп создал акционерное общество «Сидериус», установившее свой контроль над рядом голландских фирм, которые работали для Круппа. Были установлены также связи с рядом испанских фирм по производству вооружения. Крупная сделка была заключена со шведской фирмой «Бофорс», которой Крупп передал патенты в обмен на контрольный пакет акций этой фирмы. Через «Бофорс» контроль

¹ Cartels and National Security, Report from the Subcommittee on War Mobilization to the Committee on Military Affairs, U. S. Senate, Washington, 1944, Part II, Analytical and Technical Supplement, p. 65.

был также установлен над значительной частью финской военной промышленности¹.

Под благожелательным наблюдением держав Антанты Германии удалось перевести за границу целые военные заводы. Авиационные заводы «Фоккер» были целиком переведены в Голландию; в Швейцарии был создан филиал фирмы «Дорнье», а фирма «Юнкерс» продолжала строить самолеты на предприятиях своего шведского филиала. Английский концерн «Виккерс» передал Круппу сталепрокатный завод в Миерсе (Испания) в порядке урегулирования спора о патентах. Строительство немецких подводных лодок производилось в Голландии на замаскированном филиале германских государственных верфей в Киле; командир одной германской подводной лодки основал в Испании компанию для экспериментирования в области строительства подводных лодок².

Особое стратегическое значение для Германии имел химический картель. К 1925 г. «ИГ Фарбениндустри» уже экспортировал взрывчатые вещества в порядке участия в восстановленном динамитном картеле. До войны германский трест пользовался монопольными правами даже в Соединенных Штатах. Через 10 лет после Компьенского перемирия германские химические промышленники вернули себе ту часть промышленности красителей, которая во время войны находилась под управлением контролера над вражеской собственностью, и с помощью ряда соглашений с американскими фирмами оказывали значительное влияние на американскую фармацевтическую промышленность и промышленность красителей. По данным комиссии Килгора, германские и тесно связанные с ними швейцарские фирмы установили непосредственный контроль примерно над 40% производства химикалий в Соединенных Штатах³.

Протоколы конгресса и досье противотрестовского отдела министерства юстиции изобилуют материалами, показывающими, как Германии удалось подготовиться к войне, используя те возможности, которые открывали перед ней

¹ Albert Norden, Free World magazine, October, 1944.

² Elimination of German Resources for War. Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Military Affairs. U. S. Senate, Washington, 1945 (В дальнейшем цитируются Hearings), Part 3, pp. 172—173.

³ Cartels and National Security, Part II, p. 71.

международные картели. Об этом много писалось, и нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности. Перевооружению Германии способствовали не только связи, существовавшие между монополистами, но и анти-советская политика западных держав. Хотя господствовавшие в Англии и Америке группы хотели, чтобы их германские соперники всегда оставались слабыми, все же более важным они считали оказать помощь быстрому восстановлению Германии как оплоту против революции. К 1929 г. мировые позиции германского империализма (за исключением колоний) были полностью восстановлены, и германские монополии стали краеугольным камнем международной картельной системы.

3. Гитлер и картели

Приход Гитлера к власти значительно ускорил процесс концентрации капитала и рост монополий. Задачей государственного аппарата еще в большей степени, чем во времена Веймарской республики, стало проведение картелирования германской экономики и принудительного слияния фирм в интересах крупных банков и трестов. К концу 1936 г. все германское производство сырья и полуфабрикатов и по крайней мере половина выпуска готовых изделий были картелированы¹. Германская экономика быстро превратилась в военную экономику.

Вскоре после прихода Гитлера к власти директор крупной германской фирмы «Роберт Бош» писал своему американскому партнеру по картелю:

«Что касается политической ситуации... ясно только одно, а именно, что все административные и экономические силы, как, например, различные картели и т. п., должны проводить одну определенную линию, разумеется, совпадающую с политикой правящей партии, и что индивидуальные мнения и высказывания должны быть подчинены такому же правилу».

Теперь вряд ли кто будет отрицать, что германские крупные дельцы, действуя совместно с милитаристами-юнкерами,

¹ TNEC, Monograph 40, Regulation of Economic Activities in Foreign Countries, Washington, 1941.

поддерживали Гитлера и в конечном счете привели его к власти. Однако об этом стоит напомнить, поскольку отнюдь не решен еще окончательно вопрос, будет ли предотвращено возвращение к власти тех же самых монополистов, по крайней мере в западных зонах Германии. Комиссия Килгора сочла нужным подчеркнуть роль монополистов в гитлеровской Германии:

«Роль, которую сыграли картели, содействуя захвату власти Гитлером, была подробно освещена как в показаниях, данных комиссии, так и в других местах. Крупп, Тиссен и другие влиятельные фигуры германской промышленности оказывали финансовую помощь Гитлеру и использовали свое политическое влияние в его интересах»¹.

Далее комиссия цитирует сделанное в 1931 г. заявление Карла Дуисберга, бывшего тогда председателем «ИГ Фарбениндустри», показывающее, как план завоевания мира был связан с притязаниями крупных германских дельцов.

Дуисберг заявил:

«Ограниченность национальной экономической территории должна быть компенсирована межнациональными экономическими территориями... Для окончательного разрешения европейской проблемы... должно быть создано тесное экономическое объединение от Бордо до Одессы, как становой хребет Европы»².

Из заявления одного американского деятеля картеля видно, что роль, сыгранная «ИГ Фарбениндустри» и другими трестами в деле захвата Гитлером власти, была прекрасно известна в то время в монополистических кругах Соединенных Штатов. Представитель заграничного отдела фирмы «Дюпон» писал из Германии своему шефу 22 марта 1932 г.:

«В Германии все говорят, что «ИГ Фарбениндустри» финансирует Гитлера. Полагают, что этим занимаются также Крупп и Тиссен. В какой степени эти слухи правдивы, трудно сказать, но, повидимому, нет никакого сомнения в том, что доктор Шмиц (генеральный директор «ИГ Фарбениндустри») лично вносит большие средства в фонд нацистской партии»³.

¹ Cartels and National Security, Part II, p. 73.

² Там же. p. 74.

³ Munitions Hearings, Part 12, p. 2783.

Насколько были правдивы эти «слухи», стало ясно, когда Гитлер захватил власть. В состав временного Верховного экономического совета, образованного сразу же после установления нацистского режима, вошли «великие моголы» германского финансового капитала. Среди них были: Крупп — король вооружений, Тиссен, возглавлявший стальной трест, фон Сименс — электропромышленный магнат, Бош — руководитель химического треста, Феглер — один из руководителей стального треста, Дин — король поташа, фон Шредер, фон Финк и Рейнгардт — крупные банкиры¹.

Все то, что сообщалось антифашистской печатью в Германии и за границей о тесных связях между фашистами и промышленными магнатами, контролировавшими также крупнейшие финансовые предприятия Веймарской республики, было подтверждено всеми объективными исследователями Германии после ее поражения. Так, например, представитель министерства финансов США добыл письменное заявление фон Шницлера — одного из руководителей фирмы «ИГ-Фарбениндустри». В нем говорится о совещании рурских магнатов, состоявшемся в Берлине в феврале 1933 г., на котором председательствовал Шахт и присутствовал Гитлер. На этом совещании были установлены квоты пожертвований в фонд нацистской партии. Известно также, что рурские монополисты встретились с Гитлером в 1932 г. в клубе промышленников в Дюссельдорфе и обещали ему свою полную поддержку. В настоящее время достоверно известно, что уже в 1924 г. стальные короли Тиссен и Феглер и крупный банкир фон Шредер финансировали нацистское движение. В список 43 германских промышленных руководителей, биографии которых были собраны американской правительственной организацией, чтобы доказать их ответственность за гитлеризм², входят наиболее видные представители германских монополий. Несомненно, что все это было известно американским монополистам, сделавшим крупные капиталовложения в германскую промышленность и заключившим картельные соглашения с немцами.

¹ R. Palme Dutt, *Fascism and Social Revolution*, New York, 1934, p. 8.

² См. Hearings, Part 5.

Благодаря своим ключевым позициям в гитлеровском государстве и «общности интересов» установившейся между ними, фашистами и генеральным штабом, крупные монополисты расширили свой контроль над германской экономикой. Указ, изданный 15 июля 1933 г., уполномочивал министерство хозяйства проводить в принудительном порядке картелирование различных отраслей промышленности и торговли в целях регулирования цен и производства. Аутсайдеров принудили войти в картели, и было запрещено открывать новые предприятия без специального разрешения. В ноябре 1936 г. вся сеть торговых ассоциаций и картелей была поставлена под наблюдение правительства. 5 сентября 1939 г., через несколько дней после вторжения в Польшу, министерство хозяйства было уполномочено проводить принудительное объединение и слияние фирм в целях рационализации промышленного производства, объединения патентов в едином фонде, создания новых заводов, расширения экспорта и т. д. Вся германская деловая активность была поставлена под правительственный, т. е. под государственный монополично-капиталистический контроль. Все фирмы были обязаны вступить в торговую или картельную ассоциацию, признанную правительством в качестве единственного представителя соответствующей отрасли торговли или промышленности. Господство в народном хозяйстве трестов и концернов было полностью осуществлено в гитлеровском государстве. К 1943 г. слияние стало настолько полным, что почти нельзя было различить границу, отделявшую гитлеровский государственный аппарат от иерархии трестов. Широко картелированное народное хозяйство было полностью приспособлено к нуждам войны. Как писал германский промышленник своему американскому партнеру по картелю, картели были приведены к одному определенному знаменателю как в Германии, так и за границей. Ставшие теперь бесспорными правителями нацистского государства, которое превратилось в их главное орудие принуждения внутри страны и за ее пределами, германские монополисты методически и решительно проводили в жизнь свои агрессивные планы. Через международные картели они продолжали укреплять свои международные экономические позиции и расширять свое политическое проникновение за границей. Трудно себе представить более

действенный союз между монополистической экономикой и реакционной политикой. Монополистический капитал каждой страны борется за мировое господство, стремясь одержать верх над всеми конкурирующими национальными группами финансового капитала, используя с этой целью все политические рычаги, находящиеся в его распоряжении. Но при полном слиянии монополистического капитала с государственным аппаратом, как это имело место при нацистском режиме, германские хозяева картелей обладали огромным преимуществом по сравнению со своими английскими и американскими соперниками. Они могли таким образом усилить свой контроль над многими стратегически важными отраслями промышленности, главным образом в Европе, а также над источниками сырья в различных частях света.

Усиление германского экономического и политического проникновения наблюдалось также и в Соединенных Штатах. При изучении вопроса о проникновении германских монополий в США комиссия Килгора пришла к следующим выводам:

«Под прикрытием якобы нормальных деловых операций германские коммерческие, финансовые и промышленные фирмы использовали свои заокеанские филиалы для осуществления германской программы экономической войны против Соединенных Штатов. Эти германо-американские концерны были действенным орудием, с помощью которого гитлеровское правительство могло снабжать свою военную машину жизненно важным сырьем, обходить мероприятия правительства Соединенных Штатов, проведенные им в целях предотвращения демпинга германских товаров на американских рынках, приобретать иностранную валюту в форме американских долларов для закупки военного снаряжения, проводить нацистскую пропаганду за поддержку американского фашистского движения, вести шпионаж в промышленности и с помощью патентных ограничений мешать Соединенным Штатам производить те или иные изделия»¹.

Достижения этих целей добивались, в основном, двумя путями. Одним из них было создание в Соединенных Штатах

¹ Cartels and National Security, Part II, p. 73.

сети отделений и филиалов германских фирм. Так была создана фирма «Кемнико» — американский разведывательный орган «ИГ Фарбениндустри»; фирма «Трансмарес», специализировавшаяся на снабжении Германии стратегическими военными материалами; фирма «Крупп — Нироста», которой удалось в результате своих манипуляций с патентами ограничить производство нержавеющей стали в Соединенных Штатах. Другим путем было использование немцами системы международных картелей. Немцы с успехом использовали ее для того, чтобы всегда быть в курсе новых производственных процессов, разрабатываемых в Соединенных Штатах, и в то же время ограничивать американское производство стратегических материалов. Нехватка алюминия, бериллия, магнезия, синтетического каучука, дизельных моторов и других важных военных материалов объяснялась, по крайней мере частично, ограничениями, навязанными картельными соглашениями.

Наиболее успешные международные операции вел концерн «ИГ Фарбениндустри». Он является характерным продуктом германской картельной системы, в котором объединены многие взаимосвязанные отрасли промышленности¹. Он был реорганизован из сравнительно свободного объединения в разгар первой мировой войны в 1916 г. Шесть крупных химических трестов, принимавших участие в первоначальном объединении, были тесно слиты, и к ним присоединились еще две корпорации. Концерн был снова реорганизован и расширен в 1925 г., и это явилось предварительным шагом к участию в гигантском мировом химическом картеле. К «ИГ Фарбениндустри» присоединился ряд новых фирм, в том числе крупные фирмы по производству взрывчатых веществ и вооружения. Продолжался также процесс поглощения фирм смежных отраслей промышленности. К моменту начала второй мировой войны «ИГ Фарбениндустри» представлял собой слияние 177 германских корпораций.

¹ Во время войны «ИГ Фарбениндустри» испытывал отравляющие вещества на заключенных в концентрационных лагерях, а позднее эти газы были использованы для массового уничтожения заключенных в Освенцимском и других лагерях. На предприятиях «ИГ» работало свыше 63 тыс. иностранных рабов, что составляло более трети всей рабочей силы заводов. (Hearings, Part 8, pp. 1074—1090.)

К концу войны, по данным военного министерства и министерства финансов Соединенных Штатов, «ИГ Фарбениндустри» контролировал 380 германских фирм. В его международную организацию входило 500 компаний в 93 странах. Кроме того, многие фирмы были включены в эту обширную сеть посредством 2 тыс. картельных соглашений с «ИГ Фарбениндустри». Этот концерн обладал монопольным контролем или основным влиянием в следующих отраслях промышленности: фармацевтической, нефтяной, производстве искусственных удобрений, красителей, взрывчатых веществ, синтетического каучука, алюминия, магния, пластмасс, фотоматериалов, строительных материалов, искусственных текстильных изделий, специального машиностроения и технического оснащения и во многих других отраслях ¹.

Германский стальной трест, сам являвшийся гигантским монопольным объединением, частично принадлежал «ИГ Фарбениндустри». Трест по производству красителей владел многими источниками необходимого ему сырья, в том числе углем, и производил все химические продукты, используемые в промышленности и сельском хозяйстве. Поддерживая через мировую химическую картельную сеть тесные связи с «Дюпоном», он имел также другие прямые связи с американскими монополистами. Одна из таких важных связей поддерживалась через «Америкэн ИГ корпорейшн», контролировавшуюся основным трестом через швейцарское отделение «ИГ Хеми». Тигл из компании «Стандард ойл» и Эдсель Форд были директорами американского «ИГ». В алюминиевой промышленности германский трест имел также картельные связи с Меллоном ². По словам Уэнделла Берджа, «ИГ Фарбениндустри» участвовал в 162 картельных соглашениях, затрагивающих Соединенные Штаты ³.

Часто утверждают, что американские монополисты были просто обмануты германскими хозяевами картелей. Возможно, что в отдельных сделках они прогадали. Но картель-

¹ Cartels and National Security, Part II, pp. 3—5; Hearings, Part 5, p. 652, см. также Hearings, Part 7, pp. 959 ff.

² Anna Rochester, Rulers of America: A Study of Finance Capital, New York, 1936, p. 192.

³ Titanium Hearings, Subcommittee of the Committee on Military Affairs, U. S. Senate, Washington, 1944, p. 960.

ная игра включает в себя элемент риска. Американские монополисты вступали в картели, очевидно, потому, что они рассчитывали извлечь выгоду из этого положения, защитив свой внутренний рынок, а также усилив свои международные позиции. Но предположить, что американские монополисты были «одурачены» своими более активными германскими партнерами, означало бы серьезно недооценить их проницательность. Не только германские, но и американские и английские монополисты проводили определенную политику, и это не была «чисто деловая» политика. Как это уже доказано, американским магнатам было хорошо известно о политических связях между гитлеровцами и германскими монополистами. Они, возможно, ошибались в оценке эффективности этого объединения и в своей оценке германской мощи по сравнению с Советским Союзом; они бесспорно недооценивали силу антифашистского движения во всем мире, вызванного германской угрозой. Но они превосходно знали, с кем ведут дела и с какой целью.

Картельные соглашения были неотъемлемой частью проводившейся на Западе в межвоенный период политики создания германского аванпоста против Советского Союза. Они отражали лежащий в их основе межмонопоольный и межимпериалистический конфликт, но они также отражали соглашение, хотя и временное и предварительное, каким являются все подобного рода соглашения, между тремя ведущими группами международного монополистического капитала. Соглашение не могло быть осуществлено вследствие внутренних империалистических конфликтов, а также вмешательства антифашистских и антиимпериалистических сил. Но соглашение существовало. Картельные соглашения представляют стадию, следующую за стихийной игрой экономических сил; они представляют собой попытку монополистов регулировать эти силы, и относятся поэтому к сфере высокой экономической политики.

Весьма конкретной иллюстрацией связи между картелями и общими политическими тенденциями, выразившейся в межвоенные годы в политике «умиротворения», было англо-германское картельное совещание, состоявшееся в Дюссельдорфе в марте 1939 г., вскоре после мюнхенского соглашения 1938 г., в момент, когда германская армия вступила в Чехословакию. На этом совещании Федерация

британской промышленности и Германская имперская промышленная группа (Reichsgruppe Industrie) заключили соглашение, предусматривавшее самое тесное сотрудничество между монополистами обеих стран. Одна из статей дюссельдорфского документа гласила:

«Обе организации согласны в том, что их цель — обеспечить устранение нездоровой конкуренции путем соглашения между соответствующими отраслями промышленности. Они ставят себе целью добиться как можно более полного сотрудничества во всей промышленной системе своих стран».

Другая статья предусматривала, что обе центральные организации будут искать помощи у своих правительств в случае, если промышленность «какой-либо другой страны» откажется присоединиться к этому соглашению и будет грозить аннулировать своей конкуренцией новые картельные соглашения. Как указывал в то время лондонский журнал «Экономист», это обязывало английских монополистов просить у своего правительства субсидий и другой помощи для того, чтобы содействовать германской торговле против американских конкурентов, поскольку только эти последние обладали достаточной силой, чтобы угрожать новым картельным соглашениям и подрывать их. «Нет ли в атмосфере Дюссельдорфа чего-то, заставляющего здравомыслящих людей терять рассудок?» — спрашивал лондонский финансовый орган. Тот же самый вопрос можно было бы задать относительно атмосферы в Берхтесгадене или Мюнхене.

Но эти люди не теряли разума, хотя, как показали события, они просчитались. Соглашение в Дюссельдорфе угрожало изменить существовавшую картельную структуру в пользу английских и германских монополистов и в ущерб американским монополистам. Это не было пустой угрозой. В заявлении, сопровождавшем соглашение, указывалось, что «значительное число соглашений между отдельными германскими и английскими промышленными группами уже существует» и что «еще пятьдесят промышленных групп выразили принципиальную готовность вступить в переговоры в ближайшее время». Отмечалось также «с удовлетворением, что переговоры уже начались и происходят в настоящее время между десятью промышленными группами».

Эта попытка заключить общее картельное соглашение между английскими и германскими монополистами получила поддержку правительства Чемберлена. За месяц до открытия совещания в Дюссельдорфе английский министр торговли заявил в палате общин, что совещание «организовано с полного ведома и одобрения правительства его величества» и выразил надежду, что оно приведет к непосредственным переговорам между английскими и германскими фирмами в отдельных отраслях промышленности¹.

Американские монополисты не могли, конечно, не знать заранее о планах, состряпанных в Дюссельдорфе, и не оценить все их последствия, в особенности те, которые угрожали их собственным позициям. Как будет показано далее, они серьезно рассчитывали на способность своих гигантских трестов отразить угрозу англо-германской монополистической комбинации. Можно предположить также, что они предприняли контрмеры через посредство своих филиалов в Германии и своих собственных картельных связей. Американские монополисты, несомненно, не относились совершенно отрицательно к событиям в Дюссельдорфе, так как видели в них дальнейшее развитие антисоветской и антидемократической политики, а некоторые круги, возможно, с энтузиазмом встретили известие о дюссельдорфском соглашении. Но они вряд ли могли быть довольны тем, что англо-германская комбинация угрожала непосредственно им. Это, несомненно, является одним из важнейших факторов, объясняющих возникновение после Мюнхена и Дюссельдорфа оппозиции к политике «умиротворения» в кругах крупных американских дельцов и в правительственных кругах США.

4. Германские монополии во время войны

Цель, столь точно и ясно выраженная в 1931 г. председателем правления «ИГ Фарбениндустри» — создать «тесное экономическое объединение от Бордо до Одессы», — стала основой германской политики в оккупированных странах Европы и в странах-сателлитах. Были использованы различные методы, в том числе конфискация «неарийских» концер-

¹ Корвин Д. Эдвардс, Международные картели в экономике и политике, Госиноиздат, 1947, стр. 135.

нов, государственных предприятий, а также собственности, принадлежавшей гражданам государств, находившихся в состоянии войны с Германией; контроль над коммерческими банками, тесно связанными с промышленностью; принудительная продажа предприятий германским фирмам; принудительные слияния с германскими трестами; создание новых корпораций смешанного владения, в которых доминировали германские интересы; скупка вынужденных выпусков акций и, наконец, прямой грабеж.

Суммируя находившиеся в его распоряжении сведения о германском контроле над европейской экономикой в период оккупации, Антонин Баш пишет:

«В результате невиданных по масштабам перемен во владении промышленными предприятиями немцы приобрели абсолютный контроль над промышленностью и банками в оккупированных странах и странах-сателлитах. Эти перемены носили в Восточной и Центральной Европе более широкий характер, чем в Западной Европе. Наибольшего размаха они достигли в Польше, затем в Югославии, Чехословакии, в Румынии и Австрии. В западноевропейских странах проводилась та же политика, с теми же результатами, за исключением того, что в этих странах степень проникновения при помощи непосредственной передачи собственности была относительно меньшей. Однако в тяжелой металлургии, химической и электрохимической промышленности, а также в горнорудной промышленности и в банковском деле она была достаточно существенной, чтобы обеспечить преобладающую роль Германии в производстве. Насильственные картельные соглашения завершили этот германский контроль над промышленностью в оккупированной Европе и странах-сателлитах».

Этот же автор указывает, что с самого начала оккупации принимались всевозможные меры для того, чтобы «создать такое сложное положение, когда восстановление status quo было бы весьма затруднительно». Характерной чертой всех финансовых махинаций был тот факт, что «нацисты всегда старались придать своим действиям видимость законности»¹.

¹ Antonin Basch, *Industrial Property in Europe*, Committee on International Economic Policy, New York, 1944, pp. 7—8, 14—15.

Европейские партнеры Германии по картелям не отказывались от сотрудничества. Перед началом войны в Европе экономическая оккупация Европы «мирными» средствами зашла весьма далеко. Германский монополистический капитал уже прочно укрепился во многих европейских странах, и во время войны хозяева картелей строили на этом свои расчеты. В числе их основных политических сотрудников в подготовке завоевания, а также в создании фашистского порядка были руководители крупной промышленности стран, ставших жертвами фашистов.

В опубликованной французской коммунистической партией брошюре¹ содержатся материалы о сотрудничестве французских промышленников с германскими трестами. В этой брошюре рассказывается, как после мая 1940 г. французские крупные промышленники передали свои предприятия в распоряжение захватчиков, объединившись с германскими трестами в новых концернах. Ярким примером такого рода объединения в области химической промышленности и производства красителей является фирма «Ла сосьете франколор», которая была создана в 1941 г., когда немцы захватили французский химический трест «Кюльман». «ИГ Фарбениндустри» захватил 51% капитала новой фирмы, взамен чего Кюльман получил акции «ИГ Фарбениндустри» и директорский пост в новом объединении. Восемь крупнейших автомобильных промышленников объединились в «Сосьете женераль франсез де конструкторь отомобиль», которое было создано для производства военного снаряжения для немцев. В мае 1941 г. французские промышленники публично высказались за «теснейшее сотрудничество» с германскими и итальянскими фирмами в этой отрасли промышленности. В новом объединении автозаводы перешли на производство стандартизованных деталей четырех типов военных грузовиков, добровольно прекратив производство легковых автомобилей. Но зимой 1939/40 г., когда к ним обратились с просьбой доставлять военные материалы для французской армии и в связи с этим приостановить выпуск легковых автомобилей, они отказались это сделать.

¹ La Haute Trahison des Trusts, Editions du Parti Communiste Français, Marseilles.

В станкостроительной, металлургической, электрохимической, военной и лесной промышленности, в промышленности синтетического каучука, текстильной промышленности, производстве искусственного волокна, в области связи и в других отраслях промышленности, так же как и в горнорудном деле, крупнейшие французские предприниматели сотрудничали с немцами путем слияния существующих фирм и создания более крупных объединений. В области внешней торговли наиболее крупные фирмы создали в 1941 г. объединение «Франко-континенталь д'импортасьон и д'экспортасьон» с целью расширения торговли между Францией и ее колониями, а также между Германией и Восточной Европой. Четыре гигантских французских банка — «Креди лионе», «Сосьете женераль», «Контуар д'эсконт» и «Банк насиональ пур ле коммерс эл'индустри» — объединились в «Финансьер пур ле девелопмен де л'индустри ан Франс э о колони» со специальной целью стимулировать создание совместных франко-германских предприятий. Капитал крупных французских страховых компаний был тоже поставлен на службу франко-германского сотрудничества путем создания новой компании, организованной Жаком Гераром — секретарем Лавалья и председателем страхового треста.

Декретом правительства Виши от 16 августа 1940 г. были созданы особые Организационные комитеты. В период их деятельности процесс концентрации и слияния ускорил вытеснение из французской экономики мелких и нетрестированных предприятий. К январю 1943 г., согласно заявлению германских оккупационных властей, 10 тыс. промышленных предприятий во Франции были закрыты в результате «рационализации» французской экономики. «Этим способом, — пишет автор брошюры, выпущенной французской коммунистической партией, — «национальная революция» оповестила о том, что 20% промышленников, представлявших крупный капитал, разгромили остальные 80% промышленников»¹.

Германские тресты устанавливали свое господство над европейской экономикой с такой же методичностью, с какой установила свое господство германская военная и полити-

¹ La Haute Trahison des Trusts, Editions du Parti Communiste Français, Marseilles.

ческая машина. Это привело к расширению старых сверхмонополий и к созданию в больших масштабах новых монополий. Концерн «Герман Геринг верке», созданный в 1937 г. для эксплуатации минеральных ресурсов низкого качества в Германии, вскоре превратился в третий по величине концерн Германии. Хотя контрольный пакет акций принадлежал государству, старые концерны разделяли с гитлеровскими заправилами контроль над новым гигантом. Со временем концерн «Герман Геринг верке» установил в подчиненной державам оси Европе свой непосредственный контроль над 128 компаниями и частичный контроль не менее чем над 28 другими компаниями. К 1941 г. он контролировал всю металлургическую промышленность Австрии и Румынии, не менее половины производства чугуна и стали в Чехословакии и Польше, всю выплавку меди в Югославии, около 80% судетского бурого угля, а также более половины судоходства на Дунае¹. Представление о сети германских картелей в Европе во время войны можно будет составить лишь в будущем, когда мы будем располагать более полными данными. И даже тогда картина может оказаться неполной, ибо германские монополисты и их партнеры приложили большие усилия к тому, чтобы «легализовать» свои сделки и по возможности замаскировать их с помощью различных подставных лиц.

В более развитых капиталистических странах Западной Европы оккупация и коллаборационизм привели к ускорению концентрации экономической мощи в руках трестов, которые все прочнее срастались с германскими сверхмонополиями. В эту европейскую систему картелей и монополий были включены находившиеся под германским контролем объединения (число которых еще больше увеличилось за время войны) в так называемых нейтральных странах — Испании, Швейцарии, Швеции и Португалии. Предварительный анализ, без учета новых филиалов, созданных в военное время, показывает, что германская промышленность обладала в этих четырех странах на правах собственности или контроля 617 филиалами или субсидируемыми фирмами. Сюда не входит контроль над другими фирмами при помощи патентных прав или других методов.

¹ Hearings, Part 3, pp. 234 ff.

Из неевропейских нейтральных стран, с которыми германская промышленность поддерживала тесные связи, наибольшее значение имели Аргентина и Турция. В Аргентине существовало не менее 100 филиалов германских фирм в различных отраслях промышленности и торговли ¹.

В экономически отсталых районах Восточной и Центральной Европы, где еще до войны промышленность и важнейшие источники сырья были подчинены иностранному капиталу, немецкие хозяева картелей захватили в свои руки почти все предприятия, не принадлежавшие ранее немцам, или подчинили их с помощью коллаборационистов своему полному контролю. Эти районы в политическом и экономическом отношении находились на положении колоний Германской империи.

Участники германских картелей, даже в период войны, расширяли свое влияние не только в Европе, но и в районах, находившихся под властью Объединенных наций. Так, например, в докладе комиссии Килгора отмечается, что германский стальной трест «Ферейнигте штальверке» (Vereinigte Stahlwerke) сохранял свое господство на расширяющемся южноамериканском рынке. Ему удалось добиться этого путем выполнения заказов, используя сталь, выплавленную в Соединенных Штатах и закупленную через его американские агентства. До войны трест «Ферейнигте штальверке» господствовал на стальных рынках Южной Америки посредством контроля над Европейским стальным концерном и непосредственно — через свои 175 отделений и агентств, существовавших почти в каждой стране. Во время войны германскому стальному тресту не только удалось сохранить свои позиции, но даже вытеснить американских конкурентов ².

В докладе о международной картельной системе, составленном для комиссии Килгора, Корвин Эдвардс приводит ряд картельных соглашений, по которым американские фирмы согласились снабжать германских клиентов в Южной Америке во время войны с тем, чтобы после окончания военных действий эти операции возвратились к германским фирмам. Он приводит такого рода соглашения,

¹ Hearings, Part 5, pp. 644, 655.

² Cartels and National Security, Part II, pp. 77—78.

касающиеся ряда химических продуктов и медикаментов, а также других имеющих важное военное значение изделий, например инъекторное оборудование. Эти соглашения были заключены непосредственно после начала войны в Европе ¹.

Такого рода соглашения явно были составлены с расчетом — он преобладал даже на первых стадиях войны — возобновления старых картельных связей с германскими монополистами сразу же после того, как чрезвычайные обстоятельства не будут больше существовать. Как комиссия Килгора в своем докладе, так и Эдвардс цитируют много картельных соглашений, предусматривающих, что договоренность, осуществление которой прекращено во время войны, будет возобновлена как можно скорее. Так, например, когда «Дюпон» и «ИГ Фарбениндустри» в апреле 1941 г. прекратили обмен технической информацией, они договорились о том, что это будет продолжаться лишь «до тех пор, пока существуют нынешние чрезвычайные обстоятельства», причем «все другие обязательства по контрактам остаются в силе». В письме, адресованном американской фирмой «Ром энд Хаас» концерну «ИГ Фарбениндустри» в январе 1940 г., содержится следующее обещание: «Мы вернемся к прежнему положению как только будут восстановлены нормальные условия» ².

Поэтому нет ничего удивительного, что некоторые американские партнеры по картелям прилагали все усилия к тому, чтобы оградить от конфискации со стороны контролера над вражеской собственностью активы германских фирм в Соединенных Штатах. Наиболее ярким примером такого рода является соглашение компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» с «ИГ Фарбениндустри» ³.

После начала войны в 1939 г. представитель компании «Стандард ойл» встретился в Голландии с представителем

¹ Корвин Д. Эдвардс, Международные картели в экономике и политике, Госиноиздат, 1947, стр. 157—164.

² Там же, стр. 159.

³ Компания «Стандард ойл» имела в Германии инвестиции во всех областях нефтяного дела; «Дженерл моторс», которая вместе со «Стандард ойл» владела компанией «Этил газолин» (авиационный бензин), также имела в Германии существенные инвестиции и выпускала там до войны больше половины автомобилей. «Стандард ойл» и «ИГ Фарбениндустри» заключили тесный картельный пакт, охваты-

«ИГ Фарбениндустри». О результатах этого свидания представитель американской фирмы сообщил в своем письме следующее:

«Они передали мне две тысячи иностранных патентов, и мы сделали все зависящее от нас, чтобы выработать законченные планы для *modus vivendi* на все время войны, независимо от того, вступят ли в нее Соединенные Штаты или нет».

Обеспечив германские патенты, представитель этого, пожалуй, крупнейшего в мире объединения выразил некоторое сомнение по поводу того, как пойдет дело:

«Выполнению договора помешала война, так как наша группировка включала в качестве заинтересованных сторон американцев, англичан, голландцев, немцев. Таким образом, война вызвала массу осложнений. *Как мы сумеем примирить интересы всех этих воюющих сторон,—до сих пор остается невыясненным.* Сейчас мы работаем над этой стороной проблемы и, надеюсь, найдем выход из создавшегося положения. *Развитие техники должно продолжаться, несмотря на войну, поэтому мы должны найти решение этих задач*»¹.

Патенты, о которых идет речь, были конфискованы американским правительством, но едва кончились военные действия, как компания «Стандард ойл» начала судебный процесс, чтобы получить обратно эти патенты от контролера над вражеской собственностью. Во время предварительного слушания дела в суде компания «Стандард ойл» утверждала, что эти патенты были куплены ею у «ИГ Фарбениндустри», тогда как представитель этой фирмы, прилетевший специально из Германии на процесс, показал, что передача патентов произошла лишь на время войны.

Это не единственный случай такого рода. В январе 1940 г. несколько представителей американских деловых

вавший синтетический каучук и синтетическое горючее; по этому пакту «Стандард ойл» обязался воздерживаться от производства этих материалов в обмен на обязательство «ИГ Фарбениндустри» не проникать в нефтяную промышленность США. После Нирл Харбор США оказались неспособными производить синтетический каучук в масштабах, ставших необходимыми вследствие прекращения поставок натурального каучука.

¹ У. Бердж, Международные картели, Госиноиздат, 1947, стр. 52.

кругов, о которых известно только, что они были «американскими друзьями» «ИГ Фарбениндустри», прибыли в Базель (Швейцария) для обсуждения с представителями германского химического треста способов защиты фирмы «Дженерл анилин энд фильм корпорейшн» от конфискации ее имущества правительством в случае вступления Соединенных Штатов в войну. Фирма «Дженерл анилин», крупнейший филиал «ИГ Фарбениндустри» за границей, включала в себя все предприятия по производству фотоматериалов, красителей и предприятия фармацевтической промышленности в Соединенных Штатах, принадлежавшие «ИГ Фарбениндустри». Для защиты интересов «ИГ Фарбениндустри» американские партнеры согласились еще больше «американизировать» корпорацию и ликвидировать все внешние связи с «ИГ Хеми», — швейцарским филиалом «ИГ Фарбениндустри», контролировавшим «Дженерл анилин». Этот план, как выяснилось впоследствии из протоколов, найденных в Германии в период оккупации, соответствовал общей схеме, разработанной юридическим отделом «ИГ Фарбениндустри» на совещании в марте 1939 г. По этому плану собственность «ИГ Фарбениндустри» в Соединенных Штатах должна была быть передана перед возникновением войны его американским друзьям и представителям нейтральных стран при условии возобновления связей после окончания военных действий, независимо от того, кто выиграет войну ¹.

Во время обсуждения вопроса о ликвидации германских военных ресурсов сенатор Харли Килгор напомнил, что после первой мировой войны американские фирмы выплатили Крупшу большую сумму патентных отчислений от производства стальных бронированных плит. Килгор указал, что во время второй мировой войны американские корпорации также создали резервы для уплаты германским фирмам патентных отчислений за использование их лицензий и патентов ².

Другим примером сохранения американо-германских монополистических связей даже в период войны является алюминиевый картель — «Альянс алюминииум компани»),

¹ Hearings, Part 4, pp. 565, 569—571.

² Ibid., Part 3, p. 154.

организованный в Базеле в октябре 1941 г. Наряду с немецкими, французскими и английскими концернами в этом картеле участвовала «Алюминум лимитед оф Торонто», которой компания «Алюминум компани оф Америка» передала свои иностранные активы¹.

Уже упоминалось о том, как картельные соглашения вызвали нехватку стратегических военных материалов в Соединенных Штатах. Были раскрыты также факты, свидетельствующие о том, что даже в период войны американские участники картелей помогали державам оси. Вследствие того, что компания «Ремингтон армс» упорно соблюдала соглашение, заключенное ею с «ИГ Фарбениндустри», США не могли снабжать Англию в 1941 г. тетраценом — важным химическим продуктом, применяемым при снаряжении капсулей пулеметных, винтовочных и пистолетных патронов². Титановый картель, контролируемый фирмой «Америкэн лед компани», обвинялся министерством юстиции в том, что он помогал японцам получать руду из Индии, в нарушение английского эмбарго, а также помогал «ИГ Фарбениндустри» в сокрытии его активов в Соединенных Штатах³.

Если международные связи трестов поддерживались даже в период войны и если, по утверждению магнатов капитала, во что бы то ни стало должны были соблюдаться соглашения, касающиеся техники, независимо от того, ведется война или нет, следует предположить, что эти соображения будут иметь наибольшее значение для монополистических кругов также и в мирное время.

¹ Hearings, Part 3, pp. 290—292.

² Ibid., Part 5, p. 643.

³ Titanium, Hearings, p. 960.

МОНОПОЛИИ В РАЗГРОМЛЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Несмотря на поражение Германии и большие разрушения в стране, германская экономика еще не обезврежена с точки зрения возможности подготовки новой войны. Дело не только в том, что многие предприятия тяжелой и военной промышленности остались почти нетронутыми. Вся промышленная собственность в западных зонах осталась в руках крупных германских концернов. Военное поражение Германии и политический разгром гитлеризма значительно ослабили германский монополистический капитал. Но база монополий еще не уничтожена. И до тех пор, пока она существует, германский империализм будет иметь силы и возможность оправиться.

Опасность возрождения агрессивной Германии усилилась вследствие ясно выраженной тенденции на Западе обойти или пересмотреть совместную политику полной демилитаризации и денацификации Германии, которая была выработана Большой тройкой на Крымской и Потсдамской конференциях.

Сразу же после окончания войны реакционные политические силы попытались возродить политику, господствовавшую в межвоенные годы, с тем, чтобы вновь восстановить Германию как оплот против Советского Союза и стран новой демократии.

Сторонники такой политики столкнулись с рядом новых препятствий; им мешали также многочисленные противоречия, существовавшие в их собственных странах, а также в отношениях с другими западными державами. Однако некоторые условия благоприятствовали им, и через несколько месяцев после окончания войны эта тенденция превратилась в серьезную угрозу для мира, обещанного возникшей в военное время коалицией великих держав.

1. Опасность возрождения

Поскольку бо́льшая часть германской промышленности, в частности тяжелой промышленности, находится в западных зонах оккупации, будущая судьба промышленности и монополий в Германии зависит в значительной мере от выполнения Соединенными Штатами, Англией и Францией Потсдамского соглашения.

Если исходить из стоимости всей промышленной продукции довоенной Германии, то в английской оккупационной зоне оказалось примерно 35% германской промышленности, в американской — 25% и во французской — 10%. Остальное — менее одной трети — находится в советской зоне, а также в Силезии, Померании и Восточной Пруссии, воссоединенных с Польшей.

Наиболее важный в промышленном отношении район оккупирован англичанами. Рурский бассейн, расположенный в Вестфалии и Рейнской области, является сердцем германской тяжелой промышленности и важнейшим звеном монополистической структуры. До войны он давал 70% всего чугуна и стали и свыше 80% антрацита. Рур давал две трети германской продукции стальных изделий. Вся сеть промышленных предприятий, находящихся в Руре и зависящих от его основной продукции, представляла собой самый крупный и хорошо организованный комбинат в Европе.

Сталелитейные предприятия в контролируемом французами Сааре, составлявшие около 12% промышленности Германии, тесно связаны с Руром через монополистические объединения.

Другие отрасли тяжелой промышленности, хотя и зависевшие в значительной степени от Рура как источника основных материалов, распределены более равномерно между зонами. Если исходить из географического размещения промышленности перед войной, то в советской и английской зонах имеется по одной трети всей германской машиностроительной промышленности, тогда как в американской зоне — 25% и во французской — 10%. Химическая промышленность (если не учитывать важных изменений, происшедших в период войны) распределена примерно поровну между английской, американской и фран-

цузской зонами, вместе взятыми, и советской зоной¹. Почти половина промышленности по производству электрооборудования расположена в районе Берлина, оккупированном всеми четырьмя державами. В американской зоне находится около одной пятой этой промышленности, а остаток примерно поровну поделен между английской и советской зонами. Что касается текстильной промышленности, то в советской зоне находится свыше 40% текстильных промышленных предприятий, а в английской зоне — 25%. Американцы контролируют около 15%, а французы — 10%².

Хотя промышленные предприятия, находящиеся в советской зоне³, довольно значительны, нельзя с помощью одного лишь контроля над ними или ликвидации их уничтожить опасность империалистического возрождения Германии. Если Рур будет полностью восстановлен, он может явиться мощной базой для империалистических групп на западе и юге Германии. Это не абстрактная опасность, поскольку ресурсы, производственная мощность и промышленное единство этого района могут быть полностью восстановлены в течение нескольких лет.

Администрация США по руководству экономической деятельностью в иностранных государствах, ознакомившись в общих чертах с сохранившимся у Германии после ее капитуляции военным потенциалом, пришла к выводу, что «если мы предоставим Германию самой себе и не разработаем программы экономического и промышленного разоружения Германии, последняя через пять лет будет

¹ По сообщению представителя американской военной администрации в Германии, к концу войны собственность «ИГ Фарбениндустри» следующим образом распределялась между зонами (по стоимости): американская зона — 9,75%, английская — 11,5%, французская — 20,2%, советская — 58,55%. (Kilgore Committee Hearings, Elimination of German Resources for War, Part 8. p. 1067.)

² S. D. Merlin, The German Iron and Steel Industry in Relation to Foreign Trade, Department of State Bulletin, April 29, 1945, p. 814. Эти оценки основаны также на статистических данных о германской промышленности, приведенных в Hearings, Part 3, p. 408.

³ Примерно 18% довоенной германской металлургической промышленности и около 16% добычи антрацита приходилось на Силезию, большая часть которой перешла к Польше. Саксония является важным промышленным районом; особенно развиты в ней машиностроительная, химическая и текстильная отрасли промышленности.

лучше подготовлена к войне, чем в 1939 г.»¹. О размерах военного потенциала германской промышленности после разгрома Германии свидетельствует тот факт, что в конце 1944 г. уровень производства в Германии был выше, чем за всю ее историю. И это имело место, несмотря на тяжелые военные потери и разрушения, вызванные воздушными бомбардировками.

Обследование, проведенное на месте, показало, что передававшиеся в военное время сообщения о разрушениях военной промышленности в результате воздушных бомбардировок были сильно преувеличены. Выяснилось, что, хотя воздушные бомбардировки, вызвав повреждение транспортной системы, нарушили поток сырья и готовых изделий и разрушили несколько крупнейших предприятий, большинство крупных промышленных предприятий смогло приступить к производству после незначительного ремонта. В общем за время войны пострадало не более 20% производственной мощности германской промышленности. Большая часть сталелитейной промышленности, производственная мощность которой в военное время составляла 25 млн. т, могла возобновить производство почти немедленно. Гигантские заводы Круппа работали в конце войны примерно на 60% своей мощности, и управляющий этими заводами заявил, что они могут работать на полную мощность, если союзники этого пожелают. Детальное обследование промышленности показало, что предприятия по производству стратегических военных материалов, таких, как химикалии, азот, каменноугольная смола, волокно, каучук и алюминий, могут через сравнительно небольшой промежуток времени выпускать продукцию примерно в масштабах военного времени. Угольные шахты, принадлежащие к числу лучших в мире, могли бы без труда возобновить свою работу на полную мощность после возвращения военнопленных в Германию и полной демобилизации армии.

Возможность отремонтировать, а в случае необходимости и полностью восстановить промышленные предприятия за сравнительно короткий срок объясняется наличием в Германии высоко развитой станкостроительной промышленности. В 1939 г. Германия обладала бóльшим количеством

¹ Hearings, Part 3, p. 158.

станков на предприятиях и большей производственной мощностью станкостроительных предприятий, чем Соединенные Штаты. После поражения Германии ее машиностроительная база уступает только американской. Благодаря этому заводы синтетического горючего, сильно разрушенные воздушными бомбардировками, могли бы быть восстановлены за шесть месяцев.

Помимо больших внутренних ресурсов, германские монополисты могут в значительной мере рассчитывать на свои крупные капиталовложения за границей и на картельные связи, создавшиеся на протяжении длительного периода и значительно расширившиеся во время войны. Помимо использования этой сети переплетающихся картельных интересов, большую часть которых немецкие промышленники все еще надеялись спасти, особые усилия были приложены для экспорта активов и технического персонала, как только стало ясно, что Германия будет разгромлена. Немцы снова прибегли к испытанным после первой мировой войны методам, чтобы сохранить свои активы в безопасных местах и обеспечить тайные резервы для новой попытки завоевания мира. Комиссия Килгора установила, что германские капиталы нашли надежное убежище в нейтральных странах, а также в некоторых странах, находившихся во время войны под властью Германии и что «сами Соединенные Штаты были, возможно, важнейшим убежищем для германских активов». Один из свидетелей сообщил комиссии, что накануне капитуляции он беседовал с несколькими ведущими германскими промышленниками. По его словам, «эти лидеры твердо надеются на то, что их влиятельные английские и американские друзья, бывшие прежде их партнерами по картелям, выручат их из тяжелого положения»¹.

Сейчас появляются признаки возрождения старых, уже знакомых методов. Почти за год до окончания войны, когда стало очевидно, что Германия не сможет победить, были разработаны планы послевоенной борьбы. На совещании крупнейших представителей германского монополистиче-

¹ Subcommittee on War Mobilization to the Committee on Military Affairs, U. S. Senate, Preliminary Report on Germany's War Potential, Washington, 1945.

ского капитала в Страсбурге в августе 1944 г. обергрупен-
фюрер СС Шейд заявил своим коллегам-заговорщикам:

«Отныне... германская промышленность должна понять, что война не может быть выиграна и что необходимо предпринять шаги для подготовки послевоенной торговой кампании. Каждый промышленник должен установить связи и союзы с иностранными фирмами, но это должно быть сделано в индивидуальном порядке, не вызывая никаких подозрений. Кроме того, должна быть создана финансовая основа для получения значительных займов от других стран после войны».

На другом совещании представитель германского министерства вооружения информировал небольшую группу руководителей картелей, что правительство выделит промышленникам крупные суммы с тем, чтобы они могли создать послевоенную базу в других странах. Было предусмотрено отделение исследовательских бюро от трестов и передача в их распоряжение планов производства новых типов вооружения и другой информации, которая дала бы им возможность продолжать свою исследовательскую работу в этом направлении. Промышленникам настойчиво рекомендовалось вывезти за границу возможно большую часть своего капитала и продолжать финансировать подпольную работу фашистской партии.

Имеются достаточно убедительные доказательства того, что, предвидя поражение, фашисты и их коллеги разработали планы проведения в других странах широкой подготовки возрождения германского империализма. В этих планах видная роль отводилась крупным промышленным объединениям за границей, принадлежавшим германским трестам или контролировавшимся ими; исследовательским лабораториям, созданным на территории других стран для разработки новых промышленных процессов и новых видов вооружения; субсидируемым школам, которые должны были распространять пангерманскую доктрину, а также контролируемым немцами печати и радио за границей.

По мере приближения к концу войны стали использоваться самые разнообразные приемы для перевода капиталов за границу, в частности продажа награбленных предметов искусства, накопление прибылей и кредита в заграничных банках, совместные инвестиции с капитали-

стами других стран и продажа большого количества технического оснащения надежным фирмам в других странах ¹.

Чиновник министерства финансов США, допрашивавший некоторых представителей германского монополистического капитала о грабеже, производившемся ими во время войны в Европе, выяснил, какие большие надежды они возлагали на «общность интересов» со своими собратьями в других странах. Он заявил: «Руководители «ИГ Фарбен-индустри» и другие были склонны временами выражать негодование, когда мы задавали им вопросы по поводу этой деятельности. Они в общем надеялись на то, что теперь, когда война окончена, мы должны помочь им снова поставить на ноги «ИГ Фарбениндустри» и германскую промышленность. Некоторые из них прямо говорили, что, по их мнению, эти допросы и расследования — временное явление, ибо, как только дела немного урегулируются, они надеются, что их английские и американские друзья придут им на помощь. Они говорили, что их друзья положат конец этим расследованиям и добьются того, чтобы с ними обращались так, как, по их мнению, надлежит, и что им помогут восстановить свою промышленность» ². Если принять во внимание тот факт, что выполнение многих картельных соглашений было прервано лишь на время войны и что некоторые американские и многие английские монополистические группы стремились возобновить картельные договоры, становится очевидным, что германские промышленники не были так наивны, как это пытались изобразить некоторые.

Помощник министра юстиции США Уэнделл Бердж заявил, выступая в комиссии Килгора:

«Я должен признать, что некоторые проникнутые картельной психологией промышленники в США и в союзных странах делали заявления, проводили совещания и совершали другие вещи, способные поощрить и оправдать эти взгляды германских монополистов».

Далее он сказал, что «немцы надеются восстановить

¹ Hearings, Part 2, pp. 30—33; Testimony of William L. Clayton, p. 38.

² Ibid, Part 5, p. 652.

свою промышленность и сохранить свои иностранные капиталовложения, предоставив американским и английским промышленникам долю участия в своих предприятиях»¹.

Во всех возможных сделках с английскими и американскими партнерами германские магнаты обладали одним серьезным преимуществом. Оно заключалось в высокоцентрализованном контроле, осуществлявшемся небольшой группой магнатов над тяжелой промышленностью Германии и над предприятиями, приобретенными в военное время в Европе и за ее пределами. Несмотря на экспроприацию их собственности новыми демократическими правительствами Восточной Европы, демонтаж заводов и мероприятия по экспроприации, проведенные в советской оккупационной зоне Германии, и несмотря на то, что управление по контролю над вражеской собственностью конфисковало обнаруженные в союзных странах германские авуары, германские монополисты все еще обладают широко разветвленной сетью международных картельных связей, которой могут оперировать только они. Это является дополнением к главной ценности — индустриальной машине Рура и обладанию важнейшими технологическими процессами. Это оставалось мощным оружием немецких монополистов до тех пор, пока их собственность не была конфискована и союзники не приняли мер для децентрализации предприятий. Но их международные экономические связи в сочетании с производственной машиной Западной Германии сулили крупные куши американским и английским монополистам, стремившимся расширить свое собственное экономическое влияние.

Иллюстрацией жесткого контроля над экономикой, осуществляемого небольшой группой сверхконцернов, является стальной трест «Фэрейнигте штальверке», центром деятельности которого был район Рура. Стальной трест контролировал в 1943 г. 40% производственной мощности железоделательной и сталелитейной промышленности, а 11 других концернов контролировали еще 50%. Их контроль распространялся и на многие другие важные отрасли промышленности. Стальные концерны контролировали не менее

¹ Hearings, Part 4, pp. 561, 563.

70% всей добычи угля. На их долю приходилась большая часть производства отравляющих газов, и они играли ведущую роль в цементной промышленности и в производстве электроэнергии. Новейшие заводы по производству синтетической нефти были дочерними предприятиями стальных концернов.

Некоторые концерны играли еще большую роль как производители вооружения, машинного оборудования, моторов и станков. Два самых крупных сверхконцерна Германии «Ферейнигте штальверке» и «ИГ Фарбениндустри» установили еще более тесную связь во время войны и взяли под свой контроль крупный трест «Герман Геринг верке», созданный гитлеровцами¹.

Таким образом, в западных оккупационных зонах имеется солидный финансово-промышленный блок, который, при проведении соответствующей политики, мог бы слиться с западноевропейской системой картелей и монополий, став центром новой агрессивной комбинации. Такова, бесспорно, политическая ориентация германских монополистов.

2. Противоречивые тенденции на Западе

Суть программы, принятой в Потсдаме, заключается в том, чтобы предотвратить возрождение промышленной и политической мощи Германии, которое дало бы ей возможность занять господствующее положение в Европе. Цель заключается в том, чтобы не пойти по пути, приведшему после первой мировой войны к временной и реакционной стабилизации Европы, ядром которой стала полностью восстановленная империалистическая Германия. Это требует не только разоружения Германии, роспуска ее вооруженных сил и генерального штаба, ликвидации фашистской партии и ее учреждений, но также ликвидации большей части тяжелой промышленности, рассредоточения машиностроительных и других промышленных предприятий по другим европейским странам и контроля над экономикой, способного обеспечить полную ликвидацию мощи монополий.

¹ Hearings, Part 3, pp. 230—231, 506—507.

Как только началась оккупация, сразу же выявился острый конфликт интересов и тенденций в связи с проведением в жизнь потсдамских решений. Полное устранение германской промышленности как европейского и мирового конкурента было бы, несомненно, выгодно союзным капиталистическим державам и господствующим в них монополистическим группам. Это создавало общую основу, на которой могли сойтись интересы этих держав с интересами Советского Союза, стремившегося предотвратить восстановление агрессивной мощи Германии и добиться полного искоренения фашизма в Европе. Это соответствовало также целям антифашистских движений в освобожденной Европе, заинтересованных в перестройке континента на демократической основе и ликвидации господства в их странах монополистического капитала.

Но между капиталистическими державами существовали различные противоречия. Одни из этих противоречий—экономические и межимпериалистические по своей природе—вызывали конкурентную борьбу главным образом между Соединенными Штатами и Великобританией, хотя Франция также играла здесь определенную роль. Кроме того, возникли другие противоречия (не исключаящие первых) в результате появления в Соединенных Штатах и Великобритании после окончания войны явной тенденции к проведению антисоветской и антидемократической политики.

Основным фактором была экспансионистская тенденция американского монополистического капитала, решительно выступившего на сцену сразу же после окончания войны. Однако попытка захватить экономические позиции, принадлежавшие прежде державам оси, и проникнуть в сферы Британской и других союзных империй, сама по себе не означала еще восстановления германской монополистической мощи.

Это было признано многими представителями правительства и деловых кругов. Эффективная демилитаризация Германии рассматривалась как средство устранения могущественного конкурента и как возможность для американских предпринимателей занять место Германии в области экономического проникновения не только во все западное полушарие, но и в Европу. Когда американское прави-

тельство подписало Крымскую и Потсдамскую декларации, оно уже усиленно пропагандировало экспансионистскую экономическую программу «свободного доступа» на все рынки и во все страны. Эффективное устранение германской тяжелой промышленности как европейского и мирового фактора являлось частью этой программы.

Ни одного из представителей этой политической линии в правительстве или в деловых кругах нельзя назвать фанатическим сторонником идеи уничтожения монополистического капитализма в Германии или других странах. Эти люди заботились лишь о том, чтобы помешать Германии снова занять свою позицию ведущей империалистической державы. В то же время они стремились заключить с Советским Союзом такой *modus vivendi*, который нейтрализовал бы, насколько можно, растущее влияние Советского Союза и способствовал бы в то же время максимальному расширению американских позиций в других странах. Представители этих кругов признавали установившиеся в результате войны новые отношения между державами, в том числе политическую неустойчивость и угрозу для капитализма, но в то же время они не теряли из виду ни одной сколько-нибудь серьезной цели американского монополистического капитала и учитывали возможность любых обстоятельств, например новой войны.

Разумеется, представители монополий играли большую роль в оккупации. Они занимали ключевые посты в правительственных организациях в Вашингтоне и в военной администрации в Германии ¹. Разумеется, эти люди прово-

¹ Так, например, бригадный генерал Дрейпер — член банковской фирмы с Уолл-стрита «Диллон, Рид энд К^о», был назначен представителем США в экономическом управлении Союзного контрольного совета. В американской зоне на ключевых экономических постах находились следующие лица: бывший председатель фирмы «Рипаблнк стил корпорейшн» Уайзор в качестве инспектора сталелитейной промышленности; бывший руководитель филиала «Дженерл моторс» в Антверпене Эдуард Здунок — стал инспектором машиностроительных заводов; бывший управляющий медеплавильного завода и рудников фирмы «Анаконда» в Верхней Силезии Филипп Гетке — директором горнорудных операций. Филипп Кловер из «Сокони вакуум» — иностранного филиала «Стандард ойл оф Нью-Джерси» — был поставлен во главе нефтяного отдела, ведающего также синтетической нефтью. Питер Хоглунд из «Дженерл моторс» был назначен заместителем главного военного контролера всей промышленной продукции.

дрили политику охраны своих интересов в германской промышленности и присваивали все патенты и технические изобретения, на которые им только удавалось положить свои руки.

По данным министерства финансов США, прямые американские капиталовложения в германскую промышленность были довольно значительными. По предварительным неполным данным, к 1943 г. 171 американская корпорация вложила в германскую промышленность 420 млн. долл. В эти предварительные данные вошли только капиталовложения, дававшие инвестору контрольный пакет акций той фирмы, в которую были вложены капиталы. Большая часть капиталовложений приходилась на автомобильную, машиностроительную и нефтяную промышленности. Таким образом, значительная доля приходилась на отрасли, имеющие военное значение, которые на основе потсдамских решений, подлежат полной ликвидации или эффективному контролю¹.

Но не только эта прямая материальная заинтересованность в сохранении германской промышленности имела тенденцию одержать верх над желанием ликвидировать важные отрасли промышленности как конкурентов американских трестов. Прямые капиталовложения имеют также значение как база для дальнейшего экономического проникновения и расширения доли участия на рынке. До войны американский капитал стремился как можно больше расширить свое проникновение в Германию и другие страны Европы через прямые капиталовложения в существующие концерны как путем создания филиалов своих фирм, так и путем участия в картелях. С конкурентом можно справиться либо устранив его, либо захватив решающую часть его активов. Этот конфликт между стремлением устранить конкурирующие германские тресты и захватить их в свои руки нашел свое выражение в противоречиях американской политики в отношении Германии. С одной стороны, заводы «ИГ Фарбениндустри» в американской зоне были конфискованы военной администрацией, хотя вопрос об окончательной судьбе заводов и всего имущества «ИГ Фарбениндустри» в остальной Германии и за границей оставался еще откры-

¹ Hearings, Part 5, pp. 655, 660—661.

тым. С другой стороны, существовала сильная тенденция ограничить демонтаж заводов и восстановить более высокий уровень производства, чем тот, который был предусмотрен в Потсдаме.

Эта тенденция проявилась в докладе американской экономической миссии, назначенной американской военной администрацией и возглавлявшейся профессором Кальвином Гувером. Доклад миссии, представленный 17 сентября 1945 г. Советскому Союзу, Великобритании и Франции, бесспорно, во многом содействовал провалу первого совещания министров иностранных дел в Лондоне. В докладе сделан поразительный вывод, что осуществление Потсдамского соглашения в части репараций и разоружения будет весьма трудным, если не совершенно невозможным делом. Этот доклад представлял собой явный отход от американской позиции, явившейся основой для соглашения с Советским Союзом в Потсдаме.

Комиссия, в состав которой входили представители американских стальных и автомобильных монополий, утверждала, что Германии следует разрешить экспорт, примерно равный довоенному, чтобы дать ей возможность сохранять минимальный уровень жизни наравне с существующим в остальной Европе, выплачивать репарации натурой и покрывать издержки оккупации. Половина экспорта должна состоять из машинного оборудования, химикалий и прецизионных и оптических приборов, т. е. из продукции отраслей, могущих быть переключенными на военные нужды. Это потребовало бы сохранения тяжелой промышленности крупного масштаба.

Доклад обнаруживает также тенденцию к отходу от репарационной политики, уже принятой Большой тройкой, — политики переброски оборудования в страны, разоренные Германией, сокращения тем самым мощности германской промышленности и увеличения промышленного потенциала других европейских стран. Но эксперты склонялись к тому, чтобы репарации выплачивались в виде полуфабрикатов или готовых изделий, что привело бы к восстановлению полной мощности германской промышленности при помощи иностранного капитала. Ясно, что предложение восстановить довоенные размеры германского экспорта клонит именно в эту сторону.

Основное различие между Потсдамским соглашением и докладом американских экспертов заключалось в том, что Потсдамское соглашение своей главной целью считало эффективную демилитаризацию и демократизацию Германии, тогда как, по мнению американских экспертов, основной целью должно явиться поддержание минимального уровня жизни и сбалансированной внешней торговли Германии. Условия Потсдамского соглашения предусматривали устранение Германии как крупной промышленной державы и как возможного центра реакционной стабилизации Европы; что же касается рекомендаций американских экспертов, то в случае их принятия они привели бы в конечном счете к восстановлению господствующей роли германского империализма в Европе. Помимо своего антисоветского характера, этот план был построен на концепции восстановления германского рынка и повышения его способности поглощать американские продукты и американские капиталовложения.

В определении американской политики немалую роль играет и конкуренция с Англией. Английское господство в Руре — центре германской тяжелой промышленности — поставило английские монополии в выгодное положение с точки зрения защиты и расширения их интересов в Западной Европе и в любой международной картельной структуре, которая могла бы возникнуть. Но в связи с ослаблением Англии и значительным усилением Соединенных Штатов эти преимущества англичан уменьшились под влиянием необходимости добиться экономической и финансовой помощи от Соединенных Штатов.

В руководящих кругах Англии, а также Франции, Голландии и Бельгии, существовало сильное стремление добиться включения Рурской промышленной области в западноевропейский экономический блок. Во Франции, где монополии всегда были тесно связаны с германскими концернами и где в результате оккупации эта связь стала еще теснее, генерал де Голль выступил как главный защитник идеи «сотрудничества» в Западной Европе. Благодаря своему контролю над Рурской областью, а также благодаря своему доминирующему влиянию в странах, расположенных на побережье Ла-Манша, Англия имела бы решающий голос при создании такого блока.

Господствующей тенденцией в крупных промышленных и финансовых кругах Англии было стремление восстановить там, где это возможно, довоенные региональные блоки под господством Англии и создать новые региональные комбинации в Европе и за ее пределами, которые, помимо прочего, должны были стать средством защиты от экономического проникновения Америки. Это не означало обязательно политику отказа от возможного соглашения с Соединенными Штатами по важнейшим экономическим и политическим вопросам. Независимо от развития отношений с Соединенными Штатами, региональный блок рассматривался как постоянный элемент британской политики на континенте.

В значительной мере эта точка зрения отражается на политике в отношении Германии, в частности на решении вопроса о восстановлении и использовании германской тяжелой промышленности. Самым последовательным и откровенным защитником идеи восстановления германской промышленности в рамках западного блока был лондонский журнал «Экономист» — влиятельный финансовый орган, которому удалось создать себе определенную репутацию «либерального» органа своими выступлениями в прошлом против картельной доктрины в Англии и своей критикой мюнхенской политики. Несмотря на это, «Экономист» стал рупором господствующей, повидимому, в высших сферах идеи проведения «умеренной» политики в отношении Германии, которую он вкратце определил следующим образом:

«Во-первых, должен быть установлен период — не превышающий пяти лет, — каторжных работ для германского народа, условия которых были бы настолько жесткими, насколько это можно пожелать. Во-вторых, единственным ограничением германской национальной свободы, которое следует сохранить по прошествии этого пятилетнего периода, должно быть полное разоружение. В-третьих, за этим исключением (относящимся только к запрещению производства вооружения) для германского народа не должно быть установлено никакой политической или экономической неправоеспособности, и, в частности, территориальные изменения должны быть сведены к минимуму»¹.

После Потсдама эта позиция была еще яснее изложена

¹ The Economist, March 31, 1945.

в статье «Политика для Рура». В этой статье было изложено конкретное экономическое содержание политики блока, предусмотренной Черчиллем на ранних стадиях войны в его предложении о создании постоянного союза между Англией и Францией, которую в различных формах защищало лейбористское правительство Эттли — Бевина сразу же после своего прихода к власти. Эту же линию поддерживали сторонники де Голля во Франции.

Политика, предусмотренная в Потсдаме, рассматривалась сотрудниками «Экономиста» как «крайнее безумие», несущее катастрофу Европе и Германии. По мнению «Экономиста», процветание Западной Европы всегда зависело от крупной концентрации промышленности в Руре, а восстановление Западной Европы теперь также будет зависеть от возрождения Рура и сохранения его господствующей позиции в западноевропейской экономике. По мнению «Экономиста», почти абсолютный контроль над Руром дает Англии возможность пересмотреть Потсдамское соглашение, которое она была вынуждена заключить.

Таким образом, бывший противник «картелизации Англии» выступил в защиту того, что равносильно созданию сверхкартеля правительств и частных монополий с целью восстановления Рура и включения его в блок, находящийся под английским господством. Это в значительной степени также содействовало бы установлению прямого и косвенного контроля Англии над многими видами сырья, которое должно импортироваться для германской тяжелой промышленности. Германская металлургия почти целиком зависит от импорта ферросплавов, и две трети ее потребностей в железной руде обычно покрываются за счет ввоза из-за границы. До войны многие из этих материалов импортировались из Британской империи и из стран, в политическом и экономическом отношении входивших в английскую сферу влияния ¹. Поэтому план западноевропейского блока

¹ Как до войны, так и после войны железная руда поступала в основном из Швеции, но также из Испании и Эльзас-Лотарингии. Южная Африка давала большую часть довоенного импорта марганца, а Турция и Южная Африка — большую часть хрома. Во время войны Балканы дополняли турецкие поставки. До войны вольфрам поступал из Китая и Индии, а во время войны — из Испании и Португалии. Никель до войны поставляли Канада и Индонезия, а во время войны никель шел из Финляндии, Норвегии и Греции.

исходил из предположения, что американские тресты согласятся не только с британским господством в промышленности Рура и европейской картельной сети, но и с сохранением монополии англичан в области важнейших видов промышленного сырья в различных частях света.

Авторы плана западноевропейского блока не исключали и возможности американского сотрудничества в обмен на значительные интересы в этом предприятии и другие уступки в странах Британской империи, в особенности в том случае, если бы в Соединенных Штатах восторжествовали реакционные и антисоветские тенденции.

Таковы некоторые из противоречий, существующие между западными державами в Германии. Но будущее Европы и судьба германского монополистического капитала зависят не только от исхода этих конфликтов. Решающую роль играют другие политические факторы.

3. Демократические перемены

К моменту военного поражения антинацистские силы в Германии были значительно ослаблены, а фашистская идеология пустила глубокие корни среди германского народа. Рабочее и демократическое движение, способное сыграть серьезную политическую роль, не могло возникнуть сразу же после поражения. При таких обстоятельствах решающее значение для направления хода событий имела политика оккупирующих держав в их зонах оккупации, в особенности в первый период ее становления. При осуществлении совместно разработанной ими политики Советский Союз, США и Великобритания должны были пройти тройную проверку, выражавшуюся в следующем: 1) насколько эффективно они проводят как совместно, так и в своих зонах политику, согласованную в Крыму и Потсдаме; 2) насколько эффективно они устраняют нацистских лидеров и главных коллаборационистов из политической, экономической и культурной жизни страны; 3) поощряют ли они антинацистские и демократические силы германского народа, или препятствуют развитию этих сил.

Мы уже отмечали существовавшие на Западе тенденции, препятствующие выполнению соглашений Большой тройки

и порождающие противоречия, колебания и неуверенность в политике Англии и Соединенных Штатов в отношении Германии. Следует упомянуть еще об одном важном факторе — боязни возникновения действенного антифашистского и демократического народного движения, а отсюда попытки задушить это движение с помощью реакционных и консервативных сил из немецкой среды. Один из основных элементов политики западных держав заключается в поисках такой политической комбинации, над которой можно было бы установить тщательный контроль и которая в свою очередь предотвратила бы выход народного движения «за установленные рамки», т. е. нечто в стиле социал-демократии периода, последовавшего за первой мировой войной.

Из держав Большой тройки только Советский Союз твердо придерживается духа и буквы принятых соглашений. Это относится как к экономической, так и к политической области. В Советском Союзе нет монополистических объединений, которые заботились бы о своих интересах в Германии. Между Советским Союзом и другими державами не может быть конкуренции за рынки, за сферы империалистического проникновения или за господство в картельной структуре. Советская политика требует безопасности, основанной на дружественных отношениях с демократическими странами Европы и на равноправном сотрудничестве с другими державами-победительницами. После уничтожения (ценой огромных людских и материальных потерь) довоенного враждебного окружения Советский Союз полон решимости не допустить установления новой блокады против него.

Первой его заботой, естественно, было предотвращение восстановления империалистической и агрессивной Германии. Строго выполняя Потсдамские решения и проводя политику поддержки антифашистских сил во всей освобожденной Европе в соответствии с Крымской декларацией, Советский Союз пытается создать основу для демократической реконструкции Европы, в которой Германия не играла бы более доминирующей роли. Участие Советского Союза в оккупации в качестве ведущей державы само по себе уже препятствует росту империалистической Германии с теми экономическими и стратегическими преимуществами, которые существовали в догитлеровское время.

В своей зоне оккупации Германии Советский Союз, не теряя времени, занялся ликвидацией центров фашистской реакции. Советский Союз поощрял антифашистские и демократические народные движения. Так, вскоре началось проведение земельной реформы, в которой уже давно назрела необходимость, и уничтожение юнкерских поместий, являвшихся основой реакции в Германии. Вскоре профсоюзы и антифашистские политические партии стали легальными организациями и начали играть определенную роль в восстановлении страны. Первая гражданская администрация, состоявшая из немецких антифашистов, была создана в советской зоне. Удалив всех нацистских деятелей и приняв все необходимые меры для искоренения неофашистов и их организаций, Советский Союз стимулировал и поощрял демократическое движение снизу.

Задолго до того, как западные державы сделали первые шаги для демонтажа германских военных предприятий, советская военная администрация демонтировала большое количество машинного оборудования на заводах, расположенных в ее зоне. Антифашистские партии настаивали на национализации трестифицированной промышленности, и меры в этом направлении были приняты. Советский Союз одобрил все мероприятия, способные предотвратить восстановление частной монополистической структуры в его зоне оккупации и готов повлиять на принятие таких мер во всей Германии.

Политика, проводившаяся в советской зоне, не могла не отразиться на положении дел в остальной Германии, в особенности потому, что она стимулировала демократическое движение и вела к возрождению антифашистских политических партий. Проблема ликвидации господства монополий в Германии может быть окончательно разрешена лишь в масштабе всей Германии, поскольку основная часть тяжелой промышленности сконцентрирована на Западе.

Советский Союз как участник Большой тройки настаивает на ликвидации военного потенциала германской промышленности. Потсдамское соглашение предоставляет Советскому Союзу право не только на такое оборудование, которое он мог пожелать забрать из своей зоны оккупации в виде репараций, но и на 25% демонтированного промышленного оборудования из западных зон. Предполага-

жось, конечно, что в Западной Германии тяжелая промышленность будет демонтирована и что Потсдамское соглашение будет проведено в жизнь.

Существовали и другие способы повлиять на конфискацию трестифицированных предприятий на Западе. Согласно данным американского Управления по руководству экономической деятельностью в иностранных государствах, германское государство владело большими пакетами акций крупнейших монополистических объединений. Оно контролировало свыше половины германской сталелитейной промышленности. Государству принадлежал контрольный пакет акций в созданном нацистами концерне «Герман Герингверке». Крупнейшим акционером стального треста «Ферейнигте штальверке» было государство, которому после конфискации имущества Тиссена принадлежало 39% акций. По имеющимся данным, в 1942 г. государству принадлежали в той или иной форме шахты, дававшие 40% добычи антрацита¹. При использовании даже чисто «законных» методов в соответствии с установленной капиталистической концепцией собственности, Союзный контрольный совет имел бы право как всегерманская власть забрать контрольные пакеты акций, принадлежавшие раньше германскому государству, и решить вопрос о судьбе основных концернов в соответствии с линией, намеченной в Потсдаме.

В первый период, однако, наибольшее значение имело фактическое владение заводами. Каждая держава в своей зоне оккупации могла определить, что подлежит уничтожению, что должно быть демонтировано и вывезено из страны и в какой степени должен быть установлен контроль над экономикой. По мере возникновения рабочего и демократического движения, начинавшего играть все большую роль в политической жизни побежденной Германии, на сцене должны были появиться и другие силы. Слабость антифашистского движения в Германии к моменту окончания войны не означала, что через несколько лет оно не сможет развиваться в демократическое движение, достаточно мощное, чтобы оказать решающее влияние не только на проблемы экономического контроля и репараций,

¹ Hearings, Part 3, p. 196, 232—233.

но и на основной вопрос владения германской крупной промышленностью.

Появление в освобожденной Европе новых сил, требующих коренной реконструкции всех отношений на континенте, также оказывает прямое влияние на будущую роль Германии. Отделение от Германии Восточной Пруссии, и в особенности промышленной Силезии, а также других восточных земель, сопровождающееся усилением Польши как крупной европейской державы, изменит стратегические отношения в Восточной Европе не в пользу Германии. В Центральной Европе и на Балканах возникновение новых демократий обещает раз и навсегда положить конец проникновению германского влияния в эти районы и имеет тенденцию вообще ограничить сферу монополистического капитала. В странах, где у власти в результате освободительного движения стали демократические правительства, были приняты самые эффективные меры для выкорчевывания германского капитала путем конфискации и национализации собственности германских трестов и коллаборационистов.

Многое еще остается решить во Франции. Было бы бесспорно преждевременным утверждать, что 200 семействам удастся превратить страну в центр антисоветского блока. Во Франции возмущение против старого порядка слишком сильно, требование национализации трестов слишком настойчиво, а чувство дружбы к Советскому Союзу слишком глубоко, чтобы такой исход стал возможным без жестокой борьбы. Мюнхен и Виши на протяжении одного десятилетия — это, повидимому, больше, чем может выдержать одна нация.

Германия была водоворотом, где сталкивались не только европейские, но и международные силы. Здесь встретились три великие державы. Но вопросы мирного урегулирования в отношении Германии выходят далеко за рамки континента и захватывают весь мир.

ИМПЕРИЯ ДЗАЙБАЦУ

За период примерно в 70 лет японская олигархия установила свое господство над значительной частью Восточной Азии и юго-западной частью Тихого океана. Первая крупная катастрофа постигла японский империализм во время второй мировой войны.

Япония была побеждена. Об этом свидетельствуют документы о безоговорочной капитуляции Японии, которые были подписаны на американском линкоре в Токийском заливе. Через четыре месяца после поражения Японии генерал Макартур объявил, что «последние корни зла» вырваны и что он издал основные директивы для построения новой демократической системы¹.

Когда верховный командующий сделал это потрясающее заявление, внешние владения Японской империи уже были утрачены ею, но император, аристократия, дзайбацу и старая правительственная бюрократия все еще оставались у власти. Милостиво проведенные сверху реформы имели целью умиротворить поднявшийся народ и держать в узде нарастающие силы демократической революции против поджигателей войны и императорского государства.

Разгромленная в войне олигархия была унижена победителем, а также понесла некоторые реальные потери. Самые видные милитаристы и крайние шовинисты должны были быть выданы как военные преступники, другие вынуждены были покинуть политическую арену. Япония потеряла свои колониальные владения, ее вооруженные силы и военная промышленность были демилитаризованы настолько, что была исключена возможность самостоятельного их использования, а власть и контроль японцы раз-

¹ «New York Times», December 28, 1945.

делили с американцами. Но олигархия сохранилась. Внутренние основы японского империализма почти не были затронуты. Основные задачи построения демократической и неагрессивной Японии все еще не разрешены.

1. Обстоятельства поражения

Обстоятельства, сопутствовавшие поражению Японии, резко отличаются от обстоятельств капитуляции Германии. К концу войны в Европе создались значительно более благоприятные условия для уничтожения германской империалистической мощи. Германская армия была совершенно разгромлена, страна подверглась вторжению и была оккупирована основными силами союзников, а внутренний распад достиг значительной степени. Гитлеровское государство как центральная власть было ликвидировано и заменено совместной военной администрацией. В советской зоне фашистские чиновники были устранены. Все эти факты значительно содействуют демократическому урегулированию дел в Германии.

Вскоре после оккупации Японии выяснилось, что цель политики Соединенных Штатов заключалась в установлении одностороннего контроля с тем, чтобы сохранить эту ключевую империалистическую позицию в Восточной Азии как плацдарм для американского проникновения на Дальний Восток и как базу агрессии против Советского Союза. Поэтому основная база монополистического капитала в Японии должна была остаться нетронутой, какие бы изменения ни производились в политической структуре. В этом пункте интересы японской олигархии, находившейся под угрозой демократической революции, и американских империалистов, с самого начала полностью совпали.

Эти параллельные интересы в значительной мере определили время и условия капитуляции. Олигархия вывела Японию из войны, когда стало ясно, что Япония вскоре будет разгромлена вооруженными силами Советского Союза и Соединенных Штатов. Помимо того, что правителям Японии удалось спасти метрополию от вторжения, они смогли начать переговоры о капитуляции, пока Советская Армия еще была занята разгромом мощной группировки японских милитаристов в Маньчжурии. Таким образом, они предот-

вратили совместную советско-американскую оккупацию и совместный контроль над Японией, что было неизбежно, если бы советские армии участвовали во вторжении в собственно Японию. Важнее всего было добиться еще до капитуляции признания олигархии как управляющей власти в побежденной Японии. Это заверение вскоре было дано государственным секретарем США Бирнсом в его послании от 11 августа 1945 г., в котором он признавал «власть императора и японского правительства в деле управления государством под контролем верховного командующего союзных держав». Поскольку это было достигнуто, быстрая капитуляция способствовала сохранению у власти старой клики и защиты этой власти от внутренних сил, стремящихся свергнуть ее.

Олигархия не только сохранила свою власть и предотвратила участие СССР в оккупации страны и контроле над ней, но японские командующие, даже после поражения, были приглашены присоединиться к западным победителям в проведении военных действий против демократических движений и движений за независимость в Азии. Хотя некоторые военные руководители были преданы суду как военные преступники, другие командовали войсками во время полицейских операций, действуя вместе с американскими, гоминдановскими, английскими, французскими и голландскими войсками в Китае и Юго-Восточной Азии. Если японские правители оказались вынужденными отдать свою составленную путем грабежа империю, они в то же время получили удовлетворение от сознания, что империалистические державы-победительницы не собирались уничтожить колониальную систему. Великая восточно-азиатская «сфера сопроцветания», как называли свою империю японские агрессоры, была потеряна, но сама колониальная сфера, поскольку она продолжала существовать, хотя и в переделанном и перераспределенном виде, предоставляет возможности для новых попыток экономического и политического проникновения, а может быть и новых политических авантюр в не столь отдаленном будущем.

Как уже указывалось, отношение мировых держав к побежденной Японии также отличалось от их отношения к побежденной Германии. В то время как в Германии

проводилась политика совместной оккупации, хотя и оставляющая желать многого, в Японии дело обстояло иначе. Соединенные Штаты заранее предрешили вопрос о своем контроле над этой страной. Это стало очевидным еще в ходе тихоокеанской войны, где американская стратегия добивалась обеспечения доминирующей роли Соединенных Штатов в победе, даже за счет успеха коалиционной войны. Сомнения, которые могли существовать в отношении намерений Соединенных Штатов прочно закрепиться в Японии, были вскоре рассеяны директивой, изданной совместно государственным департаментом, военным и морским министерствами и одобренной президентом Трумэн 6 сентября 1945 г., через 4 дня после капитуляции Японии. Хотя в этой директиве было обещано, что будут приложены усилия «путем консультации и создания соответствующих совещательных органов» для определения политики, удовлетворяющей другие союзные державы, в ней категорически было заявлено, что «в случае разногласий между ними руководящую роль будет играть политика Соединенных Штатов».

Что касается внутренней структуры, то директива была не менее ясной. Американскому верховному командующему было предложено «осуществлять свою власть через посредство японского государственного аппарата». Японское государство должно пользоваться «нормальной властью». По обеспечении этих основных гарантий сохранения олигархии, руководители американской политики в целях успокоения демократической оппозиции как в стране, так и за ее пределами, утверждали, что «политика заключается в использовании существующей в Японии формы правления, а не в поддержке ее»¹.

На эту основную политику правительства Соединенных Штатов почти не повлияло решение Московской конференции министров иностранных дел, принятое в декабре 1945 г. Односторонний американский контроль был бы, возможно, несколько ограничен, если бы новые межсоюзные органы действовали соответствующим образом. Дальневосточная комиссия должна была определять политику для Японии,

¹ Полный текст этой директивы был опубликован в «New York Times», September 23, 1945.

а Союзный контрольный совет — выполнять совещательную роль при верховном командующем в Токио.

Было специально оговорено, что политические директивы будут даваться американцами и проводиться в жизнь только американским верховным командующим. Советский Союз, равно как Великобритания и Китай, был представлен в обоих органах, но Соединенные Штаты продолжали сохранять господствующую позицию как в определении, так и в осуществлении политики.

Для ликвидации в Японии агрессивных сил, имеющих глубокие корни в социальной и государственной структуре, недостаточно декретов верховного командующего. Для этого необходима демократическая перестройка, идущая изнутри, а не «революция сверху», продиктованная иностранным генералом и проводящаяся именно теми элементами, которые должны быть устранены.

Уход со сцены нескольких ведущих милитаристов и экстремистов при сохранении власти старой олигархии лишь помогает поддерживать немилитаристский фасад, за которым будут снова собираться силы агрессии. Милитаристы, вышедшие из недр старых феодальных классов и лично связанные с другими группами олигархии, не могут быть полностью устранены, если не будет ликвидирована группировка реакционных классов, господствующая в японском государстве. Находящиеся в Японии у власти дзайбацу, крупные землевладельцы и бюрократия императорского государства воскресят японских милитаристов, которые возглавят новую завоевательную войну, если эта группировка не будет навсегда свергнута и заменена народно-демократической властью.

2. Структура монополий

В некоторых важных отношениях японские монополисты вышли из войны, в которой их страна потерпела поражение, значительно более сильными, чем они были в 1931 г., когда вторжение в Маньчжурию открыло новую фазу агрессии. Они потеряли контроль над многими источниками сырья, необходимого для их промышленности, и, возможно, лишились большей части своих активов в колониях. Но эта потеря более чем уравнивается

огромными приобретениями дзайбацу в военное время в самой Японии.

В период между вторжением в Маньчжурию в 1931 г. и поражением в 1945 г. в Японии произошли важные экономические перемены. Из страны с преобладающей легкой индустрией и сравнительно слабой концентрацией промышленности Япония превратилась в высокоиндустриальную страну с большой степенью концентрации. К 1939 г. текстильная промышленность давала лишь 20% всей промышленной продукции, по сравнению с 40% в 1931 г. В 1942 г. одна только химическая промышленность давала 20% всей промышленной продукции. Развитие военной промышленности достигло высшей точки в 1943—1945 гг., когда военное производство стало играть в стране преобладающую роль. К концу войны на военную промышленность приходилось, пожалуй, более $\frac{4}{5}$ всей промышленной продукции¹.

Несмотря на воздушные бомбардировки, значительная часть тяжелой промышленности осталась нетронутой или была лишь незначительно повреждена. Представитель США в репарационной комиссии Эдвин Поули, расследовав положение дел, привел следующие данные: «По станкам и другим машинам из стали Япония, согласно ее собственным статистическим сведениям, обладает производственными возможностями, более чем в два раза превышающими те возможности, которыми она обладала в 1931 г., в момент вторжения в Маньчжурию». Производственная мощность сталелитейной промышленности достигала 11 млн. т. Не менее значительной была производственная мощность других стратегических отраслей промышленности².

Новая военная промышленность находилась под контролем дзайбацу и, в частности, так называемого старого или «умеренного» дзайбацу, хотя в эту сферу были допущены и новые фирмы. Контроль, которым располагает в Японии «большая четверка» дзайбацу, куда входят концерны «Мицубиси», «Мицубиси», «Сумитомо» и «Ясуда», значительно превышает контроль таких крупных фирм, как «Морган», «Рокфеллер», «Дюпон» и «Меллон» над американскими корпорациями. Еще до своих крупных приобретений во

¹ T. A. Bisson, *Japan's War Economy*, New York (International Secretariat, Institute of Pacific Relations), 1945, p. 201.

² Associated Press, Tokio, December 7, 1945.

время войны эти четыре японских концерна контролировали 60% всего капитала акционерных обществ Японии, причем на долю одного «Мицуй» падало 25%. Вместе с банковскими фирмами «Сибусава» и «Кавасаки» им принадлежало 57% всех средств банков, трестов и страховых компаний. Одна только «большая тройка» концернов контролировала не менее половины добычи угля и выплавки меди, половину всех запасов товаров на складах, половину всего тоннажа торгового флота и 33% всей внешней торговли. «Мицуй» и «Мицубиси» строили значительно больше половины тоннажа пароходов, контролировали всю бумажную промышленность, 70% всей мукомольной промышленности, практически все сахарорафинадные заводы и значительную часть химических заводов. Концерн «Мицубиси» господствовал в авиационной и стекольной промышленности. Кроме того, «большой дзайбацу» разделял с правительством контроль над производством чугуна, стали и ферросплавов¹.

Если к началу войны на Тихом океане дзайбацу господствовал над главными отраслями промышленности и финансов, то к концу войны концерны, входившие в его состав, стали бесспорными хозяевами всей значительно развившейся экономики страны. С помощью различных мероприятий по установлению государственного контроля дзайбацу поглотил более мелкие компании путем различного рода насильственных слияний. Этот процесс присущ капиталистическому обществу, в котором господствуют монополии, а в Японии он развивался быстрыми темпами под влиянием войны и под руководством абсолютистского государства. В момент, когда война достигла своего апогея, процесс слияния еще более ускорился. В 1940 г. различного рода слияния и реорганизации коснулись 216 компаний с капиталом в 3,6 млрд. иен², а в 1941—1943 гг., этот процесс коснулся 1354 фирм с общим капиталом свыше 19 млрд. иен, главным образом в текстильной, химической, машиностроительной и станкостроительной промышленности. Наивысшей точки этот процесс достиг в последнюю

¹ Robert A. Brady, *Business as a System of Power*, New York, 1943, pp. 89—99.

² Andrew Roth, *Dilemma in Japan*, Boston, 1945, p. 88.

фазу мобилизации военной промышленности — в 1944—1945 гг.

То же происходило и в области финансов, где слияние банков, трестов и страховых компаний также затронуло контролируемые ими промышленные предприятия. К 1941 г. пять страховых компаний производили 70% всех страховых операций. Число сберегательных банков сократилось с 72 в середине 1941 г. до 29 к 1944 г. В результате целого ряда слияний осталось всего лишь семь трестированных компаний, из которых пять принадлежали дзайбацу. Еще большего размаха достиг процесс слияния коммерческих банков, затронувший три крупнейших частных японских банка. В результате банкам «Тейкоку» (Мицуи), «Ясуда», «Мицубиси», «Санва» и «Сумитомо» в середине 1944 г. принадлежало 70% всех вкладов, 78% векселей, займов и ссуд и 61% ценных бумаг всех частных банков. В этот период общее число частных банков сократилось с 245 до 88¹. К концу войны произошли еще более крупные слияния. В марте 1945 г. девять крупнейших сберегательных банков слились в один центральный банк с общим капиталом в 8,5 млрд. иен².

К концу войны, по данным штаба союзников в Токио, оборотный капитал «большой четверки» дзайбацу составлял 12 млрд. иен. Дзайбацу контролировал банковские вклады и банковские активы на сумму в 111 млрд. иен. Ему принадлежало 320 промышленных фирм и частично целый ряд других. Дзайбацу контролировал капитал около 30 млрд. долл. (по довоенному курсу)³. Один только концерн «Мицуи» имел прямые инвестиции в 173 компаниях, из которых многие имели собственные филиалы. Одна такая система включала 185 фирм, причем капитал основной компании и 22 главных филиалов превышал 7 млрд. иен. Им принадлежали шахты, предприятия по производству химикалий, керамических изделий, искусственного волокна, текстиля, машин и станков, бумаги, судостроительные верфи, транспорт и связь, коммунальные предприятия, металлы, лес, сельскохозяйственные предприятия, рыбные промыслы, торговые предприятия и банки⁴.

¹ Bisson, Japan's War Economy, p. 158—161.

² Roth, Dilemma in Japan, p. 89.

³ «New York Times», November 7, 1945.

⁴ United Press, Tokio, November 6, 1945.

Одним из крупнейших богачей Японии, стоящим в первых рядах дзайбацу, был император Хирохито. Согласно сведениям, представленным японским правительством гоюзным властям, его капиталы — исключительно в золотых и серебряных слитках, драгоценностях, произведениях искусства и т. д. — составляли около 1,6 млрд. пен. Он владел акциями 29 компаний. Огромные капиталы принадлежали также 14 принцам. Кроме того, императорский дом владел обширными поместьями¹.

Сохранение этих колоссальных капиталов и соответствующей власти стало, естественно, основной целью дзайбацу после разгрома Японии. Дзайбацу заранее хорошо подготовился к этому. Руководители дзайбацу искусно играли роль «умеренных», создавая внутри страны и за границей иллюзию, будто в течение всего периода японских завоеваний они действовали как сдерживающая сила в отношении милитаристов и вынуждены были вступить на путь агрессии лишь под давлением превосходящей мощи армии и государства. Им нетрудно было играть эту роль, поскольку господствующие политические и экономические группы в Великобритании и Соединенных Штатах, в особенности в США, также были жизненно заинтересованы в увековечивании этого мифа². «Старый» дзайбацу (в отличие от таких «новичков», как трест «Рикен» и компания «Ниссан», имеющих главные владения в колониях) должен был помочь в деле создания правительства, которое контролировало бы «революцию сверху» и предоставило бы свободный доступ в Японию иностранному капиталу.

Таким образом, термин «умеренный», применяемый к определенной группе олигархии, стал синонимом для программы сохранения status quo в Японии. К лагерю «умеренных» в том виде, как это определяли англо-американские правители, а также японские правящие круги, относились не только старый дзайбацу, но и императорский двор вместе с его учреждениями и лидеры довоенных политических партий, эффективно контролировавшихся концернами «Мицубиси» и «Мицубиси».

¹ «New York Times», October 31, 1945.

² Материал по обсуждению этих вопросов в Соединенных Штатах и Англии см. Roth, Dilemma in Japan, а также Philip Jaffee, New Frontiers in Asia: a Challenge to the West, New York, 1945.

Единственно кого не хватало здесь, — это военных. Последние изображаются как экстремисты, втянувшие Японию в ее экспансионистские авантюры, вопреки воле императора, его советников, старого дзайбацу и верхушки государственной бюрократии. Это искажение подлинного положения дел привело к возникновению фантастической идеи о том, что устранение экстремистских милитаристов явится достаточной гарантией существования неагрессивной и мирной Японии.

Японское государство в большей степени, чем какое-либо другое современное государство, характеризуется весьма тесным переплетением всех составных элементов правящих классов. Никогда в современной истории, даже во времена революции Мейдзи (1868 г.) или в период так называемого парламентского правления в двадцатых годах, олигархия не пострадала серьезно от демократических сдвигов. В Японии никогда не было демократической революции. Герберт Норман в своей книге «Возникновение современного японского государства» указывает, что японское государство было создано союзом феодальных групп с торговыми и банковскими кругами¹. В период революции Мейдзи, когда было создано нынешнее императорское государство, объединение было навязано сверху союзом банковских королей и той части руководства феодального клана, которая выступила против узурпации сегуном центральной власти. Эти силы вывели императорский институт из того сравнительно незаметного положения, которое он занимал до тех пор. Конституция 1889 г., созданная по образцу прусской конституции, была преподнесена народу как дар императора; она закрепила сохранение всех прерогатив олигархии, в том числе привилегированную позицию военщины в государстве, и установила парламент с чрезвычайно ограниченными правами.

Крестьянские восстания, волнения деклассированных самураев и мелкобуржуазных слоев города и деревни способствовали ослаблению позиций старого феодализма. Революция Мейдзи по существу была революцией чинов-

¹ E. Herbert Norman, *Japan's Emergence as a Modern State: Political and Economic Problems of the Meiji Period*, New York, 1940.

ников, ликвидировавшей некоторые наиболее отрицательные обычаи, но сохранившей феодальные классы при новой расстановке сил. Государство, явившееся результатом этого союза торговцев и банкиров с крупными землевладельцами и аристократией, существовало в течение всего периода развития капитализма. Современная промышленность возникла на фундаменте полуфеодальной аграрной системы и главным образом за счет крестьянства, благодаря чрезвычайно высоким земельным налогам, высокой арендной плате и ростовщичеству. Развитие капитализма в Японии произошло без промежуточного периода *laissez faire* с его демократическими свободами и не привело к созданию самостоятельного класса промышленных капиталистов, не связанного с землевладельцами и банкирами, который считал бы необходимым уничтожить феодальные пережитки и бороться за власть в современном государстве.

Крупная промышленность, в частности военная промышленность, с самого своего зарождения являлась монополией государства, т. е. монополией банкирских домов, крупных землевладельцев и милитаристской бюрократии, интересы которых выражало императорское государство. Процесс индустриализации был вызван военной необходимостью, борьбой с другими империалистическими державами, проникшими глубоко в Азию, а также борьбой со все еще непокорными кланами и недовольными феодальными элементами. Многие возникшие таким образом стратегические отрасли промышленности перешли позднее в руки дзайбацу; процесс этот сопровождал каждую новую войну, а также эксплуатацию колоний.

Тотчас же проявились мощные экспансионистские тенденции, ибо Япония представляла лишь весьма ограниченный рынок. Установленный в начале эпохи Мейдзи непомерный земельный налог, выплачиваемый наличными, необходимыми для финансирования военной и промышленной программы государства, привел к быстрому обнищанию крестьянства. Обладатели карликовых участков, обремененные налогами, высокой арендной платой и ростовщическими процентами, стали вскоре жертвами крупных землевладельцев. Это привело к широкому распространению аренды полуфеодального типа, как, например, ипотеки. Часто землевладелец был также военным, торговцем,

капиталистом или государственным чиновником. Из рядов обнищавшего безземельного крестьянства, обремененного долгами, вербовались рабочие. Нищета в деревне сопровождалась нищетой в заводских районах, ибо рабочие получали чрезвычайно низкую заработную плату. Эти условия, приведшие к тому, что внутренний рынок Японии все суживался, мало изменились в течение всего периода индустриализации.

Японские империалисты осуществляли экспансию, пытаясь установить контроль над источниками сырья, которые имелись в Азии, в частности в Маньчжурии, Корее и Северном Китае. Это приходилось делать в момент, когда другие империалистические державы уже проникли в большую часть колониального мира, когда создание закрытых для других держав колониальных сфер означало борьбу с этими державами, которые сами добивались открытых дверей в Японии. Таким образом, неизбежным составным элементом правящей олигархии оказались милитаристы, вышедшие в большинстве случаев из рядов класса воинов старого кланового общества. Эти милитаристы были по существу не слугами государства, политика которого определялась другими классами, а союзниками и партнерами других элементов, составляющих олигархию, — аристократии, землевладельцев и капиталистов, с которыми у них также нашлись общие интересы.

Таким образом, экспансионистская тенденция имела глубокие корни в социальной структуре Японии и в императорском государстве еще до полного развития монополистического капитализма, который со своей стороны также дал новый толчок к экспансии. Первые успехи в войне с Китаем в 1894 г. и в войне с Россией в 1904—1905 гг. еще больше поощряли эти агрессивные силы. В результате этих войн Япония создала свою первую крупную сферу в Восточной Азии, захватила контроль над значительными источниками сырья и смогла расширить промышленность, а также свои военные и военно-морские базы. Используя возможности, возникшие для нее в связи с первой мировой войной 1914—1918 гг., когда остальные державы были заняты в других районах, Япония расширила свои тихоокеанские владения и еще глубже проникла в Китай. Но ее попытка проникнуть в Сибирь с помощью интервенции

против социалистической революции не удалась. Япония получила также удары от китайской революции.

Успехи, одержанные в начале XX в., содействовали экономическому развитию страны. В период с 1913 по 1929 г. промышленное производство в Японии возросло на 197%, тогда как промышленное производство в Соединенных Штатах за тот же период возросло на 70%. Хотя продукция японской промышленности оставалась незначительной по сравнению с продукцией других стран, мощь дзайбацу значительно возросла в результате этого развития. С 1909 по 1927 г. число компаний, капитал которых превышал сумму в 5 млн. иен, возросло с 38 до 687; общая сумма капиталов этих компаний, составлявшая в 1909 г. 495 млн. иен, превысила в 1927 г. 8 млрд. иен, а доля активов крупных компаний в общей сумме капитала увеличилась с 36,2 до 64,2%. Этот промышленный рост привел к усилению роли дзайбацу в кругах правящей олигархии. Дзайбацу занял центральную позицию в отношении других элементов, контролировавших государство. Накануне мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и десятилетия новой агрессии, приведшей ко второй мировой войне, дзайбацу становится самой влиятельной группой внутри японской олигархии.

Однако в результате усиливающейся милитаризации Японии возросло также влияние военной клики. Многие руководители армии и флота были лично связаны с концернами, входящими в дзайбацу¹, вместе с тем в офицерский корпус проникли новые элементы из рядов мелкой буржуазии и средних землевладельцев. Эти более молодые элементы, отражавшие широкую, но не принявшую еще определенной формы оппозицию к монополиям, и связанные с шовинистическими и фашистскими обществами, возникшими в 30-х годах, явились в армии новой базой для экстремистских групп правящих кругов. В результате провала военного заговора в феврале 1936 г., представлявшего собой самую серьезную попытку экстремистов захватить власть в свои руки, между руководителями военщины (из рядов которых ушли наиболее экстремистские элементы)

¹ По данным Mainichi Yearbook за 1942 г., на службе у концерна «Мицуи» находилось 13 отставных генералов и адмиралов, на службе у «Мицубиси» — 11, а у «Сумитомо» — 8.

и дзайбацу, считавшим, что наступило время для более широких экспансионистских усилий, было достигнуто новое соглашение. Это равновесие сил привело к войне с Китаем, развязанной в июле 1937 г.¹

Внутренняя борьба за власть не означает, что существовал сильный раскол как результат непримиримости интересов военщины и дзайбацу или других групп олигархии. «Умеренные» и «экстремисты» имелись во всех группах как среди военных, так и в дзайбацу, среди правительственных чиновников и при дворе. Если некоторые представители старого дзайбацу не особенно энергично пропагандировали войну против великих держав, то это объяснялось их желанием как можно полнее использовать все «мирные» средства проникновения в Азию и перейти к военным действиям лишь тогда, когда державы будут целиком заняты в других местах. На них оказывали также большое влияние их финансовые связи с англо-американским капиталом, их широкая заинтересованность во внешней торговле и невоенных отраслях промышленности и главным образом неуверенность в победе над крупнейшими империалистическими державами. Интересно отметить, что нападение на Пирл Харбор было совершено лишь после того, как Гитлер напал на Советский Союз и германские армии находились на подступах к Москве. Японцы испытывали силу Советской Армии во время двух необъявленных, но значительных войн, у озера Хасан (на советско-маньчжурской границе) в 1938 г. и на реке Халхин-Гол (Монгольская народная республика) в 1939 г., которые окончились для японцев поражением. Поэтому они предпочитали нанести удар в том направлении, откуда можно было ожидать минимального сопротивления и которое обещало максимальные непосредственные выгоды.

Однако осторожность «умеренных», проявлявшаяся ими до «большой» войны, не помешала им начать войну с Китаем в 1937 г., когда у власти в Японии находился так называемый умеренный кабинет. Они использовали каждое военное завоевание и укрепляли свои собственные позиции в Японии в период каждой агрессии. Они полностью разделяли с военщиной мечту о создании великой Восточно-

¹ См. G. A. Bisson, *Japan in China*, New York, 1938.

Азиатской империи, они были организаторами заключения пакта с Германией. Именно правительство, контролируемое старым дзайбацу и умеренными кругами, вело войну против Китая и подготовилось к Пирл Харбор до того, как премьером стал Тодзио, развязавший войну против США и Англии в 1941 г. Но во все времена «умеренные» вели осторожную и дальновидную игру, в которую входило установление равновесия сил с военщиной и целью которой было сохранение ими власти даже в случае военного поражения.

Дзайбацу маневрировал успешно. К концу войны он подчинил своему влиянию императорское государство значительно полнее, чем когда-либо за последние два десятилетия. Он использовал поражение военщины для того, чтобы уменьшить роль милитаристской клики в государстве. В рамках тех ограничений, которые принесло поражение, деятели дзайбацу подготовились к борьбе за свои собственные империалистические цели, выступая в роли «умеренных» империалистов, ищущих взаимно выгодного урегулирования отношений с американскими экспансионистами.

3. Приход дзайбацу к власти

Биссон в своей книге «Военная экономика Японии» показывает процесс установления полной гегемонии японских монополистов над императорским государством в период войны на Тихом океане¹. Большая война требовала быстрого расширения тяжелой промышленности, а это в свою очередь — чрезвычайных мер и вмешательства государства в экономику. В Соединенных Штатах и в Англии такие же проблемы были разрешены путем передачи ключевых позиций монополистическому капиталу и приобретения его поддержки в военных усилиях в обмен на высокие прибыли, правительственное финансирование экспансии и гарантию послевоенных прибылей. Но в Японии между дзайбацу и военными возникли резкие разногласия по поводу того, каким образом и кем будет осуществляться государственный контроль. Этот спор продолжался с середины 1940 г. до октября 1943 г., когда неблагоприятный

¹ Материал этого раздела настоящей книги основан главным образом на книге Биссона.

оборот, который приняла война, был использован дзайбацу для установления своего полного контроля.

Кампания за создание «новой экономической структуры» началась в 1940 г. как составная часть подготовки к большой войне. Политическое «обновление», сопровождавшее дипломатическую и военную подготовку, включало роспуск профсоюзов и установление господства одной партии. Главным вопросом, который следовало разрешить до нападения на Пирл Харбор, было разграничение роли дзайбацу и военщины в деле контроля над быстро расширяющейся военной экономикой. За исключением некоторых экстремистов из маньчжурской армии, лидеры военщины высказывались за средний курс, т. е. за ограниченное вмешательство государства как гарантии удовлетворения требований армии. Монополисты приветствовали процесс интеграции экономики и не возражали против дальнейшего вмешательства государства в экономику при условии, что они сохранят за собой полный контроль и смогут использовать государственную власть для картелирования хозяйства под своим господством. Военная программа не вызвала коренных разногласий. Речь шла лишь об установлении равновесия сил между различными элементами, составляющими олигархию. Как всегда, разногласия отступали на задний план перед лицом настоятельной необходимости достигнуть соглашения между правящими кругами в интересах сохранения власти и обеспечения успеха в военной авантюре. Но дзайбацу был полон также решимости обеспечить свое собственное господство, независимо от того, какой оборот примет война.

Планы дзайбацу по установлению своего контроля не отличались от программы, обычно проводимой монополистическими группами в других странах. Руководители дзайбацу хотели добиться полного картелирования экономики по своему усмотрению при минимальном вмешательстве со стороны военщины и бюрократии. Эта кампания возглавлялась Японской экономической федерацией — крупнейшей картельной организацией страны. В мае 1940 г. в форме меморандума кабинету Ионаи федерация выдвинула разработанный дзайбацу план «новой структуры», который впоследствии был принят правительством. Основная цель дзайбацу ясно изложена в следующих словах:

«Для ликвидации всех недостатков бюрократического контроля существующие частные экономические организации должны быть объединены и реорганизованы в мощные картели в крупных отраслях промышленности. Этим картелям должны быть предоставлены широкие полномочия в области контроля таким образом, чтобы частные фирмы могли проявлять свою творческую инициативу и установить автономный контроль под свою собственную ответственность»¹.

Этот план саморегулирования «частной инициативы» находился в противоречии с программой армии и флота, предусматривавшей создание «совершенного оборонительного государства» в том смысле, что военщина хотела использовать картели для осуществления государственного контроля, тогда как дзайбацу хотел использовать власть государства лишь для того, чтобы заставить независимые фирмы вступать в картели, которые должны были быть самоуправляемыми. Дзайбацу попытался самостоятельно оформить таким образом свою картельную структуру. К середине 1940 г. Японская экономическая федерация уже организовала во всех крупных отраслях промышленности ряд «картельных конференций», собиравшихся дважды в месяц. Они установили свой контроль и объявили, что будут добиваться санкционирования государством решений «конференций». К концу 1940 г. монополисты выиграли первый тур борьбы с милитаристами. В плане кабинета, предусматривавшем создание «новой экономической структуры», содержалось обещание, что правительственное руководство частными предприятиями будет допускаться лишь в особых случаях и что частная инициатива останется основой «нового порядка». За месяц до того, как Тодзио был назначен премьером, указ о создании ассоциации крупной промышленности, воплощавший большую часть программы дзайбацу, стал законом (сентябрь 1941 г.).

В соответствии с этим законом в каждой отрасли промышленности должны были быть созданы «контрольные ассоциации», обладавшие определенными правами в области производства и распределения рабочей силы, сырья и капиталовложений. Председатель каждой ассоциации был

¹ Bisson, *Japan's War Economy*, p. 29.

облечен огромными полномочиями, но выборы председателя были организованы таким образом, что обеспечивалось одобрение его кандидатуры крупнейшей фирмой данной отрасли промышленности, входящей в дзайбацу. К этому моменту большинство промышленных предприятий, представленных в «картельной конференции», уже создало свои собственные контрольные органы, и эти последние превратились в соответствии с новым законом в «контрольные ассоциации».

После создания таких картельных организаций более слабые фирмы начали быстро исчезать. О темпах этого процесса свидетельствует правительственное сообщение, согласно которому 12 тыс. торговцев и промышленников были изгнаны из «новой структуры». В дальнейшем эта цифра должна была возрасти. Об этом ясно говорилось в специальном плане «картельной конференции» — «заставить мелких промышленников присоединиться к крупным фирмам» и установить «контроль над администрацией и всем бездействующим машинным оборудованием в легкой промышленности». Этот план был санкционирован государством в указе «об обновлении предприятий», который предусматривал предоставление министрам в числе прочего права предлагать различным компаниям поглощать те или иные фирмы. «Число промышленников, без которых страна может прекрасно обойтись, должно быть сокращено», — заявил министр торговли.

Эти мероприятия оказались достаточными в первый год молниеносных японских побед на Тихом океане. В этот период дзайбацу создал внутри страны свою картельную империю. К концу 1942 г. в промышленности, торговле и финансах была создана картельная структура, санкционированная новыми законами. Довоенная картельная конференция превратилась в Совет контрольной ассоциации крупной промышленности. Совет контрольной ассоциации внешней торговли и Национальная контрольно-финансовая ассоциация, в которых также господствовал дзайбацу, действовали в соответствующих областях, но монополисты еще не осуществили всей своей программы, требовавшей создания единого центрального контрольного органа, находящегося под их полным господством, который обладал бы властью над картелями в различных отраслях экономики

страны, а также над различными государственными органами, включая плановое бюро кабинета, все еще находившееся под контролем военщины. Это стало возможно в 1943 г., когда японские неудачи на Тихом океане потребовали концентрации внимания на производстве судов и самолетов. Требовавшиеся изменения натолкнулись на различные трудности, поскольку контроль различных министерств часто противоречил контролю, осуществлявшемуся промышленными ассоциациями. Для того чтобы произвести необходимые изменения, Тодзио потребовал предоставления ему диктаторских полномочий. Действительно, ему было предоставлено больше власти, чем любому предыдущему милитаристскому премьер-министру, но дзайбацу в обмен потребовал полного контроля над военной экономикой.

Прежде всего Тодзио должен был согласиться с созданием Консультативного совета в составе семи представителей крупной промышленности. Этот внутренний кабинет должен был консультировать правительство по всем вопросам политики, и правительство, очевидно, не могло ничего предпринимать без согласия этого специального органа дзайбацу внутри государства. Не меньшее значение имело также создание министерства вооружения, формально возглавлявшегося Тодзио, но в действительности находившегося под контролем представителя дзайбацу. За исключением судостроения и артиллерии, контроль над которыми оставался в руках морского и военного министерств, новому министерству было предоставлено право контроля над всей военной промышленностью. Оно непосредственно контролировало 574 компании по производству вооружения в Японии и 100 компаний в Корее и на Формозе. Оно распоряжалось производством, оборудованием, рабочей силой, сырьем и капиталовложениями; оно могло требовать ликвидации фирм и их слияния. В дополнение было совершенно ликвидировано плановое бюро при кабинете, в котором господствовали милитаристы. Это было подлинным триумфом дзайбацу. Тодзио, «военный диктатор», обладавший беспрецедентными правами, не смог подчинить себе дзайбацу; вместо этого военные оказались в подчинении у монополистов. Биссон пишет по этому поводу:

«Премьер Тодзио не установил ни военной, ни правительственной диктатуры над крупной промышленностью.

Одержали верх председатели контрольных ассоциаций, т. е. ведущие японские монополисты. Они теперь заняли привилегированное положение в самом кабинете... Это был союз японской крупной промышленности с военными в совершенно новой области административной власти и ответственности. Однако опыт прошлого в вопросах; касающихся промышленности в самой Японии, оставлял мало сомнений в том, кто должен был быть главой в этом «браке по расчету»¹.

Заняв руководящую позицию в кабинете, дзайбацу использовал ее для страховки себя от последствий возможного поражения в войне. С этой целью была предпринята так называемая национализация военной промышленности, в частности авиационных заводов и других излюбленных объектов американских бомбардировщиков. В начале 1945 г., когда американские «летающие крепости» наносили удары с ближних баз, дзайбацу организовал движение за национализацию военной промышленности. Прочно захватив в свои руки государственные контрольные организации, монополисты хотели, чтобы военными заводами управляло правительство, стремясь таким образом обеспечить возмещение государством ущерба, нанесенного их собственности. Кроме того, они стремились к установлению более жесткого контроля над рабочими, начинавшими проявлять все большую активность по мере развития войны. Заводы должны были быть «переданы в аренду» правительству на определенный период. Государственное управление частными заводами должно было происходить через посредство контролируемой дзайбацу особой организации. В последние месяцы войны при «умеренном» кабинете Судзуки эта «национализация» была значительно расширена. Возмещение убытков за ущерб, причиненный в результате войны, взяло на себя министерство финансов, тогда как прибыли, как обычно, получал дзайбацу.

Эти искусные манипуляции в промышленности, проводившиеся представителями дзайбацу в правлениях фирм и представителями дзайбацу в кабинете министров, можно сравнить с шагами, предпринятыми после поражения для «ликвидации» крупных акционерных компаний. Кабинет

¹ Bisson, *Japan's War Economy*, p. 102.

Сидехара, управлявший под наблюдением Макарура, представлял собой «умеренное» правительство, из которого были исключены лишь самые отъявленные милитаристы, тогда как представители старого дзайбацу были в нем широко представлены. Такая же «добровольная» реорганизация произошла в основных компаниях дзайбацу. Эта реорганизация свелась к тому, что руководящий персонал был тщательно перетасован и была создана видимость «умеренности». В соответствии с указом Макарура от 6 ноября 1945 г. правительству о «демократизации» промышленности кабинет приступил к «ликвидации» крупных акционерных компаний «большой четверки», оговорив при этом, что дзайбацу уже добровольно приступил к выполнению этой задачи и с этой целью «обратился с просьбой» о помощи со стороны правительства. Намеченный план предусматривал выпуск правительственного процентного десятилетнего займа взамен акционерного капитала компаний.

Одновременно американские власти заявили, что японское правительство будет держать у себя акции дзайбацу для «публики». Тем временем корпорациям было запрещено снова вступать в международные картели, а высшая власть в отношении решений, принимаемых ликвидационной комиссией, должна была принадлежать верховному командующему. «Публике» было сообщено, что в ближайшее время будут приниматься меры для размещения акций. По заявлению штаба Макарура, вопрос о том, будет ли разрешено иностранному капиталу купить пакеты акций дзайбацу, относился к области «межсоюзнической политики»¹.

Пока что в ожидании окончательного решения хранителем акционерного капитала дзайбацу должно было стать правительство дзайбацу; заводы же, помимо военных заводов, предназначавшихся к демонтажу, остались под управлением монополистов. Однако большинство артиллерийских заводов принадлежало правительству, равно как и большая часть сталелитейной промышленности. Таким образом, какие бы соглашения ни выработывались по вопросам демонтажа военных заводов, передачи оборудования в качестве репараций или по ограничению производства в некоторых отраслях промышленности, — все это было

¹ «New York Times», November 7, 1945.

непосредственно связано с перераспределением акций дзайбацу и конфискацией японских активов за границей.

Несмотря на первоначальное строгое запрещение покупки иностранными капиталистами акций дзайбацу, можно считать, что американские монополисты заранее предъявили свои права на империю дзайбацу. По японской терминологии слово «публика» стало означать корпорацию; в этом смысле следует понимать и декрет, предписывающий «держателю для публики» акции дзайбацу.

До войны американские корпорации завоевали определенные позиции в Японии. Но общая цифра американских капиталовложений не превышала полмиллиарда долларов, из которых 61,5 млн. долл. было вложено американскими корпорациями непосредственно в предприятия, контролируемые ими; 178,1 млн. долл. было вложено в японские корпорации, а остальные были предоставлены в форме займа японским правительственным организациям¹. Помимо того, между американскими и японскими компаниями, естественно, были заключены некоторые картельные и патентные соглашения.

По данным, опубликованным оккупационными властями в Токио, до войны существовало тесное переплетение японского и англо-американского капитала. Американская алюминиевая компания «Алюминум компани оф Америка» располагала через посредство своего канадского филиала 30% акций алюминиевой компании концерна «Сумитомо». Компания «Интернейшнл телефон энд телеграф» вместе с компанией «Вестингауз» имела патентные соглашения по вопросу о магнитной стали с металлургическими компаниями «Сумитомо». «Вестингауз» имел также акции электрической компании «Сумитомо». Филиал «Интернейшнл телефон энд телеграф» держал 20% акций электрической компании «Сумитомо» и располагал правом на избрание четвертой части директоров. Нефтяная компания «Тайдуотер ассошиэтед ойл», связанная со «Стандард ойл оф Нью-Джерси», имела на 2 млн. долл. акций нефтяной компании «Мицубиси» и поставляла этой компании нефть вплоть до Пирл Харбора. Существовали также тесные связи между «большой пятер-

¹ Anna Rochester, *Rulers of America*, New York, 1936, pp. 338—339.

кой» японских банков и американским банковским капиталом. В той же связи упоминаются компании «Либби — Оуэнс — Форд», «Дженерл моторс» и «Стандард ойл оф Нью-Джерси»¹. Относительно английских, германских и других интересов ничего не сообщается².

Американские корпорации вряд ли захотят отказаться от позиций, захваченных ими в Японии. Наоборот, они, бесспорно, попытаются захватить львиную долю капиталов дзайбацу теперь, когда широко открыта дверь для американского проникновения в Японию. Как и в Германии, это приведет к заинтересованности в сохранении японской тяжелой промышленности и монополистической системы. Участие американского капитала в дзайбацу не уменьшит агрессивных свойств последнего. «Корни зла» должны быть выкорчеваны народным демократическим движением внутри страны с помощью демократической революции, которой Япония еще не знала.

4. Колониальная империя

Поскольку одной из основных целей американской политики является сохранение империалистических позиций в Японии для защиты интересов американских корпораций, можно не сомневаться, что со стороны американцев будет также предпринята попытка захватить значительную часть интересов дзайбацу в Азии. Успех этой попытки зависит в первую очередь от того, как будет развиваться в Китае и в колониях демократическое движение за независимость. Изменения, которые произойдут в колониальной системе, отразятся также на форме американского проник-

¹ Эти данные неполны. Так, например, согласно сведениям, представленным сенатской комиссией Килгора, крупная американская корпорация «Нейшнл лед» совместно с «ИГ Фарбен-индустри» и одной французской компанией имела большие интересы в японской химической промышленности. В марте 1941 г. «Нейшнл лед» помогла своему японскому партнеру обойти английское эмбарго на поставки титана из Индии в Японию, отправив 700 т в момент, когда в Соединенных Штатах ощущалась нехватка этого существенно важного химикалия, используемого в производстве красителей (Titanium Hearings, Washington, 1944). Известно также, что «Дженерл электрик» имела капиталовложения в двух японских электротехнических концернах.

² Associated Press, Tokio, November 6, 1945.

новения, т. е. на том, какие силы американцы изберут себе в качестве союзников в этом наступлении.

Дзайбацу может надеяться спасти часть своих капиталов в Китае и в колониях в результате борьбы между империалистами за сферы влияния в Азии. В этой борьбе на стороне американского капитала имеются значительные преимущества, поскольку Япония фактически оккупирована американцами, а из Японии эти компании могут попытаться использовать сеть дзайбацу в Азии. Они также обладают тем преимуществом, что могут действовать в новой и широкой сфере влияния, создаваемой сейчас Соединенными Штатами в Китае.

Японская сеть корпораций в Азии была дополнением высоко трестированной и картелированной экономики собственно Японии. Эта сеть была создана с целью контроля над источниками сырья, которое требовалось японской военной промышленности для развития коммуникаций и строительства укреплений, необходимых для покорения Азии, а также с целью эксплуатации туземного населения. Старые колонии Корея и Формоза были превращены в первую очередь в житницы Японии. Помимо риса, Формоза снабжала всю империю сахаром. Шесть японских корпораций монополизировали сахарную и связанные с ней отрасли промышленности, а также железнодорожный транспорт. Одна корпорация контролировала всю электроэнергию и несколько промышленных предприятий, которым было разрешено функционировать. Из всех авуаров корпораций (357 млн. иен в 1939 г.) японцы контролировали 90%. Экономика Формозы была настолько полно слита с экономикой Японии, что из других стран (помимо Японии), поступало не более 5% ее импорта, а экспорт в другие страны почти не разрешался¹.

Корея была расположена во внутренней японской зоне империи, и, кроме того, она занимала стратегически важную позицию по отношению к Китаю и Советскому Союзу. Поэтому, в особенности после вторжения в Маньчжурию, японцы уделяли огромное внимание промышленному развитию этой страны и эксплуатации ее запасов стратегического

¹ Kate L. Mitchell, *Japan's Industrial Strength*, New York, 1942, pp. 61—73.

сырья. Хотя Корея оставалась преимущественно рисовой житницей и японцы в качестве крупных землевладельцев установили крайне обременительную для крестьянства систему пользования землей, большое внимание было уделено развитию некоторых отраслей военной промышленности в связи с промышленным развитием в самой Японии. В Северной Корее и вдоль побережья были построены новые железные дороги, порты были улучшены и была увеличена добыча ископаемых, в частности железной руды и угля. Промышленное развитие затронуло главным образом электроэнергию, металлургическую и химическую отрасли промышленности и новые предприятия, в основном предприятия, производившие текстильные ткани и продукты питания, предназначавшиеся для Кореи и Маньчжурии. О масштабах индустриализации страны до начала войны с Китаем свидетельствует тот факт, что число рабочих, занятых в промышленности, возросло со 100 тыс. в 1931 г. до 200 с лишним тысяч в 1937 г. В период с 1910 по 1938 г. стоимость промышленной продукции возросла с 31 млн. иен до 1140 млн. иен. В военные годы промышленность была еще больше расширена, так же как и система коммуникаций и горное дело.

Большую роль в корейской экономике играл дзайбацу. Не считая правительственных предприятий, в 1938 г. 89% корпоративных организаций контролировалось японцами. «Мицубиси» контролировал добычу железной руды и выплавку чугуна, тогда как добычу золота контролировала фирма «Ниссан», входившая в «новый дзайбацу». Важнейшую роль в Корее играл трест «Ногуци», также входивший в «новый дзайбацу». Он монополизировал производство удобрений, синтетического горючего, электроэнергии, а также имел крупные интересы в горнорудном деле. Доля участия корейцев в промышленности постепенно уменьшалась. В 1923 г. корейцам принадлежал примерно 21% общего капитала корпораций, но эта цифра упала до 11% в 1938 г. Японские монополисты захватили 3 электростанции, принадлежавшие корейцам; число корейских банков сократилось с 12 до 3, а их капитал — с 12 до 5 млн. иен ¹.

¹ Kate L. Mitchell, *Japan's Industrial Strength*, New York, 1942, pp. 73—86.

На территориях, захваченных Японией позднее, за исключением Маньчжурии, японская политика концентрировала свое внимание почти исключительно на максимальной эксплуатации источников сырья и использовании существующих промышленных предприятий и системы коммуникаций. В оккупированной части Китая японцы захватили богатейшие в мире залежи угля, ценные источники железной руды и каменной соли, необходимой для производства искусственного шелка и химической промышленности. Японцы захватили хлопчатобумажные предприятия Северного и Центрального Китая, большую часть китайской мукомольной промышленности, весь урожай пшеницы, часть шелковой промышленности, половину табачной промышленности. Они также захватили крупные порты и средства связи. Хотя успешной эксплуатации этого района препятствовало китайское движение сопротивления, крупные ценные авуары перешли в руки японцев. Однако эксплуатацией этого района в основном занималась армия, а экономическим развитием занялись полуправительственные корпорации, действовавшие в тесном контакте с армией¹.

На захваченных в более позднее время территориях в Юго-Восточной Азии японцы почти не имели времени для эффективной эксплуатации богатых источников сырья и для проведения других мероприятий. Уже через год после захвата этих районов японцы столкнулись с большими трудностями при поддержании коммуникаций с метрополией. Все машины и оборудование, без которых можно было обойтись во внутренней зоне, использовались в судостроительной промышленности в Гонконге и Сингапуре, а также для добычи таких видов сырья, как бокситы, хром, никель, свинец и цинк. Однако дзайбацу и здесь попытался наложить свою руку на наиболее ценное имущество. «Мицубиси», например, получил контроль над залежами фосфата в Лао-кой в Индо-Китае и эксплуатировал судоходство и судостроительные предприятия в Сингапуре. «Мицуй» получил медные рудники Лепанто и другие ресурсы минералов на Филиппинах и захватил судостроительные предприятия

¹ Kate L. Mitchell, pp. 131—140.

в Гонконге ¹. К сентябрю 1942 г. на Филиппинах уже действовали 50 японских фирм ².

Жемчужиной Японской империи была Маньчжурия. Эта страна представляет собой уникальный пример колониальной экономики, которой была придана огромная промышленная надстройка, как продолжение высоко централизованной экономики империалистической державы. Это необычное развитие колониальной страны преследовало в основном, стратегическую цель, являясь жизненно важной предпосылкой для установления контроля над Восточной Азией и, как надеялись японцы, для покорения Советского Дальнего Востока. Хотя экономическое развитие Маньчжурии не достигло тех масштабов, которые были первоначально намечены японскими империалистами, все же эта страна с ее значительными внутренними ресурсами и военной промышленностью была превращена в мощную военную базу, снабжала Японию большим количеством необходимого ей сырья, помимо того, что она питала этим сырьем маньчжурскую промышленность. Кроме того, военная промышленность Маньчжурии превратилась в важное дополнение японской военной экономики. По некоторым данным, Маньчжурия давала около трети всей промышленной продукции Японии.

Во всех других отношениях Маньчжурия или «Маньчжоу-Го» оставалась типично колониальной страной. Здесь существовали характерные черты самого агрессивного империализма — порабощение местного населения, жесткий контроль над отсталым сельским хозяйством и полная монополия японцев во всех отраслях экономики.

Развитие Маньчжурии во многих отношениях представляет собою попытку японской олигархии воспроизвести в колониальной стране, имеющей огромное стратегическое значение, характерную особенность Японии — современную промышленную надстройку над полуфеодальной базой.

Помимо того, что Маньчжурия располагает огромными естественными ресурсами, она имела значение как плацдарм для агрессии против Советского Союза и против собственно

¹ Roth, *Dilemma in Japan*, pp. 86—87.

² Bisson, *Japan's War Economy*, p. 88.

Китай. Советско-маньчжурская граница, протяженностью в 3,5 тыс. км, глубоко вклинивается в наиболее плодородные и густо населенные районы Советского Дальнего Востока. Обширная маньчжурская равнина, окруженная с трех сторон советской территорией, представляет преимущества внутренних линий коммуникаций, которые радиально расходятся по направлению к жизненному центру Сибири.

В. Аварин в своей статье в советском журнале «Новое время» констатировал, что в силу этих географических условий агрессивная держава, контролирующая Маньчжурию, обладает огромными возможностями для нападения на Советский Союз... «Раз навсегда необходимо, — отмечал Аварин, — покончить с положением, при котором Маньчжурия может служить базой и плацдармом для происков, направленных против жизненно-важных областей нашей родины»¹.

Широкие военные приготовления, проводившиеся в Маньчжурии, подтверждали, что именно в этом заключалась конечная цель Японии. К советской границе были проведены многочисленные новые линии коммуникаций, в том числе железнодорожные ветки и много шоссежных дорог. В этом районе были построены прочные укрепления, аэродромы, телефонные линии и военные поселения, в которых находилось 200 тыс. японских «фермеров». Морские порты были расширены и был построен ряд новых портов. «К концу 1941 г. в Маньчжурии находились почти миллионная армия, около тысячи танков и 1500 самолетов»². К тому времени, когда концентрация сил достигла максимума, Квантунская армия в Маньчжурии располагала половиной всей японской артиллерии, почти $\frac{2}{3}$ всех имевшихся в Японии танков и $\frac{3}{4}$ всей японской кавалерии.

Эта гигантская концентрация вооруженных сил поддерживалась военной промышленностью, расположенной внутри страны. По японским утверждениям добыча угля в Маньчжурии достигла 50 млн. т по сравнению с 10 млн. т до оккупации. В случае достоверности японских данных оказалось бы, что Маньчжурия занимает шестое место среди

¹ См. статью В. Аварина, Маньчжурия как японский плацдарм для нападения на Советский Союз. «Новое время», Москва, 1945, № 6 (16).

² Там же.

угледобывающих стран. Однако по более трезвым оценкам добыча угля в Маньчжурии составляла примерно половину указываемой японцами цифры. В результате сооружения японцами новых электростанций Маньчжурия по производству электроэнергии достигла приблизительно уровня Франции. К 1944 г. выплавка чугуна из местной руды, очевидно, достигла 3 млн. т в год, а выплавка стали—свыше 1 млн. т. За время оккупации протяженность железнодорожных линий увеличилась с 6500 до 13 тыс. км, что превышает протяженность железнодорожной сети Китая. По словам японцев, сеть автомобильных дорог увеличилась с 3200 до 64 тыс. км.

Вокруг Мукденского арсенала была построена целая сеть военных заводов, в том числе авиационных, автомобильных, машиностроительных и паровозостроительных. Была создана химическая и цементная промышленность и построены коммунальные предприятия. О размахе индустриализации свидетельствовал рост японских капиталовложений. Так, в период с 1932 по 1943 г. сумма японских капиталовложений возросла с 1,7 до 7,1 млрд. иен, не считая государственных предприятий. «Компания промышленного развития Маньчжурии», захватившая контроль над большей частью тяжелой промышленности, довела к 1944 г. свои инвестиции до 2,9 млрд. иен. Если учесть также инвестиции других японских корпораций, то капитал, вложенный только в маньчжурскую промышленность, достиг к 1945 г., очевидно, 5 млрд. иен. Это равно сумме всех частных английских инвестиций в сельское хозяйство, транспорт, промышленность и коммунальное хозяйство Индии. Многие заводы были переведены из Японии в Маньчжурию в 1944—1945 гг., когда американские воздушные силы начали наносить удары по территории собственно Японии¹.

Система контроля, установленная над экономикой Маньчжурии, осуществлялась вначале под руководством милитаристов в соответствии с их планом создания «национал-социалистического» государства. Были официально назначены «Специальные компании», которым была предо-

¹ Andrew J. Grajdanew, *Manchuria: An Industrial Survey*, Pacific Affairs, New York, December 1945.

ставлена полная монополия в каждой отрасли промышленности. Эти компании находились под наблюдением правительства Маньчжоу-Го, т. е. японской военщины.

К 1938 г. уже функционировала 41 корпорация, основная часть капитала которых была предоставлена государством. Вопреки распространенному мнению, эти предприятия недолго оставались государственными. В Маньчжурии повторилась история Японии. Вскоре частным монополистам было предложено вступить в маньчжурские корпорации, так же как на ранней стадии индустриализации Японии крупные государственные предприятия были переданы дзайбацу.

По данным официальной статистики, еще в 1938 г. полная государственная монополия существовала только в добыче руд, имеющих стратегическое значение, в энергетической промышленности, на предприятиях связи и железнодорожном транспорте, хотя банк «Ясуда» и имел небольшую долю участия во всемогущей компании Южно-Маньчжурской железной дороги. Годом ранее крупные промышленные предприятия, созданные государством, были переданы новой корпорации — «Компании промышленного развития Маньчжурии», в которой трест «Ниссан» участвовал на равной основе с правительством Маньчжоу-Го. Через эту компанию монополисты треста «Ниссан» уже через год контролировали добычу угля, золота, сталелитейную и автомобильную промышленность и промышленность легких металлов. Компания «Окуро» сохранила свои железные рудники и плавильные заводы, а «Сумитомо» проник в промышленность по переработке легких металлов. «Мицуи» и «Мицубиси» взяли в свои руки нефтеперегонку и нашли себе также место в автопромышленности, производстве синтетического горючего, авиационной промышленности и даже в Мукденском арсенале — святая святых милитаристов¹. Когда началась война с Китаем, военщина ослабила свой контроль, чтобы поощрить увеличение капиталовложений дзайбацу — как старого, так и нового.

По мере развития войны на Тихом океане, дзайбацу расширял контроль над своей сетью в колониях и еще прочнее связал эту сеть со своими корпорациями на террито-

¹ Japan — Manchukuo Year Book, 1940.

рии собственно Японии. Эксплоатация награбленной империи со стороны дзайбацу шла по двум основным путям. Во-первых, для этого использовались различные корпорации развития, созданные правительством для девяти основных колониальных районов Восточной Азии. Капитал этих компаний был внесен на равных началах государством и дзайбацу, и каждая из компаний создала филиалы для различных отраслей хозяйства. Другим путем был непосредственный контроль над отдельными предприятиями, либо установленный частными монополиями в этих районах, либо отобранный ими у военщины. Но положение в районах, находившихся под властью Японии с 1931 г., не удовлетворяло полностью дзайбацу, так как в этих районах военщина смогла сохранить большую степень контроля, чем в собственно Японии и в старой колониальной сфере.

Одновременно с победой плана дзайбацу по установлению контроля в Японии крупным монополиям удалось также добиться ограничения вмешательства военщины в экономику районов, завоеванных в более позднее время. Для того чтобы установить свое полное господство, дзайбацу попытался создать контрольные ассоциации во всей сфере Восточной Азии, но здесь он столкнулся с оппозицией военных лидеров, которые требовали себе права голоса в вопросе выбора тех промышленников, которые будут допущены в их зоны, а также хотели получить право общего наблюдения над деятельностью этих промышленников. Эта оппозиция была постепенно преодолена. Многие маньчжурские компании превратились в «добровольных» членов японских контрольных ассоциаций. В других районах координация была установлена через посредство различных «компаний развития», как, например, «Северо-Китайская компания развития» и другие. Новые контрольные ассоциации, связанные с параллельными органами в Японии, были созданы и в Юго-Восточной Азии, как, например, «Контрольная ассоциация предметов первой необходимости на Филиппинах, Сахарная контрольная ассоциация для южных районов и Контрольная ассоциация лесных материалов. Контрольная ассоциация страхования выделила японским фирмам территории в Северном и Южном Китае, а организация такого же типа выделила различные территории газетным издателям.

Самая крупная победа была одержана в ноябре 1942 г., когда было создано министерство Великой Восточной Азии. Оно должно было поглотить такие организации, как Бюро по маньчжурским делам и Управление по китайским делам, которые контролировались военщиной. Новое министерство обладало административной властью над всеми деловыми операциями за пределами собственно Японии, Кореи, Формозы и Южного Сахалина. Военщина была вытеснена со своих прежних господствующих позиций, и новое министерство, находившееся под гражданским контролем, стало непосредственным агентством дзайбацу. С помощью этого министерства дзайбацу мог координировать свою политику в покоренных районах и распределять по своему усмотрению захваченную собственность и активы. Министерство Великой Восточной Азии играло такую же роль в деле обеспечения контроля дзайбацу над новой колониальной империей, как министерство вооружения в военной экономике Японии.

Таким образом, к концу войны японским монополистам принадлежали предприятия, разбросанные по всей Восточной Азии. Этот обширный экономический концерн контролировался той же небольшой группой дзайбацу, которая контролировала и японскую экономику. В Юго-Восточной Азии бывшие владельцы, несомненно, получают обратно многие из этих предприятий. В Китае английские и китайские капиталисты попытаются добиться возвращения им шахт, заводов и различных коммунальных предприятий. Однако американские монополисты используют свою возможность вести торг, а также «право» на владение, вытекающее из того факта, что американцы контролируют активы дзайбацу. Белый дом дал генералу Макартуру указание получить полные сведения обо всех японских активах, находящихся на территориях, отобранных у Японии, и «поступить с ними так, как это будет предусмотрено в решениях союзных властей». В этой директиве, озаглавленной «Равенство возможностей для иностранных предприятий в Японии», указывалось также:

«Японские власти не должны предоставлять сами или позволять, чтобы какая-либо японская деловая организация предоставила исключительные или предпочтительные возможности или условия предприятию какой-либо ино-

странной державы или передала этому предприятию контроль над какой-либо важной отраслью экономической активности»¹.

Не требуется большой сообразительности, чтобы разгадать общую стратегию, скрывающуюся за этой директивой. Находясь в Японии, американцы могут определять, какое «равенство возможностей» должно предоставляться конкурирующим предприятиям в системе монополий в Японии, защищая в то же время свои собственные «равные возможности» в отношении японских активов в Азии. Американская крупная промышленность попытается, в особенности во внутренней зоне Китая, в Южной Корее, на Формозе и в Маньчжурии, установить свою господствующую позицию в сети, созданной дзайбацу, даже если это может означать раздел контроля с японскими капиталистами.

Такая попытка, бесспорно, натолкнется во всех районах на сопротивление демократического движения. Особенно опасной для всеобщего мира была бы попытка американских монополистов захватить бывшие японские позиции в Маньчжурии с тем, чтобы поддерживать связь империалистической базы в Японии с этим стратегическим плацдармом, направленным в сердце Советской Сибири. Возможность такого развития событий, несомненно, предвиделась Советским Союзом, когда он позаботился о том, чтобы совершенно разбить и интернировать Квантунскую армию и демонтировать арсеналы и военные заводы в Маньчжурии. Это, повидимому, было также специально учтено в Китайско-Советском соглашении о маньчжурской железнодорожной системе, Порт-Артуре и Дальнем. Тем не менее, американские экспансионисты, действующие совместно со своими союзниками из гоминдана или с дзайбацу, а может быть с ними обоими, не воздержатся от такой попытки. Сохранение империалистической базы в Японии связано с попыткой создать обширную американскую сферу в Азии.

¹ Директива Белого дома, «New York Times», September 23, 1945.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Соединенные Штаты вышли из второй мировой войны сильнейшей империалистической державой. Это один из самых важных моментов новой международной обстановки, создавшейся после поражения держав оси.

Уже накануне войны Соединенные Штаты были крупнейшей промышленной державой мира, главным экспортером товаров и капиталов и богатейшим сектором мирового рынка. В то время как другие крупные страны пострадали в результате опустошений, причиненных войной, расширение промышленного производства в Соединенных Штатах в военное время шло совершенно невиданными в истории американской экономики темпами. Такое развитие событий усилило в дальнейшем относительный вес Соединенных Штатов в мировой экономике. Одновременно превращение Соединенных Штатов в ходе войны в ведущую военно-морскую и авиационную державу и широкое участие этой страны в военном конфликте привели к тому, что она оказалась в состоянии играть значительно большую политическую роль, чем та, которую она играла после первой мировой войны.

Позиции и отношения, существовавшие до начала второй мировой войны, устарели и уже не соответствуют нынешней расстановке экономических и военных сил. В экономической области это относится главным образом к отношениям между монополиями и картелями в связи с перераспределением рынков и сфер приложения капиталов. Следовало ожидать, что американские крупные промышленники, стремясь полностью использовать в своих собственных интересах военную победу, немедленно попытаются захватить позиции во всем мире любыми методами, которые окажутся наиболее подходящими для современной политической

обстановки. Основное влияние на формирование американской политики по главным политическим и экономическим проблемам мира оказывает стремление расширить мировые экономические позиции Соединенных Штатов.

1. Развитие промышленности во время войны

С начала нынешнего столетия растущая роль Соединенных Штатов в мире в значительной степени базировалась на богатстве естественных ресурсов страны, огромных масштабах и эффективности ее промышленного производства. В период второй мировой войны продукция американской промышленности более чем удвоилась. Темпы прироста продукции, превышавшие 15% в год, побили рекорд, установленный во время подъема, последовавшего за кризисом начала 30-х годов, и более чем вдвое превысили темп прироста во время первой мировой войны. Внимательное изучение этого беспрецедентного развития раскрывает его односторонний, неравномерный и преходящий характер.

Это невиданное развитие происходило после того, как Соединенные Штаты в мирное время уже заняли на мировой арене первое место как производитель промышленных товаров. Фактически США ушли так далеко вперед, что ни одна капиталистическая страна не могла претендовать на то, чтобы хоть в какой-то мере сравняться с ними. Относительный вес Соединенных Штатов в мировой экономике в годы «просперити» показывают следующие цифры:

1. В период 1925—1929 гг. на долю Соединенных Штатов приходилось 48% мировой промышленной продукции (без Советского Союза). Эта цифра вычислена на основе чистой стоимости продукции, и процент, несомненно, уменьшится, если исходить из общего объема продукции. Тем не менее, продукция Соединенных Штатов уже составляла почти половину всей промышленной продукции капиталистического мира.

2. По грубым подсчетам, национальный доход Соединенных Штатов в 1929 г. (в долларах) равнялся национальному доходу 23 других стран вместе взятых, включая Соединенное Королевство, Германию и Францию. Подлинный доход был ниже в связи с высоким уровнем в США цен на товары и услуги. Но эти данные все же показывают, какую огром-

ную роль играла покупательная способность Америки в мировой экономике. Соединенные Штаты были к тому времени уже богатейшим рынком в мире.

3. В 1927—1928 гг. доля Соединенных Штатов в потреблении девяти основных видов сырья и продовольствия составляла 39% общего потребления этих продуктов пятнадцатью наиболее крупными торговыми странами. Это характеризует роль Соединенных Штатов как потребителя мировых запасов сырья.

4. В течение всего межвоенного периода Соединенные Штаты были главной экспортирующей страной, на долю которой приходилось в 1929 г. 15,6% всего мирового экспорта. Доля США в мировом импорте составляла 12,2%; они уступали в этом отношении только Соединенному Королевству. Соединенные Штаты были бесспорно крупнейшим импортером сырья.

5. В период 1919—1929 гг. Соединенные Штаты экспортировали больше капиталов, чем Соединенное Королевство, Голландия и все другие экспортирующие капитал страны вместе взятые ¹.

Эти данные касаются периода «просперити», большого американского бума, предшествовавшего мировому экономическому кризису 1929 г. и последующих годов. Их следует рассматривать в свете явной неустойчивости американской экономики, для которой в большей степени, чем для других стран, характерны резкие скачки от высшей точки процветания к кризису. Если учесть это обстоятельство, не будет соблазна изображать развитие американской экономики как плавный и непрерывный подъем.

О масштабах расширения американского производства в период второй мировой войны свидетельствуют опубликованные управлением по делам военного производства данные, которые показывают, что физический объем всей промышленной продукции между 1939 и 1944 гг. возрос примерно на 120%, а выпуск готовых изделий — более чем на 150% ². Один из руководящих работников этого управ-

¹ U. S. Department of Commerce, United States in the World Economy, Washington, 1943, pp. 29, 31.

² War Production Board, American Industry in War and Transition, 1940—1950, Part II, The Effect of the War on the Industrial Economy, Washington, 1945.

ления Уильям Батт, приводя «астрономические» цифры производства самолетов, танков и другого снаряжения, указал, что в период войны Соединенные Штаты производили примерно столько, сколько «все наши союзники и враги вместе взятые»¹.

Перевозки промышленных товаров², являющиеся хорошим показателем промышленной активности, достигли в 1944 г. 156,6 млрд. долл. Выплавка стали, являющаяся основой тяжелой промышленности, достигла в 1944 г. 89,5 млн. т, т. е. наивысшего уровня в истории этой отрасли промышленности. Эта цифра превышает продукцию стали всего капиталистического мира в любой год между 1930 и 1936 гг.

В то же время Соединенные Штаты были единственной страной, увеличившей выпуск товаров мирного времени. В 1944 г. американцы получили по стоимости на 58% и по объему на 20% больше товаров и услуг, чем в 1939 г.

Еще большее значение, чем объем произведенных товаров, имело создание новых производственных возможностей.

К существующим предприятиям и оборудованию добавились новые, общей стоимостью свыше 25 млрд. долл., что увеличило производственную мощность американской промышленности по крайней мере на 40%. Не все новое оборудование следует рассматривать как постоянный элемент американской экономики. Время покажет, какая его часть будет переведена на выпуск продукции мирного времени и какая пойдет на слом. Но созданы дополнительные производственные мощности, так, например, число станков, кото-

¹ Из выступления в Ротари-клубе в Нью-Йорке 9 марта 1945 г. Батт сообщил, что с июля 1940 г. до конца 1944 г. Соединенные Штаты выпустили 246 845 самолетов, океанских грузовых судов тоннажем 45 384 тыс. т, 75 тыс. танков и 130 тыс. самоходных орудий. По всем другим категориям оружия и боеприпасов цифры столь же высоки.

² С 1939 г. перевозки транспортного оборудования — авиационного, судостроительного и железнодорожного — увеличились в 25 раз. Перевозки электрооборудования — примерно в 5 раз, другого машинного оборудования — в 4 раза, автомобилей и резиновых изделий — втрое, железа и стали, цветных металлов, химикалий и продовольствия в 2—2,75 раза.

ры могут быть использованы в промышленности, возросло на 50%¹.

Не меньшее значение имел происшедший в период войны рост производительности труда.

Об этом свидетельствует тот факт, что, хотя выпуск готовых изделий возрос между 1939 и 1944 гг. более чем на 150%, число рабочих, занятых в обрабатывающих отраслях промышленности, увеличилось только на 60%. Средняя продолжительность рабочей недели на одного рабочего возросла за этот период примерно на 20%, что лишь частично заполняет брешь между объемом продукции и численностью рабочих. По данным управления по делам военного производства, производительность труда возросла за этот период приблизительно на 25%. Это дало третью часть общего увеличения производства промышленных товаров. Таким образом, ежегодный рост производительности труда для всей обрабатывающей промышленности составил 4,2% по сравнению с 3,2% в предвоенное десятилетие². Существенным фактором была поддержка войны народом. Это видно из того, что производительность была особенно велика в военной промышленности. В период между декабрем 1942 г. и апрелем 1944 г. в этих отраслях производительность труда возросла, по данным управления по делам военного производства, на 30—35%³.

Таким образом, рост производственной мощности и эффективности труда в период войны еще больше увеличил потенциальную роль Соединенных Штатов в мировой экономике. Мощность американской промышленности, несомненно, составляет более половины, очевидно, даже около 60% промышленной мощности всего капиталистического мира. Кроме того, национальный доход, даже учитывая рост цен, значительно возрос. В период войны Соединенные Штаты превратились также в крупнейшего мирового экспортера и импортера. Вместе с тем эта страна значительно укрепила свою позицию как крупнейшая в мире страна-кредитор. Но как долго удастся сохранить эти преимущества? Как они будут использованы?

¹ War Production Board, op., cit., pp. 4—5.

² War Production Board, op. cit., p. 9.

³ Economic Notes, April 1945, p. 4.

2. Неустойчивость американской экономики

Насколько постоянным окажется расширение производства, имевшее место в период войны, зависит в первую очередь от силы циклического экономического кризиса, который, несомненно, должен наступить в период мира. Возникновение в Америке в конце войны кризиса реконверсии явилось сигналом приближающегося кризиса перепроизводства, угрожающего охватить весь капиталистический мир.

Учитывая значительно возросшую роль Соединенных Штатов в мировой экономике, можно сказать, что кризис в Америке немедленно отразится на всех других капиталистических странах еще более катастрофическим образом, чем это было в 1929 г. С другой стороны, на кризисе в Соединенных Штатах отразятся экономические и политические условия, которые создадутся в остальном мире.

Для американской экономики характерны резкие колебания.

Опубликованное недавно исследование министерства торговли показывает, что «амплитуда и сила колебаний в промышленности оказались в межвоенный период значительно большими в США, чем в иностранных государствах». Например, между 1929 и 1932 гг. в разгар экономического кризиса промышленное производство в США упало на 46% по сравнению с 27% для остального капиталистического мира¹.

Видный американский либеральный экономист Алвин Хансен подчеркивает «угрозу», которую неустойчивость американской экономики представляет для остального мира:

¹ United States in the World Economy, p. 30. Сравнение становится еще более разительным, если провести его по отдельным странам. Согласно другим цифрам, в период между 1929 и 1933 гг. (когда уже начался рост производства) объем промышленной продукции в Соединенных Штатах снизился на 36,1%, в то время как в Англии он снизился на 11,8%, а в капиталистическом мире в целом на 28,8%. Германия была единственной страной, где кризис достиг такой же силы, как и в Соединенных Штатах. В этой стране объем продукции упал на 31,1% («Monthly Bulletin of Statistic of the League of Nations» № 10, Geneva, 1934).

«Я считаю, — говорит он, — что исключительная неустойчивость американской экономики представляет одну из серьезнейших проблем, стоящих перед Европой, да и перед всем миром. Великая депрессия была, конечно, результатом переплетения многих факторов, частично внутренних, частично международных, но вряд ли можно сомневаться в том, что грандиозный бум 20-х годов в США (и в других странах, где он стимулировался американскими займами), последовавшее за этим временное насыщение, а затем — кризис перепроизводства, в особенности в США, были центром великой мировой депрессии и в основном определили ее интенсивность и продолжительность.

Подверженная резким колебаниям американская экономика представляет собой угрозу экономическому равновесию остального мира. Находящаяся в состоянии хронической депрессии Америка может заразить другие страны, если миру не удастся каким-либо образом изолировать себя от ее влияния»¹.

Мнение Хансена разделяют многие, особенно за границей. Страх перед послевоенным экономическим кризисом в Соединенных Штатах и его неизбежным влиянием на мировую экономику доминировал во всех экономических дискуссиях в Англии. Начиная от экспертов Федерации британской промышленности до либеральных экономистов типа Бевериджа, все уделяли основное внимание вопросу о «полной занятости» в Соединенных Штатах как базы восстановления международной экономики. Предупреждение о том, что Соединенные Штаты «экспортируют безработицу и очереди безработных за благотворительной помощью», раздавалось очень часто, и это предупреждение отражало глубокое беспокойство, вызванное развитием американской экономики в межвоенные годы.

Известный шведский экономист Гунар Мюрдаль, совершивший в конце 1943 г. поездку в Соединенные Штаты, писал: «Следует ожидать, что после окончания войны Америка... переживет сильнейшие экономические бедствия... Положение американской экономики будет иметь серьезное

¹ Alvin H. Hansen, *America's Role in the World Economy*, New York (W. W. Norton and Co) 1945, pp. 23—24.

влияние на весь мир». Этот пессимистический взгляд сопровождался замечанием шведского экономиста, что у Америки нет намерения развить после войны государственное планирование и контроль, необходимые для предотвращения грозящей катастрофы¹.

Эта точка зрения нашла подтверждение в событиях, происшедших в Соединенных Штатах за короткий период времени между разгромом Германии и разгромом Японии, когда трудности частичной реконверсии уже выявили отсутствие планирования, способного преодолеть опасность приближающегося кризиса. В США серьезно рассчитывали, что воображаемая роль сбережений, предполагаемое расширение пособий по социальному страхованию и помощи пострадавшим от войны районам поможет безболезненно перейти к мирному производству. Но влияние этих факторов было в значительной степени сведено на-нет сильным сокращением военных заказов, имевшим место непосредственно после разгрома Германии, и внезапной приостановкой всего военного производства после капитуляции Японии, восстановлением нормальной рабочей недели и ослаблением ряда мероприятий по экономическому контролю. Это немедленно привело к резкому сокращению заработка рабочих и возникновению массовой безработицы. По некоторым данным, через год после окончания войны число безработных должно было достигнуть 10 млн. Хотя возобновление производства мирного времени несколько улучшит положение, анархическая реконверсия сократит продолжительность послевоенного бума и ускорит циклический кризис.

Несмотря на эти бесспорные симптомы, самые различные круги американского общественного мнения, и главным образом правительственные круги, утверждали, что кризис может быть предотвращен с помощью экспансии за границу. Хотя президент Рузвельт, Генри Уоллес и другие правительственные деятели, так же как и многие профсоюзные руководители, подчеркивали необходимость государственных мероприятий для преодоления послевоенного кризиса, однако и они считали, что спасти страну от длительного кризиса, подобного разразившемуся после первого

¹ Foreign Commerce Weekly, April 7, 1945, p. 15.

послевоенного бума, сможет лишь расширение американского экспорта в 3—4 раза, по сравнению с довоенным уровнем.

Общий характер этих программ отражал основную тенденцию американского капитализма к экспансии на международной арене. Считалось, что даже американский рынок не сможет поглотить огромную продукцию промышленности и что для предотвращения лишней массы необходимы экстраординарные меры. Но эти меры по большей части связывались с расширением доли Соединенных Штатов на мировом рынке. Общая склонность игнорировать или недооценивать опасность, которую несла с собой неустойчивость экономики, объяснялась, по крайней мере частично, гипнотизирующим влиянием экономического подъема, происшедшего в период войны, и тем, что основное внимание уделялось проблемам, связанным с активизацией Соединенных Штатов как мировой державы.

Мировой рынок является весьма неопределенной величиной, в частности потому, что Соединенные Штаты представляют столь значительную его часть. К числу основных факторов, определяющих возможности мирового рынка, относятся внутризкономическое положение Соединенных Штатов и проводимая Соединенными Штатами внешняя политика.

Если последняя будет иметь тенденцию обострять, а не смягчать международный политический кризис, не может быть никаких длительных перспектив возникновения той демократической стабилизации, которая одна лишь способна обеспечить широкий мировой рынок. Основными факторами, мешающими расширению мирового рынка, являются: противодействие демократическим переменам в Европе, возрождение антисоветских тенденций, помощь элементам, подавляющим освободительные движения в колониях, агрессивный экспансионизм империалистических сил в Америке и неспособность принять существенные меры для преодоления надвигающегося экономического кризиса.

Обострение политического кризиса, даже в том случае, если бы он в течение некоторого времени развивался в рамках соглашения Большой тройки о поддержании мира, не могло бы иметь иного результата, кроме ограничения

рынков во всем мире и ускорения экономического кризиса.

Расширение промышленности в военное время усилило факторы, порождающие исключительную неустойчивость американской экономики. Этими факторами являются колоссальный объем производства, высокая степень концентрации экономической мощи, передовая технология и высокая производительность труда.

До экономического подъема военного времени американская экономическая литература подчеркивала стойкое влияние этих факторов. В частности, об этом упоминается в исследованиях Временного национального экономического комитета (ТНЕС), созданного конгрессом в 1938 г. по предложению президента Рузвельта для изучения вопроса о монополиях. В одном из этих исследований, посвященном влиянию монополий на капиталовложения и национальный доход, говорится, что «концентрация доходов и богатств является важнейшим фактором, ведущим к тому, что объем капитальных затрат оказывается недостаточным для сохранения и увеличения национального дохода». Проще говоря, это является признанием того факта, что высокая концентрация прибылей задерживает развитие экономики. Это подтверждается детальным анализом прибылей, сбережений и капиталовложений американских корпораций, который привел авторов исследования к следующему выводу: «Таким образом, становится очевидным, что пока существует высокая степень концентрации доходов и богатства, полного использования ресурсов, возможно, не удастся достигнуть в течение долгого времени». Другим важным выводом является то, что «при существующей системе распределения прибылей и богатств национальный доход должен возрастать достаточно быстрыми темпами или сокращаться. *Промежуточных стадий не существует*»¹.

Другое исследование, произведенное правительственной организацией, приходит к таким же выводам в отношении влияния техники на американскую экономику. Его основной тезис заключается в том, что технический прогресс, с одной стороны, способствующий

¹ TNEC, Monograph 12, Profits, Productive Activities and New Investments, Washington, 1941, pp. 131, 133—134.

росту производительности труда, а с другой — стимулирующей дальнейшую концентрацию, привел к длительной «потере равновесия» и «радикальному расстройству» экономики современного общества. Авторы этого исследования не согласны с теорией, по которой капитализм способен восстановить необходимое равновесие. После подробного анализа важнейших исследований, посвященных этому вопросу, авторы приходят к выводу, что следует ожидать сохранения неустойчивости, ведущей к постоянной массовой безработице. Кроме того, они считают непреодолимой основную тенденцию к росту безработицы, вызванной технологическими моментами. Они оставляют вопрос неразрешенным, делая следующее заключение:

«Откуда еще можно ожидать стимула? От войны? Если подготовка к войне и ее ведение является единственной силой, компенсирующей влияние технологии на сокращение рабочей силы, пришлось бы сделать вывод, что только в условиях войны современная экономическая система может обеспечить приблизительно полную занятость. В настоящее время равновесие нарушено, и следует полагать, что при нынешних условиях оно не только не восстановится, но еще больше нарушится»¹.

Безработица является основным атрибутом высокоразвитого капитализма, особенно в условиях той высокой степени развития монополистического капитализма, которая существует в Соединенных Штатах. Она, несомненно, опять проявится с новой силой в условиях экономики мирного времени, даже в период сравнительно высокого уровня производства, как это было в эпоху «просперити» 20-х годов. Но на этот раз эффект будет даже еще более сильным вследствие значительного роста производительности труда и эффективности оборудования за время войны. По подсчетам министерства торговли, в случае, если в 1946 г. США вернутся к уровню производства 1940 г., армия безработных будет составлять не 9 млн., как в 1940 г., а 19 млн.¹.

Таким образом, монополии и технология играют важную роль в подготовке условий для кризиса сверхпроизводства,

¹ TNEC, Technology in our Economy, p. 220.

¹ Department of Commerce, Markets After the War, Washington, 1944.

для углубления его в случае возникновения и замедления процесса восстановления. Эти факторы, значительно усилившиеся в период войны и в период послевоенного бума, ведут к колоссальному перепроизводству, особенно промышленных товаров и в частности изделий тяжелой промышленности. Таковую опасность предвещало увеличение производства в военное время и отсутствие экономических и политических факторов, способных компенсировать потерю рынка военного времени.

Самый характер расширения промышленности в военное время был предпосылкой резкого снижения производства сразу же после окончания войны. Наиболее сильное увеличение выпуска продукции имело место в авиационной промышленности, судостроении, производстве взрывчатых веществ и легких металлов. В этих отраслях промышленности выпуск продукции увеличился в период между второй половиной 1940 г. и второй половиной 1944 г. в 20—35 раз. Эти сравнительно новые отрасли военной промышленности, которые могут играть лишь второстепенную роль в экономике мирного времени, использовали 21 % всех промышленных рабочих.

Около 40% промышленных рабочих было занято во время войны в отраслях тяжелой промышленности, целиком переключившихся на выпуск военной продукции. Здесь также темпы расширения производства были весьма высокими. Машиностроительная промышленность увеличила выпуск своей продукции более чем на 300%. К этой группе относятся также сталелитейная промышленность, промышленность цветных металлов, каучуковая, химическая, искусственного шелка и автомобильная, увеличившие свой выпуск на 100—200%.

Все отрасли промышленности, расширившиеся в военное время, использовали более 60% промышленных рабочих, тогда как за 5 лет до этого эти же отрасли промышленности использовали 30% рабочих. В период между 1939 и 1944 гг. число рабочих, занятых в промышленности, возросло на 6,4 млн. человек. Из них 5,8 млн. человек, или 90%, приходилось на металлургическую и химическую отрасли промышленности ¹.

¹ War Production Board, op. cit., pp. 5, 16.

Как это будет показано в дальнейшем, наибольшая концентрация производства и наивысшая степень монополизации имеют место как раз в тех областях промышленности, которые больше всего развернулись в период войны. При отсутствии каких-либо реальных перспектив на приобретение в мирное время достаточно широких рынков, которые могли бы поглотить выпуск продукции, равный по объему выпуску военного времени, трестифицированные отрасли промышленности, очевидно, сведут к минимуму свою продукцию.

Американский промышленный гигант стоит, таким образом, на весьма зыбкой почве. Заняв положение господствующей мировой капиталистической державы, Соединенные Штаты видят, что их основное оружие — огромное экономическое превосходство, является непрочным. Мир несет с собой перспективу экономического бедствия и вместе с ним новые политические опасности. Гигантские монополии вынуждены в предвидении кризиса принять именно те меры, которые ускорят этот кризис, как, например, усиление борьбы за мировые рынки. Нельзя ожидать, что они будут игнорировать выгоды, проистекающие из сохранения крупных военных предприятий, выгоды, которые компенсировали бы некоторое затишье в экономике и подкрепили бы их экспансионистскую программу. Восстановлению сил после экономического кризиса немало способствовала подготовка к войне, в особенности в агрессивных странах. Таким образом, положение, создавшееся в американской экономике сразу же после окончания второй мировой войны, усилило опасность реакции и агрессивного экспансионизма.

МОНОПОЛИИ В США

Соединенные Штаты — классическая страна трестов. Ни в одной другой капиталистической стране нет таких крупных корпораций и нигде нет такого количества крупных объединений. Франция известна как страна «200 семейств»; Соединенные Штаты имеют еще больше оснований называться страной 200 корпораций, ибо капитал 200, во многих случаях взаимосвязанных, крупнейших промышленных монополий составлял к моменту окончания войны около 100 млрд. долл.

О степени монополизации в стране можно судить не только по величине корпораций; еще в большей степени об этом говорит контроль монополий над экономикой в целом. В этом отношении Соединенные Штаты — также одна из наиболее монополизированных стран мира. Страна «свободной инициативы» по существу является страной гигантских трестов, контролирующих все важнейшие отрасли финансов, промышленности и торговли.

1. Рост монополий в довоенное время

В период между двумя войнами концентрация экономической мощи в Соединенных Штатах, так же как и во всем капиталистическом мире, шла ускоренными темпами. Это подробно показано Временным национальным экономическим комитетом в его объемистых исследованиях¹. Приведенные им данные еще предстоит надлежащим образом

¹ Краткое изложение можно найти в брошюре исследовательской ассоциации по трудовым вопросам «Монополии в Соединенных Штатах. Факты, вскрытые исследованием, проведенным Временным национальным экономическим комитетом», Нью-Йорк, 1942.

проанализировать. Для нашей цели достаточно рассмотреть наиболее важные материалы.

Прежде всего нас интересует вопрос о концентрации производства. Концентрация производственных операций на гигантских предприятиях является основой монополистической структуры. Материалы по этому вопросу содержатся в монографии Временного национального экономического комитета, озаглавленной «Структура промышленности»¹. В этой работе не показана централизация контроля над многими предприятиями и отраслями промышленности, которая является результатом договоренности между несколькими компаниями и которая вытекает из перешедшихся финансовых соглашений. Она посвящена преимущественно концентрации производства в физическом смысле слова, концентрации в рамках одного промышленного предприятия или группы предприятий.

Поскольку монография основывается главным образом на данных переписи и, следовательно, отражает только известные факты концентрации, подлинные масштабы последней, конечно, преуменьшены. Комитет указывает, что эта работа дает приблизительные «масштабы концентрации».

Прежде всего необходимо отметить резкую тенденцию к укрупнению предприятий. В период между 1914 и 1937 гг. среднее число рабочих на одном предприятии (со стоимостью продукции свыше 5 тыс. долл. в год) возросло с 37 до 51. Но большая часть рабочих была занята на крупных предприятиях.

В 1937 г. только 2% промышленных рабочих было занято на предприятиях с числом рабочих менее 6, а между тем такие заводы составляли 41% всех предприятий. 978 предприятий (0,6% общего числа) использовали более тысячи рабочих каждое, или 26% всех рабочих, занятых в промышленности. Из этого числа на 241 предприятии было занято более чем по 2500 рабочих, т. е. в общем 14% всех рабочих.

Концентрация производства на крупных заводах ведет к закрытию многих мелких промышленных предприятий.

¹ Temporary National Economic Committee, Monograph 27, The Structure of Industry, Washington, 1941.

В период между 1914 и 1937 гг. число предприятий, использовавших менее 6 рабочих, уменьшилось на 8%, а предприятий, использовавших от 6 до 20 рабочих, — на 13%. Наиболее резкое сокращение числа мелких предприятий произошло после 1929 г., т. е. в результате кризиса. В работе Временного национального экономического комитета указывается, что «важнейшими моментами в этом отношении являются рост числа крупных предприятий, как в годы войны, так и в последние годы, и явное сокращение после 1929 г. числа мелких предприятий»¹.

Процесс концентрации достиг особого размаха в тяжелой промышленности. В черной металлургии на 53 завода с числом рабочих свыше 2500 приходилось 58% всех рабочих, занятых в этой отрасли промышленности, а на предприятия с числом рабочих от 1000 до 2500 — еще 23%, тогда как в 1914 г. на обе эти группы приходилось только 53% общего числа рабочих. В автомобильной промышленности на 19 предприятий с числом рабочих более 2500 приходилось в 1937 г. 70% общего числа рабочих, тогда как в 1914 г. на 14% заводов с числом рабочих свыше 1000 человек было занято 64% общего числа рабочих. В промышленности, производящей резиновые шины и камеры, процент рабочих, занятых на крупных предприятиях (1000 и более рабочих), возрос с 60 в 1921 г. до 84 в 1937 г. На долю предприятий по производству сельскохозяйственных машин, моторов и турбин, использующих более 1000 рабочих, в 1914 г. приходилось 28% общего числа рабочих данной отрасли промышленности, а в 1937 г. — 66%. В авиационной промышленности на предприятиях, использующих более 1000 рабочих, было занято 59% рабочих, тогда как в 1929 г. эта цифра составляла лишь 24%.

Наряду с ростом числа крупных предприятий происходил процесс дальнейшей централизации капитала. Перепись дает материалы о деятельности предприятий с централизованным правлением, т. е. о контроле или эксплуатации двух или более заводов одним владельцем. Эти цифры также отражают лишь признанное объединение операций и не включают данных о совместительстве директоров в

¹ Temporary National Economic Committee. Monograph 27, The Structure of Industry, Washington, 1941, pp. 12—13.

ряде правлений. Но даже эти минимальные данные достаточно показательны. В 1937 г. 5625 правлений контролировали 25 699 промышленных предприятий, или 15% общего числа всех предприятий. Используя 51% общего числа рабочих, они давали 61% общей стоимости продукции. В среднем одно правление объединяло пять предприятий; однако на практике существуют значительные отклонения от этих средних цифр. Так, например, имеется правление, контролирующее 497 предприятий. В такие правления входят, кроме крупных промышленных предприятий, и более мелкие предприятия, находящиеся под централизованным оперативным контролем.

Что касается монополистического контроля над внутренней и внешней торговлей Соединенных Штатов, то наиболее интересные данные по этому вопросу приводятся в другом разделе этой же работы. Для определения того, какая часть продукции контролируется четырьмя крупнейшими корпорациями, анализируется производство почти 2 тыс. отдельных видов изделий. Это дает верный индекс общего положения и яснее, чем любые другие имеющиеся данные, показывает высокую степень монополистического контроля в стране.

Анализ показывает, что в производстве половины этих изделий на долю четырех крупнейших корпораций приходилось свыше 75% общего выпуска каждого из этих изделий. Такой контроль относится как к товарам широкого потребления, так и к средствам производства. Четыре крупнейшие компании контролировали свыше половины выпуска (58%) всех изделий по группе пищевых продуктов; 62% выпуска всех изделий в лесной, бумажной и нефтяной группах и 95% общего выпуска в резиновой и машиностроительной группах. Многие изделия контролировались почти на 100%. В машиностроительной, резиновой, и химической отраслях промышленности производство от 36 до 40% изделий было настолько централизовано, что 4 крупнейшие компании контролировали свыше 90% общего выпуска.

Эти цифры показывают, что в каждой отрасли промышленности 4 (или менее) крупнейшие корпорации контролируют непосредственно через производственный процесс не менее половины всей продукции. А в каждой группе из

4 крупнейших корпораций весьма значительная часть продукции контролируется самой крупной из них ¹.

Приводившиеся до сих пор статистические данные относились главным образом к размерам промышленных предприятий и концентрации производства. Но наряду с растущей ролью в промышленности крупнейших предприятий происходил процесс усиленного слияния и объединения, не всегда нарушавший независимость отдельных предприятий как производственных единиц. За двадцать лет — в период между 1919 и 1939 гг. — только в обрабатывающей и добывающей отраслях промышленности в результате слияний исчезло 9518 компаний. Процесс слияния охватил также и другие отрасли народного хозяйства. Так, например, в одном 1926 г. крупными фирмами были поглощены 1029 коммунальных предприятий. К 1930 г. около половины этих предприятий находилось в руках трех контролирующих групп, а 10 других групп контролировали еще около 30% подобных предприятий.

Монография Временного национального экономического комитета указывает, что 1925—1929 гг. были периодом «лихорадочного слияния», подобно периоду 1897—1903 гг., когда возникло множество крупных американских трестов. «В оба эти периода, — пишет автор монографии — активное стремление к укрупнению предприятий было тесно связано с деятельностью финансистов и готовностью рынка капиталов поглотить новые ценные бумаги». Автор делает отсюда справедливый вывод, что «контроль в значительной мере сводится к контролю над денежным рынком. Основная про-

¹ Это показано на следующих примерах: две фирмы, состоящие в договоре, дают свыше 62% выпуска сельскохозяйственных машин в США. На долю компаний «Дженерл моторс», «Форд» и «Крейслер» падает свыше 90% продукции автомобильной промышленности. В металлургической промышленности одна только «Юнайтед стейтс стил» владела в 1938 г. более 43% доменных печей и почти 36% прокатных заводов. «Алюминум компани оф Америка» имела полную монополию в алюминиевой промышленности. О роли крупнейших компаний в промышленной экономике страны свидетельствуют также следующие цифры: в 1937 г. 50 крупнейших промышленных компаний, владевших 2869 отдельными предприятиями, использовали 16% общего числа рабочих, занятых в обрабатывающих отраслях промышленности, и на их долю падало 28% общей стоимости всей промышленной продукции. Деятельность этих компаний в добывающих отраслях промышленности не отражена в этих цифрах.

блема слияния перемещается из области промышленных предприятий и корпораций в финансовый мир»¹. Об этом еще в 1916 г. говорил Ленин, а именно, что в период империализма финансовый капитал является господствующей силой в экономике; это видно из того, что банки и финансовые учреждения заняли во всех ведущих странах новые и мощные позиции.

Поэтому нельзя провести резкую грань между собственностью на промышленные предприятия страны и общим финансовым контролем. Контроль над гигантскими производственными предприятиями централизован в руках крупных промышленных корпораций, которые в свою очередь взаимосвязаны между собой благодаря контролю крупных финансово-капиталистических групп, таких, как фирма Моргана или Рокфеллера². Внушительная концентрация производства в руках крупных американских промышленных предприятий является в свою очередь объектом еще более сильного и более централизованного контроля.

В другом исследовании Временного национального экономического комитета, посвященном вопросу о собственности 200 крупнейших промышленных корпораций, сделана попытка определить масштабы централизованного контроля в промышленности³. К концу 1937 г. активы этих корпораций составляли около 70 млрд. долл., или около 45 % активов всех нефинансовых корпораций и 25 % активов всех корпораций вместе взятых.

Грубо говоря, один процент всех владельцев акций в стране обладает около 60% акций 200 крупнейших промышленных корпораций. Эта цифра является лишь одним из показателей подлинной концентрации контроля, поскольку, располагая сравнительно небольшой частью акционерного капитала, можно контролировать большие объединения. Так, например, 3 семейства — Дюпоны, Рокфеллеры

¹ Temporary National Economic Committee, Monograph 27, The Structure of Industry, Washington, 1941, pp. 231, 234.

² Для ознакомления с капиталами финансово-капиталистических групп см. Anna Rochester, Rulers of America, New York, 1936, а также National Resources Committee, The Structure of the American Economy, Part I, Washington, 1939.

³ Temporary National Economic Committee. Monograph 29, The Distribution of Ownership in the 200 Largest Nonfinancial Corporations, Washington, 1940.

и Меллоны — располагают вместе акциями на сумму около 1,4 млрд. долл., благодаря чему они прямо или косвенно контролируют 15 крупнейших корпораций с общим капиталом свыше 8 млрд. долл.

Для установления и сохранения господствующих позиций финансово-капиталистических группировок в корпоративной системе в целом используются система совместительства директорских постов, холдинг-компаний, контроль, осуществляемый семейными группами, и различного рода другие приемы. Высокая концентрация производства и централизация контроля определяют, по существу, роль гигантских трестов в экономике.

После первой мировой войны, особенно после кризиса начала 30-х годов, торговые ассоциации явились основным каналом, по которому независимые предприятия и аутсайдеры могли быть втянуты в орбиту крупных монополий. В связи с установлением в период первой мировой войны правительственного контроля эти ассоциации быстро развивались, и в последующие годы проникли во все отрасли экономической жизни. Их общей программой явилась борьба с профсоюзами, проводившаяся под видом кампании за «открытые цехи», создание компанийских профсоюзов на основе «американского плана» и сохранение «самоуправления в промышленности», под которым подразумевалось саморегулирование каждой отрасли промышленности и деловой активности без вмешательства правительства¹.

Огромный рост профсоюзов, последовавший за кризисом, временно отодвинул на задний план кампанию за «открытые цехи» и «американский план». Этот рост профсоюзов пользовался покровительством правительства на основе знаменитого раздела 7-а закона о восстановлении страны — НРА (National Recovery Act). Но в то же время доминирующая позиция гигантских корпораций в торговых ассоциациях усилилась за короткий период картелизации, проводившейся по инициативе правительства на основе кодексов НРА. «Основным фактором программы НРА, — сообщало мини-

¹ По вопросу дискуссии о торговых ассоциациях см. Robert A. Brady, *Business as a System of Power*, New York, 1943, Chapter VI, *The American Way: Business Self — Regimentation* (Columbia University Press).

стерство торговли, — было создание 3500 крупных и свыше 10 тыс. местных ассоциаций и торговых палат».

Основные черты кодексов НРА о картелях хорошо известны. За время своего существования администрация национального восстановления утвердила 874 кодекса, регулирующих промышленность и деловую активность. Проведение в жизнь этих кодексов находилось полностью в руках торговых ассоциаций, или более точно, — в руках крупнейших предпринимателей данной отрасли. Кодексы регулировали условия продажи. Многие из них предусматривали прямой или косвенный контроль над ценами и привели к распределению рынков в определенной области между фирмами. Другие ограничивали производство и распределяли заказы между различными компаниями. Эти кодексы фактически ускорили процесс подчинения мелких предприятий «лидерам» той или иной отрасли промышленности и торговли, который наметился во время кризиса ¹.

Когда Верховный суд отменил кодексы, они уже успели положить начало картелизации в торговых ассоциациях. Многие правила, проведенные с помощью правительственного регулирования, продолжали действовать в той или иной форме под прямым «самоуправлением» крупных корпораций над торговыми ассоциациями. Вся структура стала еще более тесно связанной и еще эффективнее управлялась «лидерами». Во главе всей системы промышленных ассоциаций стоит сейчас Национальная ассоциация промышленников (National Association of Manufacturers). До тех пор, пока в период войны в рядах крупных промышленников не появились временные разногласия по вопросам политики, Национальная ассоциация промышленников несомненно могла с полным основанием утверждать, что она является «единственной организацией, представляющей интересы американской промышленности», т. е. руководителей монополий в американской промышленности ². Внутренней группой этой ассоциации, задающей фактически тон всей ее политике, является Специальный совещательный комитет

¹ Temporary National Economic Committee, Monograph 21, Competition and Monopoly in American Industry, Washington, pp. 260—264.

² Robert A. Brady, op. cit., pp. 213—214.

(Special Conference Committee), состоящий из представителей крупнейших монополий ¹.

Национальный промышленный совет, являющийся ответвлением Национальной ассоциации промышленников и контролируемый ею, подчинил себе наиболее крупные предпринимательские и торговые ассоциации. В 1940 г. в его состав входили 35 промышленных ассоциаций штатов, созданные по образцу Национальной ассоциации промышленников, 107 предпринимательских организаций, занимающихся вопросами трудовых отношений в промышленности, и 92 национальные организации промышленников, включая крупнейшие ассоциации тяжелой и легкой промышленности. «Весьма вероятно, — указывает Роберт Брэди в своем исследовании деятельности торговых ассоциаций, — что в состав Национального промышленного совета в той или иной форме входит около 80% всех промышленных предприятий Соединенных Штатов. За небольшим исключением, остальные 20% падают на долю небольших и сравнительно малозначительных объединений» ². Другим ответвлением Национальной ассоциации промышленников является Национальное промышленное совещательное управление (National Industrial Conference Board), созданное во время первой мировой войны и представляющее собой исследовательский и пропагандистский институт крупного капитала. С ним связаны такие организации, как воздушный корпус, военная разведка и артиллерийские управления армии и флота.

2. Монополии в военной экономике

Во время войны монополии не только усилили свой контроль над промышленностью страны, включая новые заводы, финансировавшиеся правительством, но и получили огромные прибыли и создали значительные резервы. Какие

¹ Этот комитет, созданный в 1919 г. и заседающий ежемесячно, включал в себя первоначально «Ветлгем стил компани», «Дюпон де Немур компани», «Дженерл электрик», «Дженерл моторс», компанию «Гудир тайр энд раббер», «Интернейшил харвестер», «Ирвинг траст», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Юнайтед стейтс раббер компани» и компанию «Вестингауз мэнюфакчуринг». В 1925 г. в состав комитета вошла фирма «Америкэн телефон энд телеграф компани», а в 1934 г. «Юнайтед стейтс стил корпорейшн».

² Robert A. Brady, *op. cit.*, p. 203.

бы преходящие выгоды ни получали средние и мелкие предприятия, они не шли ни в какое сравнение с прибылями гигантских монополий.

Производство основных материалов, необходимых для ведения войны, было уже сконцентрировано в руках крупнейших трестов. Новые военные отрасли промышленности, такие, как авиационная, промышленность взрывчатых веществ, легких металлов и синтетического каучука, были захвачены уже существовавшими монополиями — автомобильной, химической, нефтяной и другими. Отдельные фирмы, возникшие в период войны, как, например, концерн Генри Кайзера, смогли пробиться в некоторые, уже существующие отрасли промышленности, в частности в отрасли промышленности, переживавшие в период войны временный бум, как судостроение и самолетостроение. Но цитадель крупной промышленности оставалась хорошо укрепленной на случай вторжения «новичков» и «нарушителей».

Значительная часть правительственных военных контрактов передавалась крупнейшим монополиям. В период с июня 1940 г. по март 1943 г. 70% всех контрактов было передано 100 компаниям, из которых многие были взаимосвязаны. За тот же период 78% суммы в 20 млрд. долл., которая была вложена в 17 тыс. предприятий, дало правительство. Так, например, компания «Дженерл моторс» получила военные заказы на сумму в 8,5 млрд. долл. и не менее ста новых и расширенных старых заводов. Стоимость новых предприятий концерна «Дюпон», являющегося крупным держателем акций компании «Дженерл моторс», составляла свыше 1 млрд. долл., причем только 5% из них были вложены концерном «Дюпон»¹. Стальные тресты также получили новые заводы и новое оборудование на сумму около 1 млрд. долл.

В первоначальный период перевода промышленности на военное производство — с июня 1940 г. до марта 1941 г. — наибольшие выгоды получили крупнейшие корпорации. За эти 10 месяцев были размещены военные заказы на сумму в 13 млрд. долл., т. е. больше всей стоимости, добавленной

¹ Report to the Special Committee on Post-War Economic Policy and Planning of the U. S. Senate, Washington, 1943, pp. 16—17.

в процессе производства на всех промышленных предприятиях Соединенных Штатов в 1939 г. 45% всех контрактов было предоставлено шести тесно связанным друг с другом группам корпораций, а 62 объединения нескольких взаимосвязанных концернов получили 80% всех контрактов¹. Позднее военные контракты распределялись примерно также.

Крупные монополии ревниво оберегали свои интересы. Сенатор О'Магони, возглавлявший во время войны правительственное расследование деятельности монополий, заявил сенатской комиссии:

«Независимо от того, идет ли речь о производстве алюминия, каучука, стали или нефти, многие гигантские корпорации, держащие в руках главную массу военных заказов, сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать созданию предприятий, способных конкурировать с ними после окончания войны»².

Это относилось особенно к новым заводам, построенным на государственные средства. В строительство новых заводов было вложено около 15 млрд. долл. из федеральных фондов. Даже те 10 млрд. долл., которые были вложены корпорациями в новые предприятия, по существу не могут рассматриваться как частные капиталы, поскольку эта сумма была отнесена на текущие эксплуатационные расходы, которые должны были быть оплачены правительством в течение пяти лет. Общая стоимость новых предприятий составляла примерно половину предполагаемых издержек на нормальное восстановление (в порядке возмещения износа) заводов и оборудования, имевшихся в 1939 г. Одни только прямые вложения правительства равнялись почти третьей части этой цифры. К моменту окончания войны на принадлежащие правительству заводы приходилось не менее 15%, скорее около 20%, всех существующих в стране производственных мощностей. Половина государственных предприятий эксплуатировалась 31 корпорацией, а 77% — 150 корпорациями³.

¹ Temporary National Economic Committee, Final Report, Washington, 1941, p. 4.

² Report to the Special Committee on Post-War Economic Policy and Planning of the U. S. Senate, p. 17.

³ War Production Board, op. cit., pp. 4—5, 12; см. также A. D. H. Kaplan, The Liquidation of War Production, New York, 1944.

Благодаря своему управлению государственными предприятиями корпорации могли определять конечную судьбу новых производственных предприятий и охранять свои монополистические интересы. Так, например, несмотря на широкое общественное осуждение деятельности алюминиевого треста «Алкоа», этот трест смог полностью сохранить свои позиции и обеспечить свою монополию после войны. Во время войны производство первичного алюминия возросло в 6 раз. Половину этой продукции давали заводы, принадлежавшие «Алкоа», а большую часть остальной продукции — новые заводы, построенные на государственные средства и эксплуатировавшиеся трестом «Алкоа». Правительственная корпорация по строительству военных заводов вложила 800 млн. долл. в новые алюминиевые заводы; 96% продукции этих новых заводов находилось в руках «Алкоа». Продукция была увеличена лишь после того, как нехватка алюминия создала угрозу срыва всей программы авиационного строительства. Эта нехватка была вызвана отказом «Алкоа» расширить свои предприятия из опасения образования излишков после войны.

Новые сырьевые материалы и новые методы, использование которых могло бы привести к увеличению продукции в руках других фирм, настойчиво отвергались. Связанная с «Алкоа» канадская фирма «Алкан» также получила весьма выгодные контракты от Джесси Джонса, являвшегося в то время министром торговли и руководителем «Металс резерв корпорейшн». Новые заводы были размещены с таким расчетом, чтобы их использование после войны оказалось бы невыгодным, или так, чтобы обеспечить их автоматический переход к тресту «Алкоа». Таким образом, алюминиевому тресту удалось в период войны сохранить свою полную монополию ¹.

Промышленность синтетического каучука развивалась полностью под эгидой правительства. К 1944 г. она могла выпускать 865 т в год, т. е. значительно больше, чем это требовалось Соединенным Штатам. Мировое производство натурального каучука в предвоенные годы находилось примерно на таком же уровне. Эта важнейшая и высоко специа-

¹ Charlotte Muller, Aluminium Monopoly and the War, Political Science Quarterly, March 1945.

лизированная новая отрасль промышленности финансировалась правительством. Ни одного цента не было внесено частными лицами в производство двух основных продуктов — буна-S и бутила. Заводы по производству этих продуктов, стоимостью около 600 млн. долл., принадлежавшие правительственной корпорации по строительству военных заводов, эксплуатировались и управлялись крупнейшими корпорациями — нефтестерерабатывающими, химическими компаниями и компаниями по производству шин. Хотя процессы производства этих продуктов были сообщены всем компаниям, включившимся в новую промышленность синтетического каучука, патенты были переданы правительству на том условии, что после войны они будут предоставлены только тем компаниям, которые участвовали в этом пуле.

Крупнейшие корпорации, занимающиеся производством каучука, могут определить конечную судьбу этой отрасли промышленности. Это мощное оружие, с помощью которого американские тресты могли бы пробить себе путь на старые рынки Британской империи и в районы инвестиции английских капиталов. До войны практически весь натуральный каучук поступал с Дальнего Востока, главным образом из Индонезии и Малайи. На Соединенные Штаты приходилось свыше 50%, а временами и 60% всего мирового потребления натурального каучука. Производство каучука контролировалось каучуковым картелем, созданным правительствами Англии, Голландии, Франции и Сиамом. Благодаря своему контролю над производством синтетического каучука в Соединенных Штатах американские промышленные магнаты надеются теперь уничтожить монополию в области натурального каучука и захватить в свои руки часть этой промышленности. Независимо от того, будет ли эта новая промышленность синтетического каучука полностью использована или частично законсервирована, она служит дубинкой, с помощью которой можно добиться новых преимуществ в Юго-Восточной Азии и в международной картельной системе в целом ¹.

¹ National Planning Association, *The Outlook for Synthetic Rubber*, Washington, March 1944, а также War Production Board, *Special Report of Office of War Director on the Synthetic Rubber Program*, Washington, 1944.

Благодаря своему управлению правительственными военными заводами и с помощью собственных исследовательских лабораторий, расширенных на государственные средства, крупные корпорации завладели многими техническими и научными открытиями в области производства вооружения. Помимо синтетического каучука, был создан ряд других материалов, включая пластмассы и различные синтетические вещества, и разработаны методы их практического применения в промышленности. Организованная правительством исследовательская работа привела к введению многих серьезных новшеств в методах и процессах производства и к усовершенствованию новых промышленных изделий. Частные монополии могут использовать или резервировать для использования в будущем различные сведения, приобретенные ими во время войны в таких важных отраслях, как электроника, связь и ракетные двигатели. Самое важное научное открытие за время войны сделано в области атомной энергии. Здесь также крупные корпорации сыграли большую роль.

В официальном докладе по вопросу об атомной бомбе «Atomic Energy for Military Purposes» Генри Д. Смит упоминает о ряде крупных корпораций, непосредственно участвовавших в той или иной степени в исследовательской работе и в производстве атомной бомбы. Химический трест «Дюпон» был наиболее тесным образом связан с этими работами. С конца 1942 г. «Дюпон» вместе с металлургической лабораторией Чикагского университета вел основную работу по производству плутония — расщепляющегося элемента, используемого в производстве атомной бомбы. По рекомендации генерала Гровса, руководившего работами по созданию атомной бомбы, концерну «Дюпон» было поручено построить все предприятия, необходимые для производства плутония. Он спроектировал и построил небольшой завод в Окридже (штат Теннесси), а также построил и эксплуатировал крупный завод по производству плутония в Хенфорде (штат Вашингтон). На этих заводах работали ученые и инженеры концерна «Дюпон». Многие специалисты треста были «предоставлены в займы» металлургической лаборатории, где была сконцентрирована исследовательская работа в области плутония. Согласно официальным сведениям, все важные исследовательские данные о плутонии передава-

лись корпорации, а лабораториям, занимавшимся такого рода работой, было предложено предоставлять концерну «Дюпон» любую информацию, которая ему потребуется. Помимо исследовательской и производственной работы, сотрудники «Дюпон» принимали участие в производстве чистого урана из окиси и создании катализаторов, новых охлаждающих жидкостей и смазочных веществ, необходимых для котла цепной реакции, где происходит и контролируется процесс расщепления атома.

Другие корпорации также принимали участие в работе, связанной с производством атомной бомбы. Так, например, представитель химической компании «Монсанто кемикл» являлся председателем комитета по вопросам химии и металлургии плутония.

Этот комитет занимался координацией работы лаборатории Чикагского университета с работой, проводившейся в Лос-Аламосе (штат Новая Мексика), где создавалась сама атомная бомба. Компания «Вестингауз» занималась рафинированием окиси урана и производством чистого металла; к концу 1942 г. она дала более 6 тыс. фунтов урана. Она занималась также скоростной центробежной сепарацией изотопов урана и вместе с компанией «Дженерл электрик» снабжала электрооборудованием различные предприятия, связанные с этим производством. С этими работами была связана также другая крупная корпорация — «Стандард ойл», лаборатории которой в начале 1942 г. производили эксперименты по сепарации урана с помощью центробежного процесса. Ученые, находившиеся на службе у компании «Стандард ойл», наблюдали также за строительством в Канаде завода по производству тяжелой воды. Корпорация «Юнион карбид энд карбон» эксплуатировала завод по диффузии газа и принимала участие в других работах, связанных с производством атомной бомбы.

Таким образом, научные, а также технические сведения, державшиеся в тайне от СССР — союзника США в годы второй мировой войны — были предоставлены корпорациям, которые до войны поддерживали самые тесные картельные связи с германскими трестами. Во многих картельных соглашениях, как это было указано ранее, предусматривалось, что обмен информацией должен возобновиться после войны.

Хотя контракты с концерном «Дюпон» и другими корпорациями предусматривают, что патенты, связанные с созданием атомной бомбы, принадлежат правительству, эти монополии без труда приобрели все необходимые им сведения для первой и наиболее дорогостоящей стадии экспериментов и производства. В нынешних условиях ничто не мешает им использовать свои знания для усовершенствования своих собственных процессов производства атомной энергии. Что касается использования атомной энергии в мирное время, то эти корпорации контролируют совершенно новую отрасль техники, открывающую огромные возможности для энергетики, промышленности, транспорта и различных отраслей науки. От них зависит, будут ли и каким образом использованы процессы расщепления атома и его продукты в сферах техники и науки или же секреты будут сохранены в тайне в интересах охраны капиталовложений этих корпораций в уже существующие предприятия.

Как и следовало ожидать, процесс концентрации значительно ускорился в период войны. Лучшим доказательством этому служит рост числа рабочих, занятых на крупнейших заводах. В 1943 г. на заводы, с числом рабочих, превышавшим тысячу человек, приходилось 45% рабочих, занятых в обрабатывающей и добывающей отраслях промышленности и в строительстве, по сравнению с 30% в 1939 г.¹ Многие заводы контролируются одной фирмой или принадлежат ей. Эти данные, быть может, лучше, чем другие, показывают, как возросла мощь монополий за время войны, и демонстрируют их доминирующее влияние на экономику страны.

Расширение промышленности во время войны ограничивалось старыми промышленными районами в северо-восточных штатах и северной части центральных штатов. Большинство новых заводов, появившихся на юге или западе, в стороне от обычных промышленных и транспортных центров, было обречено на слом сразу же после окончания войны. Управление по делам военного производства сообщает, что центр обрабатывающей промышленности остался там, где он был до войны, и что степень концентрации производства в небольшом числе промышленных районов почти не изменилась. 93% новых промышлен-

¹ Survey of Current Business, April 1945, p. 13.

ных предприятий находится в 179 уже ранее существовавших промышленных районах, где в 1939 г. было занято 84% всех индустриальных рабочих страны¹.

Если учесть колоссальные военные прибыли крупных корпораций и огромные резервы, накопленные ими во время войны, то кампания за высокие цены, низкий уровень заработной платы и снижение налогов, поднятая корпорациями, может быть охарактеризована лишь как бесстыдный грабёж нации. Несмотря на увеличение платежей по налогам на прибыли военного времени, чистый доход промышленных корпораций (за вычетом налогов) увеличился с 3 млрд. долл. в 1939 г. до 6,4 млрд. долл. в 1944 г. Прибыли, полученные в течение пяти лет, когда военная промышленность работала усиленными темпами, составили свыше 27 млрд. долл. В эти годы уровень прибылей возрос с 6,3 до 11,6%. Оборотный капитал промышленных корпораций возрос больше чем в два раза, и таким образом были созданы огромные резервы для последующей реконверсии. Помимо 31 млрд. долл. наличными, а также имевшихся у них к концу 1944 г. государственных ценных бумаг, корпорации накопили на счету министерства финансов примерно 25 млрд. долл., что представляет собой ту часть налогов на сверхприбыль, которая может быть получена назад в случае, если после войны прибыли упадут ниже среднего уровня прибылей 1939 г. Согласно данным Федерального резервного управления, переменный капитал промышленных корпораций составил к концу 1945 г. 47 млрд. долл.

Это широкое накопление капиталов промышленными корпорациями дополнялось не менее широкой концентрацией капитала в банках и страховых компаниях, которые могли быть использованы для промышленного и торгового финансирования. К концу 1944 г. депозиты двадцати крупнейших коммерческих банков составляли 39 млрд. долл., или 28% фондов всех 14 500 банков страны².

Концентрация военных заказов в руках крупнейших корпораций, наряду с такими моментами, как нехватка материалов и рабочих рук, а также введение обязательной воин-

¹ War Production Board, op. cit., pp. 17, 18.

² New York Times, January 30, 1945.

ской повинности, усилила тенденцию к ликвидации мелких предприятий. Сенатская комиссия по делам мелких предприятий сообщила в январе 1945 г., что с 1940 г. закрылось около 500 тыс. фирм, или одна шестая всех деловых предприятий страны.

Больше всего погибло торговых предприятий, но пострадало также много и мелких промышленных. Ввиду гигантских масштабов американского производства, предприятия, использующие менее 500 рабочих, считаются «мелкими». Их насчитывалось 165 тыс. В 1943 г. предприятия с числом рабочих менее 500 получили только 13% заказов армии, 8% заказов флота и 11% заказов морской комиссии¹. При такой скудной добыче многие фирмы, в особенности самые мелкие, не смогли выжить.

Специальное исследование положения самых мелких промышленных фирм (имеющих до 125 рабочих), произведенное рядом государственных организаций, показывает, что их общая продукция осталась на уровне 1941 г., но продукция наиболее мелких из них за время войны сократилась. Проведенная работа позволяет судить о положении примерно 62 тыс. фирм во всех отраслях промышленности. В январе 1943 г. предприятия, имеющие до 7 рабочих, давали (по объему) примерно на 35% меньше продукции, чем в январе 1941 г. Положение фирм, имевших 8—20 рабочих, было несколько лучшим: их продукция сократилась на 18%. Группа предприятий с числом рабочих от 21 до 25 смогла увеличить и стоимость и объем своей продукции, но темпы роста были значительно меньшими, чем во всей промышленности в целом.

Мелкие фирмы — и чем они мельче, тем это вернее — сравнительно мало выгадали от экономического подъема военного времени. Только 58% обследованных фирм вообще выпускали военную продукцию и лишь у 44% военная продукция составляла больше половины их общей продукции. В результате 32% фирм объявили, что они ожидают в 1943 г. ухудшения своего положения по сравнению с предыдущим годом или что им придется закрыться².

¹ Smaller War Plants Corporation, 15 th Progress Report, Washington, 1944, table, p. 21.

² Survey of Current Business July and September 1943, Impact of the War upon Smaller Manufacturing Plants by Howard R. Bowen.

Мелкие предприятия не имеют также капитала, необходимого для проведения реконверсии с такой скоростью и в таких масштабах, чтобы выдержать давление гигантских корпораций.

3. Некоторые выводы

Тенденция в сторону большей концентрации экономической мощи в руках монополий, характерная для всех империалистических стран, широко распространена в США. Как и в других странах, в США этот процесс был ускорен первой мировой войной и особенно экономическим кризисом 30-х годов и второй мировой войной.

Основной чертой американской экономики по сравнению с другими крупными капиталистическими странами являются масштабы американского производства. Это нашло свое яркое выражение в огромной мощи трестов и монополий. На долю гигантских американских корпораций падает очень большая часть производства не только Соединенных Штатов, но и всего капиталистического мира. Независимо от степени подчинения монополиям «свободного» или немонополизированного сектора экономики, продукция трестифицированной промышленности и ее подлинные или потенциальные возможности являются решающей частью продукции и производственных возможностей всей мировой капиталистической промышленности.

Это положение порождает ряд важных моментов, характерных для внутренней и международной позиции американских монополий.

Американские тресты могут конкурировать с крупнейшими производителями любой другой страны, а во многих случаях даже с объединившимися в картели крупнейшими монополиями ряда стран. Ослабление германского и японского монополистического капитала или установление контроля над ним, экономический упадок Англии и Франции наряду с дальнейшим ростом монополий в Соединенных Штатах в период войны значительно усиливают относительный вес американских трестов в экономике капиталистического мира.

Попытка использовать это преимущество, захватить в мировой экономике позиции, которые принадлежали монополиям побежденных стран, и поглотить или вытеснить

промышленные объединения стран, ослабленных в результате войны, является движущей силой агрессивной и экспансионистской внешней политики. Конкретным проявлением этого является правительственная программа борьбы с картелями, совпадающая с интересами основных монополистических групп в промышленности и финансах. Эти группы уже не считают приемлемым довоенный раздел рынков и сфер влияния и борются за новое распределение мировых рынков, при котором американские тресты заняли бы господствующие позиции.

Накопление в военное время монополиями огромных излишков капитала является само по себе мощным стимулом для внешней экспансии. Хотя крупные капиталисты приложат все усилия к тому, чтобы сохранить чрезвычайно высокую норму прибыли, главным образом путем проведения определенной политики в вопросах заработной платы, а также путем повышения цен, область выгодного приложения капитала внутри страны будет оставаться ограниченной, а норма прибыли будет падать. Более выгодных областей приложения капитала будут искать за границей, в особенности в экономически отсталых странах, где норма прибыли высока. Такое явление имело место после первой мировой войны, когда экспорт американского капитала превышал экспорт капитала всех других стран вместе взятых. Капитал, находящийся в настоящее время в распоряжении монополий, значительно превышает капитал периода внешней экспансии 20-х годов и, кроме того, этот капитал значительно более сконцентрирован. Соответственно значительно усилилось давление в сторону экономической экспансии в американской сфере влияния и во всех других сферах.

Во время войны буржуазные экономисты распространяли различные теории о том, что этот капитал якобы будет использован для поднятия уровня жизни в Америке. Эти теории игнорировали простую истину, гласящую, что в капиталистическом хозяйстве закон прибыли управляет использованием капитала. Как указал Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»:

«Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в

данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в остальные страны»¹.

Свободный или нетрестифицированный сектор американской экономики продолжает все больше и больше падать под влияние монополий. Война, бесспорно, значительно ускорила этот процесс. Но в Америке по сравнению, например, с Англией имеются некоторые отличительные черты в развитии этого процесса. Благодаря тому, что значительная часть производства находится под прямым контролем трестов, гигантские корпорации могут сохранять свое господствующее положение в экономике без помощи широкого вмешательства государства с целью заставить мелких производителей вступать в картели.

Монополии устанавливают свой контроль над независимыми фирмами в большинстве случаев при минимальном правительственном вмешательстве с помощью слияний и проведения в жизнь через посредство торговых ассоциаций лозунга «самоуправления в промышленности». Не считая короткого периода НРА, правительственный контроль над экономической жизнью страны, за исключением сельского хозяйства, даже в годы второй мировой войны не был столь полным и широким, как в других крупнейших капиталистических странах. Хотя многие виды контроля, установленного в военное время, были не выгодны мелким фирмам, все же целью этого контроля не было создание покровительствуемых правительством картелей, как это имело место в Англии.

Законы против трестов, несомненно, сыграли определенную роль в сдерживании американских картелей и в содействии созданию обособленных корпораций, контролирующих достаточно большой выпуск продукции для того, чтобы установить свой контроль над рынком при минимальном контроле со стороны картеля. Но это не основной фактор.

Масштабы американского производства, использовавшего с самого начала новейшую технику и требующего больших капиталов, способствовали созданию гигантских предприя-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 120.

тий и высоко централизованного контроля корпораций. Процесс объединения в промышленности, использовавшей опыт более старых капиталистических стран, начался уже на ранних стадиях индустриализации Америки. Массовое производство в современных предприятиях также содействовало высокой эффективности и производительности труда и принесло американским монополистическим гигантам преимущества на внутреннем и международных рынках. В этих условиях картелизация экономики под покровительством правительства не стала настоятельной необходимостью для трестов, за исключением периодов кризиса.

Гигантские монополии, учитывая в частности новые позиции, захваченные в период расширения промышленности в годы войны, были достаточно сильны в стране и находились в столь благоприятном положении по сравнению с иностранными монополиями, что им удалось избежать какой бы то ни было формы правительственного вмешательства, которая могла бы сдержать или ограничить их деятельность. Гигантские «свободные предприятия» не хотели, чтобы что-либо мешало их свободе деятельности внутри страны и за границей. Обеспечение этой свободы стало основной целью американской внешней политики.

Несмотря на то, что в экономике США господствуют тресты, мелкие и средние предприятия все еще дают значительную по объему долю продукции. Хотя их продукция невелика по сравнению с продукцией, находящейся под контролем трестов, многие так называемые мелкие фирмы США являются гигантами по сравнению с аналогичными предприятиями других стран. Борясь с крупными монополиями, постоянно пытаясь освободиться от контроля трестов, эти независимые фирмы являются в Соединенных Штатах источником движения, направленного против трестов. Давление со стороны этих фирм, налагающее также свой отпечаток на политику правительства, отразилось в законах, направленных против трестов, и на программе Рузвельта по борьбе с монополиями.

Не следует это смешивать с борьбой правительства и трестов с картелями, находящимися под господством иностранных фирм. Однако борьба средних классов с трестами дает некоторое основание для демагогии, являющейся характерной чертой экспансионистской программы Америки.

«Свободная инициатива» и все другие экономические «свободы», во имя которых американские тресты стремятся распространить свое влияние по миру, в течение длительного времени были дороги сердцу независимых фирм, сражавшихся с господством трестов внутри страны. Таким образом, на политике правительства отражается традиционная борьба средних классов против трестов наряду с борьбой трестов против картелей. Это помогает понять демагогический привкус американской экспансионистской программы, которая, по существу, остается программой монополий.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Вторая мировая война ослабила международные позиции Англии и укрепила позиции Соединенных Штатов. Упадок Англии как мировой державы и растущая роль Соединенных Штатов — таковы тенденции, наметившиеся с начала XX в. Война ускорила это важное изменение в соотношении сил мировых держав.

К концу войны Соединенные Штаты уже были не только *потенциально* господствующей капиталистической державой мира. США *активно* играли эту роль как в политическом, так и в экономическом отношении. Какие бы политические соображения ни сближали Англию с США, в то же время соперничество между ними разделяло их.

В результате поражения держав оси единственными крупными империалистическими державами остались Англия и Соединенные Штаты. Благодаря сокращению числа крупнейших конкурентов межимпериалистическое соперничество значительно упростилось и свелось в основном к соперничеству между Англией и Соединенными Штатами. Но если антогонизм в этом смысле упростился, то сила его возросла.

Соединенные Штаты стремятся захватить обширные позиции во всем мире. Англия пытается вернуть себе ранее захваченные позиции или защитить их от посягательства Соединенных Штатов. Зависимые империи и второстепенные империалистические державы проявляют тенденцию сгруппироваться как сателлиты вокруг той или другой крупной державы, и самой Англии угрожает опасность превращения в «младшего партнера» Соединенных Штатов.

1. Упадок Англии в предвоенные годы

Экономический упадок Англии явился в первую очередь результатом того, что ее промышленность находилась в состоянии застоя, тогда как более молодые в промышлен-

ном отношении страны, главным образом Соединенные Штаты и Германия, быстро развивались. К 1900 г. Соединенные Штаты уже обогнали Англию в области промышленного производства. К моменту начала первой мировой войны 1914—1918 гг. Соединенные Штаты намного обогнали другие капиталистические страны и стоимость американской продукции уже в два с половиной раза превышала стоимость английской¹. Еще до нового расширения промышленности Соединенных Штатов в период первой мировой войны, Англия уже была вытеснена с американского рынка — самого крупного в мире.

В то же время рост промышленности в Германии создавал более непосредственную опасность вследствие ограниченных возможностей германского внутреннего рынка и главным образом вследствие того, что германские промышленники специализировались на снабжении европейского и колониального рынков, к чему приступили также и японцы. Однако несмотря на обострившуюся конкуренцию, Англии все же удавалось сохранить свое преобладающее место в мировой торговле и свою роль мирового кредитора и инвестора. Она также сохранила свою позицию крупнейшей колониальной и морской державы.

В годы, последовавшие за первой мировой войной, промышленное производство Англии продолжало оставаться в состоянии застоя, тогда как в других странах и в частности в США оно продолжало развиваться. С 1913 по 1929 г. американское производство возросло на 70%, тогда как английское *снизилось* на 1%. Англия, в прошлом гордо возглавлявшая промышленную революцию, превратилась в страну, технически отсталую по сравнению с новыми промышленными державами.

Тенденции к паразитизму и загниванию, которые, как указал Ленин, являются отличительными чертами капитализма в стадии империализма, стали еще более явными. Все бóльшая часть капиталовложений направлялась в отрасли промышленности, производившие предметы роскоши, тогда как капиталовложения в основные отрасли промыш-

¹ Выплавка стали в США была в четыре раза больше, чем в Англии, выплавка чугуна — в три раза, потребление хлопка — в полтора и добыча угля — почти в два раза.

ленности резко уменьшились ¹. Эта же тенденция существовала и в период великого экономического кризиса ². В то время как производство внутри страны падало, высшие классы Англии все больше и больше превращались в рантье, живущих на доходы, получаемые из-за границы. К концу прошлого века доход от заграничных капиталовложений достиг уже 100 млн. ф. ст., в пять раз превысив доход от внешней торговли. К 1929 г. доход от заграничных капиталовложений более чем утроился, достигнув 375 млн. ф. ст. и в 7 раз превысив доход от внешней торговли.

Застой в отечественной промышленности привел к снижению экспортной торговли. Англия, зависящая от иностранных рынков сильнее, чем какая-либо другая промышленная страна, все больше теряла свою способность конкурировать на мировом рынке. К 1939 г. производство текстиля, занимающего по традиции основное место в английской внешней торговле, упало до $\frac{1}{5}$ уровня 1913 г., тогда как мировое потребление текстиля за этот период возросло примерно на 35%. В 1932 г. экспорт угля составлял около половины, а экспорт чугуна — менее $\frac{1}{5}$ довоенного уровня. В период с 1924 по 1933 г. общая цифра экспорта снизилась более чем на половину.

В то же время владения, составляющие Британскую империю, стали играть все большую роль во внешней торговле Англии. Доля экспорта, направлявшегося в империю, возросла с 37% в 1913 г. до 44% в 1931 г., но за этот же период импорт из империи возрос лишь с 25 до 28,7% общей цифры импорта. Таким образом, в то время как в своей идущей на убыль экспортной торговле Англия попадала все в большую зависимость от империи, торговля, которую вели страны, входящие в

¹ Albert Viton, *Great Britain: An Empire Transition*, New York, 1940, p. 200.

² За 10 лет — с 1924 по 1933 г. — в черную металлургию, металлообрабатывающую промышленность, машиностроение и каменноугольную промышленность было вложено только 27 млн. ф. ст. по сравнению с 42 млн. ф. ст. за период 1904—1913 гг. За пять кризисных лет — с 1929 по 1933 г. — в тяжелую промышленность было вложено только 6,4 млн. ф. ст., тогда как 11,5 млн. ф. ст. было инвестировано в пивоваренные заводы и 8,2 млн. ф. ст. — в театры, гостиницы и т. п.

состав империи, становилась все менее зависимой от Англии, и наибольшую роль в этой торговле начали играть Соединенные Штаты¹.

Анализируя причины производственных затруднений Англии во время второй мировой войны, Пальм Датт показывает, как Англия утратила свое былое промышленное превосходство:

«Превосходство, имевшее место в XIX в., заложило основу для длительной, никем не оспариваемой монополии на мировых рынках, в области судоходства, торговли, международных финансов и экспорта капитала, а также и в области колониальной экспансии. Когда в последней четверти XIX в. более молодые соперники, в частности американская и германская промышленность, начали догонять и перегонять английскую промышленность благодаря более современной технике и организации, сохранявшаяся мощь британских мировых позиций и богатства, стекавшиеся на британские острова со всего земного шара, противодействовали стимулу к соответствующей модернизации техники и организации английской промышленности. Американская и германская промышленность устремлялись вперед; английская промышленность относительно отставала. В XX в. английский капитализм становился во все большей степени капитализмом рантье, живущим за счет всего мира и за счет результатов прежнего накопления, а не за счет эффективности текущего производства. Тяжелой промышленностью и сельским хозяйством пренебрегали; производство предметов роскоши, отрасли, производящие товары для внутреннего потребления и непродуктивные отрасли развивались. К 1937 г. это вырождение достигло таких масштабов, что английский «Экономист» писал (20 ноября 1937 г.): «За-

¹ Доля импорта, поступавшего из Соединенных Штатов, возросла с 22% в 1913 г. до 26% в 1929 г. К этому году Соединенные Штаты уже господствовали на канадском рынке; 68% канадского импорта поступало из Соединенных Штатов и только 15% из Соединенного Королевства. В Южной Африке доля Англии упала с 57 до 44%, тогда как доля США возросла с 9 до 18%. В Австралии доля Англии упала с 52 до 40%, а доля американцев возросла с 14 до 25%. В Индии, где особенно сильна была конкуренция японцев, доля англичан в торговле упала с 65 до 40%, тогда как Соединенным Штатам удалось увеличить свою долю с 3 до 7%.

граничные инвестиции являются крупнейшей отраслью национальной индустрии»¹.

Как будет показано ниже, развитие монополий закрепило отсталость английской промышленности. Побочным продуктом роста монополий было контролируемое ограничение продукции в ряде отраслей тяжелой промышленности. В сталелитейной промышленности число доменных печей сократилось, вследствие чего выплавка стали с 9,2 млн. т в 1920 г. поднялась лишь до 10,5 млн. т. в 1938 г. Выплавка же стали в Германии за тот же период возросла с 7,8 до 23,2 млн. т. В результате сокращения производственной мощности верфей тоннаж английского торгового флота в период 1925—1937 гг. снизился на 1869 тыс. т, тогда как тоннаж германского флота возрос на 922 тыс. т; удельный вес Англии в тоннаже мирового торгового флота снизился с 41 % в 1914 г. до 26 % в 1937 г. В текстильной промышленности процесс слияния, производившийся при поддержке правительства, привел к тому, что с 1920 по 1935 г. было уничтожено 14 млн. веретен, что превышало общее количество веретен всей германской текстильной промышленности. Это истребление производительных сил Пальм Датт называет «политикой выжженной земли», проводившейся английскими монополистами в мирное время².

В период между двумя мировыми войнами Англия уступала Соединенным Штатам одну за другой все свои ведущие позиции. В этот период Соединенные Штаты превратились в первого в мире экспортера товаров, главного экспортера капиталов, в центр международного денежного рынка. По своим военно-морским силам Соединенные Штаты также начали приближаться к Англии. Однако главным образом благодаря наличию империи, еще более возросшей за время первой мировой войны, Англия все еще экспортировала значительно бóльшую долю своих промышленных изделий, чем Соединенные Штаты, и хотя американские капиталовложения за границей значительно увеличивались (причем США все более вторгались в традиционные сферы влияния Англии, включая даже Грецию),

¹ R. Palme Dutt, *Britain in the World Front*, New York, 1943, p. 167.

² *Ibid*, pp. 168—171.

Англии удалось сохранить свои капиталовложения за границей. Последние все еще превышали капиталовложения Соединенных Штатов в Азии, Африке и Австралии и даже в некоторых южноамериканских странах (Аргентине и Бразилии).

2. Упадок Англии в военные годы

Ослабление экономических позиций Англии, наметившееся еще накануне войны, ускорилось в период второй мировой войны. Несмотря на значительный рост производства в военное время, английская промышленность продолжала сильно отставать от американской. Экспорт резко сократился. Пришлось отдать заграничные инвестиции, созданные на протяжении длительного периода. Англия, являвшаяся еще недавно крупнейшим кредитором в мире, начала превращаться в крупнейшего должника. Ценные колониальные владения на Дальнем Востоке были потеряны. Имперские связи ослабли, и отдельные страны, входящие в империю, установили тесные экономические отношения с Соединенными Штатами.

По сравнению с 1938 г. объем продукции возрос за время войны примерно на 40%. Учитывая длительный застой в промышленности, разрушения внутри страны, причиненные во время войны, и резкое сокращение импорта (примерно на 40%), — это серьезное достижение. Материалы, полученные от Соединенных Штатов на основе ленд-лиза, помощь от империи и развитие сельского хозяйства в Англии¹ компенсировали сокращение импорта. Но рост производства объяснялся главным образом увеличением производительности труда (и шел за счет рабочих), а также более полным использованием имевшихся ресурсов в военное время. Росту производства военной промышленности значительно способствовало сокращение потребления в стране. Еще большее значение имел рост производительности труда, который оценивается в 15% (продукция на человеко-час) для всей английской промышленности и вдвое больше для военной промышленности.

¹ Площадь обрабатываемой земли возросла на 2,4 млн. га. Кроме того, за период войны было осушено 1,2 млн. га земли.

Представление о том, за счет чего достигнуто увеличение производства в военное время, можно составить, проанализировав рост национального дохода, удвоившегося за период с 1938 по 1944 г. Несколько больше 57% национального дохода было затрачено на войну. По подсчетам журнала «Экономист», эти 57% (что примерно равняется росту национального дохода) являются результатом следующих моментов: увеличения производительности труда — 25%, сокращения потребления — 16,5%, уменьшения доходов частного капитала внутри страны — 7,75%, увеличения расходов вложенного за границей капитала — 8,25%¹. Таким образом, значительно больше 80% роста продукции для военных нужд может быть отнесено за счет повышения производительности труда и снижения жизненного уровня народа.

Следует отметить, что в то время, как английское производство в целом возросло, производство в ряде отраслей тяжелой промышленности, как, например, сталелитейной, угольной и судостроительной, даже в третий год войны было ниже довоенного уровня. Учитывая послевоенные возможности, монополисты в ряде основных отраслей промышленности сопротивлялись требованиям расширить производственную мощность, опасаясь, что это окажется невыгодным после войны. В августе 1941 г. (после нападения Гитлера на Советский Союз) было объявлено, что некоторые предприятия сталелитейной промышленности могут на время закрыться. Наиболее выгодные угольные пласты были сохранены для разработки после войны. Даже в военной промышленности не все оборудование полностью использовалось². Нет сомнения, что, получая из Соединенных Штатов и Канады поток товаров по ленд-лизу и полагая, что германо-советский конфликт может затянуться на долгое время, руководители английских промышленных монополий решили, что они могут пойти на то, чтобы не использовать всю производственную мощность.

Такое увеличение продукции ни в какой степени не могло соперничать с расширением производства в Соединенных Штатах, где рост производства увеличился за

¹ Harry Pollit, *How to win Peace*, London, 1944, p. 20.

² Palm Dutt, *op. cit.*, pp. 178—180.

время войны в два раза. Рост производительности труда в Англии не смог подняться до такого уровня, чтобы конкурировать с американской промышленностью.

По имеющимся данным, американский рабочий дает за час в полтора-два с половиной раза больше продукции, чем средний английский рабочий¹. Во время войны делегация текстильных промышленников во главе с Фрэнком Платтом посетила Соединенные Штаты и, сравнив положение в английской и американской промышленности, сообщила, что выпуск английских прядильных фабрик (в человеко-часах) был на 18—40% меньше, чем американских, а английские ткачи давали продукции на 56—67% меньше американских. О том, насколько отставала Англия даже в своей главной отрасли промышленности свидетельствует тот факт, что в Соединенных Штатах имеется свыше 600 тыс. автоматических ткацких станков, тогда как в Англии — только 14 тыс. В докладе Платта указывается, что по организации своей текстильной промышленности Англия отстала от Соединенных Штатов на 25—30 лет.

Угольная промышленность, играющая важнейшую роль в английской экономике, тоже значительно отстала. По словам журнала «Нью стейтсмен энд нейшн», «американский шахтер давал до войны почти четверо больше угля в день, чем английский». Во время войны мало что было сделано для повышения угледобычи в Англии².

Превосходство американской промышленной мощи отразилось в изменении позиций Соединенных Штатов в мировой торговле, даже в период войны. С начала войны до 1944 г. экспорт Англии уменьшился по своей стоимости более чем на 50%, а по объему — более чем на 70%. С другой стороны, не считая экспорта по ленд-лизу, составлявшего 30 млрд. долл., коммерческий экспорт США к середине 1944 г. начал превышать довоенный уровень³.

¹ The Economist, August 19, 1944.

² W. L. Batt, Co-Chairman, Combined Anglo-American Production Board, Speech to Engineering Society of Cincinnati, January 18, 1945.

³ В 1943 г. стоимость экспорта коммерческих товаров гражданского потребления составляла 2235 млн. долл., тогда как за 1936—1938 гг. стоимость экспорта в районы, не контролируемые державами оси, в среднем составляла 1900 млн. долл. Но в первые шесть

В отчете Управления по руководству экономической деятельностью в иностранных государствах хвастливо заявлялось: «Мы не только стали основным арсеналом демократии, но и первым в мире экспортером коммерческих товаров»¹.

Сокращение английского экспорта во время войны не имело для Англии такого серьезного значения, если бы не потеря многих старых экономических позиций за границей. Уже к середине 1945 г., по данным Белой книги, английские активы за границей на сумму в 4,5 млрд. долл., составлявшие около одной трети всех внешних капиталовложений Англии, должны были быть израсходованы на военные нужды. А конца расходам еще не было видно. Если к этому добавить захват английской собственности в оккупированных районах, то можно сказать, что примерно половина английских капиталовложений была, по крайней мере временно, утрачена. Продажа имущества за границей привела к передаче другим странам старых, весьма выгодных вложений, таких, как акции золотых приисков в Южной Африке, железные дороги и чайные плантации в Индии и акции американской и канадской промышленности².

Это серьезно отразилось на экономических позициях Англии. Во-первых, снизился, по крайней мере, наполовину приток доходов рантие, (а до войны эти доходы в несколько раз превышали доходы от внешней торговли). Во-вторых, потеря этих экономических позиций за границей привела к тому, что Англия оказалась в весьма невыгодном положении

месяцев 1944 г. коммерческий экспорт из Соединенных Штатов уже достиг такой цифры, что за год он должен был превысить среднюю довоенную цифру экспорта во все районы, включая районы, впоследствии отрезанные державами оси, и все еще продолжал расти.

¹ Report to Congress on the Operations of the Foreign Economic Administration, September 25, 1944.

² В Индии, Бирме и на Среднем Востоке было продано английского имущества на сумму в 1,4 млрд. долл., причем в одной только Индии на сумму свыше 1 млрд. долл.; в Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и Эйре — на сумму 810 млн. долл.; в Канаде — 905 млн. долл.; в Южной Америке — 385 млн., а в Соединенных Штатах, не считая второстепенных расходов по займу Реконструктивной финансовой корпорации, — 820 млн. долл., т. е. почти половина английских вложений в США.

в борьбе за рынки, в частности в тех районах империи и в традиционно английской сфере экономического проникновения, где Англии противостоят Соединенные Штаты. И, в третьих, потеря значительной части дохода из-за границы не только от капиталовложений, но и от судоходства и банковских операций, связанных с торговлей, причинила Англии серьезные затруднения, когда она попыталась вернуться к своему довоенному уровню торговли, так как значительное превышение импорта над экспортом покрывалось в значительной мере за счет этого дохода. При резком сокращении поступлений из-за границы техническая отсталость английской промышленности, которой теперь предстояло обеспечить значительно больший объем экспорта для оплаты сырья, необходимого английским островам, стала еще более серьезным препятствием.

О значении этого можно судить потому, что в дополнение к потере имущества за границей Англия оказалась также в большом долгу перед своей империей. В обмен на экспорт или использование военных материалов доминионы, Индия и другие части империи получили в лондонских банках огромные счета в фунтах стерлингов. По имеющимся данным, эти счета вместе с другими займами составили к концу войны 13,5 млрд. долл., и цифра продолжает расти. Эта сумма почти равна довоенному национальному доходу Англии и значительно превышает стоимость внешних капиталовложений, еще принадлежащих английскому капиталу ¹. Эти балансы вместе с другими видами займов представляют собой задолженность Англии дополнительно к той, которая может возникнуть в результате расчетов по ленд-лизу ². Не имея возможности отвоевать свои прежние позиции в торговле путем увеличения кредитов другим странам, Англия сама была вынуждена добиваться крупных кредитов от Соединенных

¹ Одна только Индия имеет на своем счету в Лондоне не менее 3 млрд. долл.; Египет — около 1 млрд.; Эйре — 580 млн. долл.; несколько меньшие, но довольно значительные суммы Англия должна другим частям Британской империи, а также Аргентине, Бразилии, Уругваю и Португалии.

² Эти цифры взяты из трех статей Donald F. Heatherington *British Empire Unit, Bureau of Foreign and Domestic Commerce* в журнале «Foreign Commerce Weekly», October 28, November 4 and November 11, 1944, а также из Белой книги английского правительства от декабря 1945 г. (Cmd 6707).

Штатов. Все эти обстоятельства обострили конкурентную борьбу между этими двумя странами. Англия пыталась увеличить свой промышленный экспорт именно в те страны и владения, которым она была должна и из которых она должна импортировать промышленное сырье. А в этих странах она натолкнулась на экономическую экспансию Соединенных Штатов. Путем предоставления Англии широких кредитов Соединенные Штаты надеялись пробить себе путь в старые сферы английского влияния.

Англия пыталась вернуть свои экономические позиции главным образом с помощью решительного экспортного наступления, т. е. наступления с целью отвоевания и расширения своих позиций на мировом рынке.

В период войны Стаффорд Криппс, министр авиационного производства и один из лидеров лейбористской партии, указывал, что рано или поздно промышленность Англии должна будет содействовать ликвидации огромного внешнего долга, а это означало увеличение стоимости экспорта в три раза. «Это означает, — писал он, — тщательно продуманные и гигантские усилия на экспортном рынке, где требуется все наше искусство, наша способность приспособливаться, наша отзывчивость на требования потребителей. Мы не должны возвращаться к довоенному состоянию нашей промышленности, ибо мы знаем, что она оказалась совершенно неспособной работать на высоком уровне эффективности и конкурировать на экспортном рынке с современным машинным оборудованием и организацией наших конкурентов»¹.

С точки зрения послевоенных рынков ленд-лиз, бо́льшая часть которого шла в Англию и в Британскую империю, принес Соединенным Штатам огромные преимущества, а для Англии сыграл весьма отрицательную роль. В период войны Англии не нужно было экспортировать товары для оплаты импорта, и это привело к сокращению экспорта. С другой стороны, Соединенные Штаты извлекли много выгод из ленд-лиза благодаря расширению своей доли на послевоенном мировом рынке. Отправлявшиеся по ленд-лизу материалы в результате их «свободного испытания» на многих рынках, которые до войны не играли для США почти никакой роли,

¹ Bankers' Magazine, London, April 1945.

явились хорошей рекламой, расходы по которой несло правительство. В доминионах и других частях Британской империи индустриализация в период войны проводилась в основном с помощью материалов, полученных по ленд-лизу, а это привело к увеличению после войны закупок этих стран в Соединенных Штатах. «Интересно выяснить, — говорится в одном из материалов министерства торговли США, — насколько частная торговля сможет использовать возможности, возникшие в результате отправки американских товаров на основе ленд-лиза в страны Британской империи»¹.

Программа ленд-лиза принесла Соединенным Штатам возможность расширить свои позиции на мировом рынке благодаря еще одному моменту. Соглашения о ленд-лизе упоминают об оплате в весьма общей форме. В статье XII говорится:

«При окончательном определении выгод, предоставляемых Соединенным Штатам Америки (страной, получающей помощь по ленд-лизу), взамен предоставленной помощи... условия их предоставления будут таковы, чтобы не обременять торговлю между обеими странами, а обеспечить взаимно выгодные экономические отношения между ними и улучшение международных экономических отношений».

Хотя соглашение о ленд-лизе не предусматривало оплату деньгами и товарами, оно не отвергало оплаты как таковой, которая может производиться в форме «выгод, предоставляемых Соединенным Штатам». Таким образом, Соединенные Штаты оказались в состоянии определять «экономические отношения» и характер мероприятий для «улучшения международных экономических отношений», которые они сочли бы достаточной оплатой за помощь, предоставлявшуюся на основе ленд-лиза.

3. Ослабление Британской империи

Экономическое ослабление Англии наряду с политическими изменениями, происшедшими за время войны или

¹ U. S. Department of Commerce, Bureau of Foreign and Domestic Commerce, Some Factors in Postwar Trade with the British Empire, Washington, 1944, p. 13.

вызванными войной, ослабили связи Англии со странами Британской империи. Это не означает, что к моменту окончания войны уже намечался общий распад империи. Но этот процесс, зашедший довольно далеко в межвоенные годы, еще усилился.

В доминионах, в особенности в Канаде и Австралии, темпы индустриализации во время войны значительно ускорились. При нормальных условиях такое развитие промышленности, которое имело место в Канаде в военные годы, потребовало бы не менее двух десятилетий. Канада стала четвертым крупнейшим производителем военных материалов среди Объединенных наций. Но было бы неправильно думать, что Канада стала мощной и независимой державой.

К моменту возникновения войны 18% всего капитала, вложенного в канадские промышленные и торговые компании, контролировались Соединенными Штатами. В обрабатывающей промышленности эта пропорция была еще больше — одна треть всех капиталовложений принадлежала американским капиталистам; — тогда как в горнорудной и металлургической промышленности им принадлежало 38%. Капиталовложения Соединенных Штатов в Канаде значительно превышали капиталовложения английских фирм. К концу 1939 г. общая сумма иностранных капиталовложений в Канаде составляла 7 млрд. долл., из них на долю США приходилось 4,2 млрд. долл., тогда как на долю английских капиталистов — лишь 2,5 млрд. долл. Американские компании контролировали свыше 80% производства автомобилей и более половины выпуска электрооборудования, резиновых изделий и цветных металлов. От 40 до 50% производства химикалий, машинного оборудования и цветных металлов контролировалось Соединенными Штатами¹. Во время войны соотношение резко изменилось в пользу Соединенных Штатов, так как англичане вынуждены были продать более одной трети своих канадских инвестиций, а правительственные и частные капиталовложения в различные предприятия, работавшие на войну, резко увеличили долю американцев в промышленности.

Развитие промышленности во время войны коснулось главным образом тех отраслей, которые в значительной

¹ Canada and International Cartels, Ottawa, 1945, pp. 41, 43.

степени контролировались американскими корпорациями, т. е. авиационной и автомобильной промышленности, производства оборудования для связи и алюминиевой промышленности. В этих отраслях произошли важные для канадской экономики качественные изменения. До войны канадские предприятия занимались в основном сборкой деталей, производившихся в США, теперь же они переключились на выпуск готовых изделий. С другой стороны, выросли такие отрасли промышленности, принадлежащие канадскому капиталу, как, например, сталелитейная и совершенно новая станкостроительная промышленность, созданная по инициативе правительства и находящаяся под его контролем.

Процесс индустриализации происходил во время войны также и в Австралии, где широко использовались американское промышленное оборудование и американская техническая помощь ¹.

Американцы проникли также в Южную Африку, Восточную Индию и африканские колонии, но это проникновение не было столь широким, как в другие доминионы и колонии. Но зато в этих частях Британской империи, так же как и в средневосточной и средиземноморской сферах английского влияния, экономическое проникновение дополнялось созданием морских, военных и воздушных баз, что открывало возможности для послевоенного расширения воздушных линий и коммуникаций, и это не могли не учитывать американские корпорации. В зоне английского влияния в Южной Америке, особенно в Бразилии и в меньшей степени в Аргентине, расширение американских интересов явилось подготовкой к решительной послевоенной борьбе за установление бесспорного преобладания американского капитала в южной части Латинской Америки.

В результате более высокого уровня индустриализации крупнейших доминионов и возросшей в военное время роли Соединенных Штатов в их экономике Англии стало еще труднее поддерживать имперский фронт против Соединенных Штатов. Внутриимперские отношения значительно усложнились в результате всех этих событий. Канада заняла третье место в мировой торговле после Англии. Ограниченные

¹ Some Factors in Postwar Trade with the British Empire, pp. 27—28.

возможности внутреннего рынка заставили Канаду и Австралию, производственная мощность которых возросла, начать борьбу за более широкие рынки за границей. Канада стала искать рынки в Латинской Америке и на Дальнем Востоке, тогда как Австралия стремилась захватить близлежащие рынки Юго-Восточной Азии. Поэтому Англии становилось все труднее сохранить систему имперских преференций на базе экспорта промышленных изделий и импорта продовольствия и сырья, так как эта система уже не удовлетворяла потребностей крупнейших доминионов. Таким образом, оружие, на которое Англия возлагала надежду со времени Оттавской конференции 1932 г., когда система преференций заменила свободную торговлю между странами, входящими в империю, в значительной мере утратило свою эффективность.

Цепляясь за имперские преференции как за средство ведения торга, Англия в своей политике стремилась одновременно использовать страх малых стран перед американским экспансионизмом. Публичные выступления английского посла в США лорда Галифакса и канадского премьер-министра Маккензи Кинга в начале 1944 г. ярко иллюстрируют борьбу между Англией и США. В речи, произнесенной в США и явно направленной на то, чтобы оказать сдерживающее влияние на панамериканскую ориентацию политики Канады, лорд Галифакс предложил, чтобы вся Британская империя «вела в области внешних отношений общую политику, в определении и проведении которой участвовали бы все правительства Британского содружества наций». Канадский премьер-министр ответил на это в палате общин 31 января 1944 г.: «Разрешая мировые проблемы безопасности, занятости и уровня жизни, мы должны объединиться не только со странами Британского содружества наций, но и со всеми единомыслящими государствами, если мы хотим, чтобы наши цели и идеалы были претворены в жизнь. Наши обязательства, будь они мирового масштаба или региональными по своей природе, относящиеся к этим великим проблемам, должны быть составной частью общей схемы».

Канада, Австралия и другие доминионы все больше вовлекались в орбиту влияния США; вместе с тем основной кризис империи возник в собственно колониальном

секторе. Этот кризис ведет свое начало со времен первой мировой войны. С тех пор в британских колониях, особенно в Азии, быстро росло движение за национальное освобождение. Оно развивалось неравномерно — с уклонами и поворотами, но тем не менее ширилось и стало достаточно мощным для того, чтобы создать хронический кризис. Вторая мировая война, нарушившая все отношения с колониями, углубила этот политический кризис.

Поражение Германии и ее сателлитов в Европе поставило вопрос о судьбе ряда второстепенных и зависимых империй — не только Итальянской и Испанской, но и Голландской, Французской и Бельгийской. Японцы нанесли серьезный урон мощи Британской империи в Юго-Восточной Азии. Малайя, в том числе мощная база в Сингапуре, а также Бирма, были захвачены японцами, а Индия одно время находилась под непосредственной угрозой их вторжения. Индонезия, хотя и являвшаяся владением Голландии, но тесно связанная с британской колониальной державой, также очутилась в руках японцев. Таи, в прошлом полузависимая от Англии страна, также была потеряна, а огромная французская колония Индо-Китай стала частью империи, созданной японцами в результате их захватов.

Все эти изменения, хотя бы даже временные, не могли не поставить заново вопрос о переделе колоний после поражения Японии. Следует подчеркнуть, что в Каирской декларации, опубликованной 1 декабря 1943 г. Англией, Соединенными Штатами и Китаем, ничего не говорилось о судьбе колониальных и полуколониальных районов Юго-Восточной Азии, помимо того, что они будут отняты у Японии. Соединенные Штаты, разумеется, оказались главным претендентом на эти районы при будущем перераспределении; действуя в большинстве случаев в соответствии с традиционной линией американской политики, выступающей под лозунгом «открытых дверей» и «свободного доступа» в существующие империи.

Это не означает, что американская политика отказывается от территориальных приобретений. США выдвинули требование на передачу им стратегических баз во всем районе Тихого океана, а также в Африке и в других районах, большинство которых оккупировано сейчас американскими

вооруженными силами. Эти базы должны служить опорой при осуществлении американцами военного и политического давления на многие страны, но это давление должно лишь дополнять основную политику, выражавшуюся в экономическом проникновении. Целью его было облегчить свободный доступ в колониальную сферу других держав и поддержать новую экспансию американцев, как это было в Китае и побежденной Японии. Наряду с экономической экспансией, поддержанной огромной военно-морской и воздушной мощью, Соединенные Штаты настаивали также на проведении в колониях такой политической реформы, которая ликвидировала бы английскую монополию и позволила бы американцам участвовать в политической жизни колоний. Но по мере того как война на Тихом океане приближалась к концу, это требование становилось все менее настойчивым.

Наряду с серьезными последствиями американской политики в Китае и побежденной Японии, которые были уже рассмотрены в одной из предыдущих глав, расширение позиций Соединенных Штатов в Восточной Азии определило границы английского влияния на Дальнем Востоке. Хотя английские позиции в Китае не были полностью ликвидированы, Соединенные Штаты установили к концу войны свое доминирующее влияние в гоминдановском Китае. Это не только поставило Англию в чрезвычайно невыгодное положение с точки зрения восстановления старых сфер проникновения английского капитала в Китай, но и обеспечило американскому капиталу важную базу, с которой он мог осуществлять свое давление на всю Юго-Восточную Азию.

По крайней мере в одной части Китая — части, находящейся под контролем гоминдановского правительства — цель политики «открытых дверей», являющейся традиционной американской политикой, близка к осуществлению. Отсюда американцы намереваются проникнуть в колониальные зоны Англии, Франции и Голландии.

Ведущая роль, которую играли Соединенные Штаты в тихоокеанской войне, по сравнению с незначительной ролью Англии, принесла американскому правительству огромные преимущества, которые оно быстро использовало. Прежде всего это было сделано в Японии, являвшейся некогда союз-

ником Англии на Дальнем Востоке. Взяв на себя всю ответственность за оккупацию и проводя свою собственную политику в отношении Японии, Соединенные Штаты захватили в свои руки контроль над ключевыми империалистическими позициями на Дальнем Востоке. Удастся ли Соединенным Штатам сохранить эти позиции, покажет будущее. Но пока что Соединенные Штаты начали играть главную роль на Дальнем Востоке, и совершенно ясно, что США используют уже завоеванные преимущества для того, чтобы добиваться большей доли участия в эксплуатации Юго-Восточной Азии.

Американская экспансия в Азии и стремление получать все большие экономические преимущества в колониальной сфере во многом содействовали усилению кризиса, охватившего колониальный мир и в особенности Британскую империю.

Однако не США представляют самую серьезную угрозу для старой колониальной системы. Сразу же после поражения Японии возникли первые крупные восстания в колониях — во французском Индо-Китае и голландской Индонезии. Прежде чем смогли вернуться прежние правители, аннамитское и индонезийское освободительные движения привели к созданию независимых республик, которые выступили с оружием в руках в защиту своего суверенитета. Богатая сырьем и расположенная на перекрестке стратегических путей Британской империи Индонезия уже давно считалась одной из ценнейших колоний. В то время как французам удалось в большей или меньшей степени сохранить свою монополию над Индо-Китаем, голландцы вынуждены были разделить свою добычу в Индонезии с англичанами. Быстрота, с которой англичане вмешались во внутреннюю жизнь обеих колоний, якобы с целью возврата их прежним правителям, не обладавшим достаточными силами для разгрома республик, показала, каким глубоким и всеобщим оказался колониальный кризис. Появление бреши в какой-либо части колониального мира неизбежно отражается на всех крупных империях, в особенности на соседних английских колониях — Малайе, Бирме и Индии. Если США поспешили предъявить свои претензии на Восточную Азию, то англичане, конечно, тоже не дремали в Юго-Восточной Азии.

Благодаря оккупации северной части Индо-Китая армиями гоминдановского правительства Соединенные Штаты уже получили доступ в этот район. США стремятся также к захвату Индонезии. Несмотря на принципы, провозглашенные в Атлантической хартии, которые, по заявлению президента Рузвельта, применимы также к Тихому океану, американское правительство отнюдь не проявляло склонности выступить против восстановления режима колониального угнетения. Правда, вносились предложения об установлении коллективной опеки и создании объединенных региональных советов, в которых США приняли бы участие наряду с колониальными державами. Но цель их заключалась не в ликвидации колониальной системы как таковой, а в перестройке колониального управления и ломке старых колониальных монополий.

Наибольшая угроза английской мощи создавалась в Индии. После репрессий 1942 г. движение за независимость временно прекратилось. Но глубокое политическое брожение в Индии не могло быть остановлено, и после разгрома Японии снова встал вопрос о предоставлении Индии независимости. Этот политический кризис усилился под влиянием процессов, происходивших в экономике страны в военное время. Вследствие голода и высоких цен крестьянское и рабочее движение значительно активизировалось и стало играть все большую роль в общем движении за независимость, а расширение военных отраслей промышленности укрепило капиталистические группы Индии. Кроме того, за время войны значительно усилилось экономическое проникновение США в Индию.

Промышленное развитие Индии в годы войны резко отстало от темпов развития доминионов. Причиной этого в основном были колониальные взаимоотношения с Англией. Индийские промышленники горько жаловались на то, что, несмотря на необходимость снабжения дальневосточных театров военных действий, Англия не допускает роста промышленности в тех масштабах, которые были бы возможны благодаря наличию соответствующих ресурсов. Хотя индийская промышленность в целом вряд ли превышает довоенный уровень, все же заметные успехи были достигнуты в производстве предметов широкого потребления, которое в некоторых отраслях достигло уровня, до-

статочного для замены импорта, а также в развитии существующих отраслей промышленности, как, например, черной металлургии, и в создании некоторых новых отраслей¹. Американский экспорт в Индию также значительно возрос за время войны. Включая материалы, поступавшие по ленд-лизу, в 1942 г. он в 9 раз превысил уровень 1939 г., причем одни только коммерческие поставки возросли более чем в два раза². Ослабление позиций Англии как кредитора и владельца капиталовложений в сочетании с усилением позиций индийских промышленников и ростом экспорта США во время войны были важными дополнительными факторами, углублявшими политический кризис. Индийские промышленники, разрабатывая планы послевоенного промышленного развития, проявляли все большую склонность связать свои интересы с интересами американских фирм, а некоторые американские корпорации, стремясь расширить свои капиталовложения в Индии, искали сотрудничества индийцев, а не англичан.

Ничтожные уступки, предложенные Англией, вряд ли окажутся достаточными для того, чтобы ослабить движение за независимость или преодолеть конкуренцию Соединенных Штатов. После прихода к власти лейбористского правительства стало очевидным, что для радикального изменения колониальной политики понадобятся значительно более существенные политические сдвиги в Англии. Тем временем в Индии нарастали все элементы серьезного кризиса, на который оказывает сильное влияние движение за независимость в странах Юго-Восточной Азии.

Следует учитывать также относительную военную мощь как фактор длительного действия, влияющий на мировые позиции Англии и США. Если исходить только из количественных показателей, нет сомнений в том, что США обладают полным военным превосходством над Англией.

¹ По данным министерства торговли США, выплавка стали возросла за время войны на 40%, количество машиностроительных предприятий составляло в середине 1943 г. около 1500 по сравнению с 600 до войны. К числу новых предприятий относятся 23 железнодорожные мастерские. Расширилось и производство в других отраслях, в особенности в военной промышленности.

² Some Factors in Postwar Trade with the British Empire, pp. 47—48, 51.

Существенное ослабление Англии в период войны наряду с быстрой экономической и военной экспансией Соединенных Штатов привело к изменению в международных позициях двух крупнейших империалистических держав. Этот сдвиг еще не завершился и не завершится без новых кризисов, но изменения носят настолько глубокий характер, что представляют собой уже не только тенденцию или просто возможный процесс перемены в соотношении сил, который затянулся бы на длительный период, если бы не война.

Изменения в позициях Англии и Соединенных Штатов, происходящие в период международного политического кризиса, обостряют антагонизм между двумя державами и углубляют кризис. Если даже Англия вынуждена будет уступить Соединенным Штатам многие из своих жизненно важных позиций и все в большей степени брать на себя роль сателлита, это не может не вызвать серьезных политических сдвигов в Англии и бесспорно будет стимулировать радикальные изменения в ее обширной колониальной империи.

Английскому правящему классу весьма возможно не под силу будут огромное напряжение и трудности, связанные с сохранением империи, и он будет все более склоняться к тому, чтобы искать поддержки у Соединенных Штатов. Весьма возможно, что английские правящие классы смогут купить американскую экономическую поддержку, играя роль оплота реакции в Европе и в колониальном мире. К концу войны по обеим сторонам Атлантики существовала сильная тенденция найти общую почву в создании антисоветского фронта как в Европе, так и в Азии. Но развитие событий в этом направлении означало бы в конечном счете подчинение Англии Соединенным Штатам, а такую перспективу вряд ли будет приветствовать английский народ. Английские империалисты не склонны уступить без жестокой борьбы, но если они сочтут, что подчинение Соединенным Штатам является лучшим выходом, чем коренные прогрессивные изменения в Англии и империи, английский народ вынужден будет искать другой путь.

МОНОПОЛИИ В АНГЛИИ

Англия, бывшая некогда классической страной свободной игры экономических сил, уступила эту роль Соединенным Штатам, где трестифицированная «свободная инициатива» стремится навязать свое понимание «свободы» всему миру. Доктрина картелей стала господствующей в Англии. Наряду с изменением мировых позиций Англии и Соединенных Штатов существенные изменения произошли также в структуре и в политике британских монополий.

В Англии, так же как и в Соединенных Штатах, в межвоенные годы в промышленности происходил быстрый процесс слияния и объединения. Этот процесс развивался одновременно с усиленным картелированием экономики на значительно более высоком уровне, чем это имело место в Соединенных Штатах. Отличительной чертой развития событий в Англии по сравнению с Америкой является тот факт, что все это происходило на фоне общего экономического упадка. В Соединенных Штатах расширение монополий после первой мировой войны шло бок о бок с продолжающимся развитием промышленности внутри страны и усилением экономического проникновения за границей. В Англии рост монополий происходил одновременно с общим застоем в промышленности и ослаблением английских позиций в мировой экономике.

Таким образом, картельное движение в Англии было своего рода «оборонительным оружием» против внутреннего распада, а также против проникновения конкурирующих империалистических держав.

1. Период между двумя мировыми войнами

Ввиду отсутствия исчерпывающих цифровых данных обычно утверждают, что концентрация производства в английской промышленности сравнительно невелика, сни-

жая тем самым роль монополий в стране. Но в 1945 г. были опубликованы правительственные данные, основанные на переписи 1935 г. и позволившие впервые определить степень концентрации в основных отраслях промышленности и торговли.

Так же как это было с данными, характеризующими концентрацию в США, цифры, приводимые по Англии, отражают минимальную степень концентрации, поскольку не принимается во внимание значительно больший уровень контроля, установленного различного рода взаимосвязанными организациями. Общие итоги анализа свидетельствуют о том, что степень концентрации английской промышленности немногим меньше американской. Учитывая различие в масштабах производства в Соединенных Штатах и Англии, фирмы, использующие свыше 500 рабочих, могут быть причислены к крупнейшим. Таких фирм в Англии в 1935 г. было 2280 и на них работало 52% общего числа рабочих, занятых в производительных отраслях промышленности. Такова общая картина, но в некоторых отраслях промышленности и ремесел концентрация достигла еще большей степени. Если исходить из количества рабочих, занятых на предприятиях трех ведущих фирм какой-либо отрасли промышленности, окажется, что в 33 отраслях промышленности концентрация превысила 70%, причем эта цифра не учитывала более широкого монополистического контроля, установленного в результате соглашений.

Для промышленности в целом уровень концентрации составляет 26%. Это означает, что около одной четвертой части лиц, занятых в 1935 г. в типичных отраслях промышленности, использовалось тремя крупнейшими фирмами в данной отрасли. Наибольшая степень концентрации наблюдалась в химической и смежных с ней отраслях (48%), коммунальных предприятиях (44%), строительстве, судостроении и автостроении (42%), металлургии (39%), пищевой и табачной (32%) и разных (47%). Если же проанализировать положение с отдельными товарами, то окажется, что производство значительно больше 100 видов товаров представляет собой полную монополию одной или двух фирм. К числу этих предметов относятся такие основные стратегические материалы, как бронированные плиты, никель, взрывчатые вещества и

нсобработанный цинк. Производство многих других товаров также контролируется на 90 и даже 100% тремя ведущими фирмами.

Анализ также показывает весьма высокую концентрацию в угольной и металлургической промышленности. Было установлено, например, что 14 фирм, имеющих доменные печи и использующих свыше тысячи рабочих каждая, а также владеющих угольными шахтами, давали 73% общей добычи железной руды и железняка. Следует учесть, что эти цифры относятся к 1935 г.; с тех пор имели место усиленные слияния и объединения; достаточно привести хотя бы два случая: слияние фирм «Юнилевер» и «Леве́р бразерс» в пищевой промышленности и расширение «Империэл кемикл», выразившееся в поглощении 13 новых компаний¹.

В общем нельзя считать, что в Англии степень концентрации, которая является основой монополии, сколько-нибудь существенно отличается от той, которая достигнута в Соединенных Штатах. Хотя объем американской продукции значительно превышает объем английской продукции, в Англии концентрация достигла высокого уровня, в особенности в тяжелой промышленности. По сравнению с основными конкурентами² уровень концентрации англий-

¹ The Structure of British Industry, Board of Trade Journal, London, February 24, 1945; and The Times, London, February 21, 1945.

² В 1930 г. в некоторых отраслях металлургической промышленности (лите и прокат), в электротехнической и машиностроительной промышленности, в судостроении, автомобильной, авиационной и шелковой отраслях промышленности свыше 50% рабочих было занято на предприятиях с общим числом в тысячу и более рабочих.

Точных сравнительных данных не имеется, поскольку в Англии, США и Германии применяются неодинаковые статистические методы и отрасли промышленности классифицируются по-разному. Но несколько приближенных сравнительных данных достаточно для определения общей картины. В 1930 г. в английской железнорудной и сталелитейной промышленности 25,6% рабочих использовались на предприятиях с числом рабочих свыше тысячи. В Соединенных Штатах в 1929 г. эта цифра для рабочих, занятых в производстве «железа, стали и изделий из железа и стали», составляла 41,7%; в Германии примерно такая же группа относится к металлургической промышленности, где в 1925 г. соответствующая цифра составляла 41,6%. В этом случае Англия сильно отставала от Соединенных Штатов и Германии. Но совсем иное положение было в машиностроительной промышленности. Согласно английской классификации 1930 г., 35,5% рабочих машиностроительной промышленности и 57,3% ра-

ской промышленности в 20-х годах не уступал уровню концентрации в Германии, но отставал от уровня концентрации в Соединенных Штатах. Нет сомнения, что восстановление германской экономики в 1925 г. с помощью американского капитала привело к большей концентрации промышленности, чем в Англии за соответствующий период, который в общем был периодом застоя. Но имеющиеся данные показывают, что процесс концентрации в Англии достиг больших размеров и не отставал, как это утверждается в экономической литературе, от соответствующего процесса в новых промышленных странах.

Основное различие заключается не только в разной степени концентрации производства, хотя этот процесс, так же как и процесс капиталистического развития в целом, развивался неравномерно как в отдельных странах, так и в отдельных отраслях промышленности. Основное отличие заключается в технической отсталости британской промышленности. Как уже указывалось, значительные доходы от заграничных капиталовложений благодаря существованию огромной империи, способствовали закреплению отсталости британской промышленности. Последняя оставалась неизменной в рамках высокой концентрации, которая в свою очередь способствовала сохранению состояния общего застоя.

Такова была основа, на которой развивались монополии в Англии в период между двумя мировыми войнами. За исключением новых «лабораторных» предприятий в химической промышленности и в производстве синтетических материалов, сверхмонополии создавались на низкой промышленной базе. Происходившие в межвоенные десятилетия гигантские слияния предприятий в черной металлур-

бочих электротехнической промышленности было занято на заводах с числом рабочих свыше тысячи. Перепись, проведенная в 1929 г. в Соединенных Штатах, дает соответствующие цифры для промышленности, производящей транспортное оборудование, — 66% и для машиностроительной промышленности — 34,8%. Соответствующие цифры для Германии в 1925 г.: в электротехнической промышленности — 39,4%, в производстве различного машинного оборудования — 32,6%. В текстильной промышленности — основной экспортной отрасли промышленности как для Англии, так и для Германии, — соответствующие цифры были: Англия (1930 г.) — 17,5%, Соединенные Штаты (1929 г.) — 18,5%, Германия (1925 г.) — 13,4%

гии, угольной, текстильной, пищевой, автомобильной промышленности и на транспорте привели к устранению некоторых наиболее неэффективных и наиболее слабых в финансовом отношении, но не обязательно наиболее отсталых в техническом отношении предприятий, но не вызвали общего технического подъема. Рост капиталистических монополий обычно замедляет технический прогресс. В Англии рост монополий в 20-х и 30-х годах привел, по существу, к тому, что британская промышленность застыла на низком уровне эффективности. «Высокие прибыли и низкий оборот», говоря словами лондонского журнала «Экономист», стали «основным лозунгом британской деловой активности».

Вместо обновления своей отсталой промышленности английские монополисты искали других методов защиты своей уменьшающейся доли на мировом рынке. Слияния и процесс картелизации, происходившие внутри страны, которые вследствие вмешательства правительства начали принимать все более принудительный характер, стали главным орудием защиты внутреннего рынка и приобретения существенной доли при разделе картелями мировых рынков. К тому моменту, когда в 1932 г. свободная торговля была полностью ликвидирована, слияния и процесс картелирования в Англии фактически привели также к ликвидации свободы внешней торговли. Для сохранения высокого уровня прибылей при одновременном сокращении производства в отсталых малорентабельных отраслях промышленности требовалась огромная централизация контроля. Эффективность производства была заменена действительным монополистическим контролем над экономикой. Это стало основой процесса картелизации в Англии.

Это была попытка защитить экономические позиции Англии от растущего влияния ее основных иностранных конкурентов. Но в то время как процессу «лихорадочных слияний», развивавшемуся в Соединенных Штатах в 1925—1929 гг. на базе промышленного роста, способствовал царивший в Америке бум, в Англии этот процесс происходил на фоне общего экономического упадка и был использован как средство, которое должно было помешать дальнейшему ослаблению английских позиций.

Вмешательство правительства, добивавшегося ускорения процесса картелирования экономики, было значитель-

ным уже накануне второй мировой войны. Один американский исследователь так охарактеризовал положение:

«Английское правительство, так же как и некоторые лидеры промышленности, пришло к выводу, что международная экономическая обстановка, не говоря уже о политической обстановке, слишком решительно изменилась, чтобы английская промышленность могла вернуть свои прежние позиции или приспособиться к новым условиям с помощью традиционных индивидуальных усилий, особенно потому, что в некоторых странах (главным образом в Германии), конкуренция которых самым непосредственным образом влияет на позиции Англии во внешней торговле, правительство и контроль приобрели широкий характер¹.

«Традиционные индивидуальные усилия» заменялись коллективными усилиями двойного характера. Под руководством промышленных монополий и под все усиливающимся наблюдением правительства в промышленности была создана целая сеть торговых ассоциаций картельного типа, как в региональных, так и национальных масштабах.

Одновременно с поддержкой, оказываемой крупнейшим монополиям, правительство путем принятия специального законодательства заставило предпринимателей в ряде отраслей промышленности идти на вынужденные комбинации, слияния и картелирование. Этому процессу способствовала концентрация банковского капитала. Не считая Английского банка, который сам представляет собой гигантскую концентрацию капиталов, 75% всех банковских вкладов в 1936 г. принадлежали «большой пятерке» лондонских банков. Централизация кредитного контроля была самым действенным орудием, использованным правительством и частными монополиями в целях достижения большей централизации. Британские торговые ассоциации² стали основным средством монополистического контроля.

¹ Louis Domeratzki, *Recent Trends in British Industrial Reorganization* (см. TNEC, Monograph 40, Regulation of Economic Activities in Foreign Countries, Washington, 1941, p. 11).

² Недавно опубликованный в Англии обзор (Planning, May 12, 1944, London) показывает, что в Соединенном Королевстве имеется примерно 2500 национальных или региональных торговых ассоциа-

Этот процесс был значительно ускорен кризисом 30-х годов и второй мировой войной. Развитие этого процесса так описано Робертом Брэди:

«Каждая отрасль промышленности и торговли как в местном, так и в национальном масштабе получает свою соответствующую ассоциацию; давление, оказываемое на аутсайдеров с тем, чтобы заставить их вступить в ассоциации, приводит к расширению рамок каждой соответствующей ассоциации и к включению в нее всех отдельных объединений данной отрасли промышленности; это приводит к объединению всех предприятий, вначале в местном или в региональном масштабе, а затем в национальном по отраслям промышленности — в такие центральные организации как, например, Федерация британской промышленности.

Ясно также, что ядро более крупных и более влиятельных торговых ассоциаций, как правило, находится под контролем нескольких крупных объединений... Торговая ассоциация превращается в действенное картельное орудие, с помощью которого одно гигантское объединение или группа таких объединений проводит свою монополистическую политику¹.

Федерация британской промышленности², охарактеризованная Брэди как вершина торговых ассоциаций, уже в середине 1935 г. выдвинула программу широкого картелирования всего народного хозяйства. В специальном докладе она призывала к организации британской промышленности в следующем виде:

«... 1) ликвидация излишков производственной мощно-

ций, не считая ассоциаций предпринимателей, занимающихся в основном вопросами трудовых отношений, тогда как в 1919 г. таких ассоциаций было 500. Процесс создания таких ассоциаций широко развернулся в 1919 и 1920 гг., а затем он усилился в начале 30-х годов под влиянием экономического кризиса. Торговые ассоциации являются открытыми объединениями картельного типа, и объявленной ими целью является контроль над ценами с помощью специальных соглашений, контроль над распределением, регулирование выпуска продукции, раздел рынков, а также централизация торговых операций.

¹ Brady, op. cit., pp. 175—176.

² Организованная в 1917 г. Федерация британской промышленности к 1925 г. уже объединяла в своем составе 195 торговых ассоциаций и 2100 индивидуальных фирм во всех отраслях промышленности страны. Объединяемые ею фирмы и ассоциации обладали капиталом около 30 млрд. долл., и использовали на своих предприятиях свыше 5 млн. рабочих.

сти, «координация спроса и предложения» и содействие большей «концентрации выпуска продукции на рентабельных и современных заводах»; 2) ограничение «допуска новых пришельцев в промышленность» с тем, чтобы установить лучшую связь между производственными возможностями и рыночным спросом; 3) предотвращение такого положения, когда некоторые фирмы приобрели бы «несправедливые преимущества», не неся должной части бремени по финансированию общих мероприятий (централизованной пропаганды и исследований); 4) содействие установлению большего единства между английскими промышленниками при переговорах с иностранными конкурентами и большей стабильности в области международной торговли; 5) изгнание из деловой сферы фирм, «которые не могут надеяться когда-либо стать прибыльными»¹.

К моменту разработки этой программы картельная доктрина уже стала основой экономической политики правительства. Проведенное недавно в Англии Группой политического и экономического планирования изучение британских торговых ассоциаций показало, что самой важной областью деятельности ассоциаций было проведение дискуссий и переговоров с правительством². Тесное слияние политики правительства и частных деловых кругов видно на примере использования правительством тарифов с целью содействовать созданию Британской федерации железодельной и сталелитейной промышленности, которое сопровождалось процессом объединения некоторых фирм в этой отрасли промышленности; иллюстрацией этого слияния является также попытка заставить Международный стальной картель договориться с английскими сталелитейными промышленниками. В других отраслях промышленности правительство также оказывало давление, стремясь поощрить картелирование торговых ассоциаций. Правительственная политика принудительных слияний, установления твердых цен и контроля за отчислениями по патентам наиболее широко проводилась в угольной и текстильной отраслях промышленности³, больше всего

¹ Brady, op. cit., pp. 162 — 163.

² Planning, London, May 12, 1944.

³ Temporary National Economic Committee, Monograph 40, pp. 14 — 18.

пострадавших от обострившейся мировой конкуренции¹.

Таким образом, к моменту начала второй мировой войны экономическая политика Англии была направлена на стимулирование объединений и картелей. Этот процесс происходил по совместной инициативе правительства и промышленников. Поощряемое государством картелирование британского народного хозяйства не достигло в Англии такого уровня, какого оно достигло в Германии при Гитлере, но оно намного обогнало соответствующий процесс в Соединенных Штатах. Растущая угроза со стороны Германии, где высокомонополизированная и централизованная экономика была поставлена на службу агрессивной программе германского империализма, усилила эту тенденцию.

2. Монополии в период войны

За время второй мировой войны масштабы государственного контроля над экономикой крупнейших капиталистических стран в общем значительно превосходили масштабы государственного контроля, установленного в период первой мировой войны. Более высокий уровень концентрации, достигнутый в межвоенные годы, а также широкое объединение сложных производственных процессов обеспечили более

¹ Закон об угольных шахтах 1930 г. был показателем степени вынужденного картелирования. Он устанавливал производственные квоты и минимальные цены, уполномочивая правительство намечать планы слияний, если владельцы предприятий не могли этого сделать сами; в дальнейшем в закон были внесены изменения таким образом, что операции по продаже были централизованы, а отчисления по патентам унифицированы.

24 мая 1939 г. угольная комиссия предложила провести слияние шахт, которое сократило бы число фирм с 959 до 50—60. В хлопчатобумажной промышленности также были предприняты усилия по централизации промышленности. В 1929 г. с помощью Английского банка была создана корпорация «Лэнкэшайр коттон». Она объединила 139 фабрик, из которых 53 были закрыты. Закон о хлопчатобумажной промышленности 1936 г. явился попыткой усилить процесс слияния фирм. Он предусматривал «ликвидацию излишнего количества придельных машин... с помощью управления, имеющего право приобретать имущество и одалживать и взимать средства». В августе 1939 г. правительство пошло еще дальше, издав новый закон, целью которого была ликвидация излишней производственной мощности и установление цен «для эффективно действующей и только эффективно действующей фирмы» в той или иной отрасли промышленности. После начала войны действие этого закона было приостановлено.

действенный способ установления централизованного контроля.

В Англии процесс слияния правительственного и частного монополистического контроля усилился в годы второй мировой войны. Торговые ассоциации были спаяны теснее, «аутсайдеры» принуждены вступать в ассоциации в результате вмешательства государства, промышленность реорганизована главным образом путем дальнейших слияний, — и все это вместе взятое поставлено под более строгий централизованный совместный контроль государства и крупной промышленности. Торговая ассоциация была, по словам журнала «Экономист», превращена «из полулегальной организации, из заговора с целью ограничения торговли в привилегированное орудие государства, и членство в таких ассоциациях стало необходимостью для желающего преуспевать бизнесмена, подобно тому как окончание привилегированной старинной школы было необходимо для честолюбивых политических деятелей-консерваторов»¹.

Президент концерна «Империэл кемикл» лорд Макгоуэн выразил, повидимому, мнение крупных монополистических кругов, когда он заявил в палате лордов в июле 1944 г., что английские промышленники «перестали верить в превосходство свободной конкуренции и далеко продвинулись по пути сотрудничества в промышленности и признания центральной роли правительства». Возможно, что этот взгляд не разделяется всеми промышленными кругами в Англии и, безусловно, его не разделяют мелкие промышленники, но он отражает тот факт, что процессы, происшедшие во время войны, наложили сильный отпечаток на британскую экономику.

Британские монополисты захватили ключевые посты в государственном аппарате военного времени и с этих позиций энергично проводили в жизнь свою картельную политику. Лидеров монополистических интересов в промышленности или торговле можно было видеть повсюду, начиная от кабинета министра и кончая контрольными постами в различных областях экономики. Список чиновников министерств снабжения и продовольствия — двух крупнейших контрольных органов военного времени — выглядит как справочник промышленных магнатов.

¹ The Economist, June 15, 1940.

«Какое влияние оказала экономика военного времени на владельцев монополий? — спрашивает руководитель английских коммунистов Гарри Поллит в своей книге «Как выиграть мир». — В экономическом отношении эта группа стала более сильной по сравнению с мелкими дельцами. Из их рядов вышли руководители промышленности, разрабатывающие планы правительственных заказов, контролеры из Национального контрольного управления и министры, занимающие ключевые посты — такие люди, как Джеймс Литгоу в судостроении, Эндрю Данкен (бывший президент Федерации железодельческой и сталелитейной промышленности) в министерстве снабжения, лица, выдвинутые концерном «Юнилевер» в министерстве продовольствия, представители «Импириэл кемикл индустри» в 61 контрольной комиссии и Джон Андерсон, связанный ранее с концернами «Виккерс» и «Импириэл кемикл», реакционная политическая деятельность которого в качестве министра финансов известна всему миру»¹.

О результатах непосредственного контроля над экономикой военного времени со стороны монополистов, занимавших правительственные посты, Пальм Датт писал:

«Таким образом, эта система военной организации усилила, а не исправила недостатки существующей в британской промышленности ограничительной монополистической структуры. Монополии сами захватили в свои руки контроль. Это правление монополий, скрывающееся, под маской государственного контроля, дало им возможность использовать механизм контроля не для того, чтобы добиться максимального производства, а для усиления своих монополистических позиций и защиты своих особых интересов, даже в ущерб максимальному производству. Все представители общественного мнения выступали с критикой этой системы»².

Влияние монополий в правительстве поддерживалось парламентом, который в военное время в значительной степени превратился в собрание представителей корпораций. По некоторым данным, в парламенте созыва 1935 г. господствовали 265 консерваторов, занимавших 512 директорских

¹ Pollitt, op. cit., p. 37.

² Palm Dutt, op. cit., p. 173.

мест в корпорациях. Согласно другим данным, 181 член парламента занимал 775 мест директоров корпораций¹.

С этих удобных позиций в государственном аппарате монополии смогли распространить процесс слияния и картелирования, помимо тяжелой и военной промышленности, на всю остальную промышленность. Этот процесс охватил также производство товаров широкого потребления, тогда как до войны в этом отношении существовали наибольшие трудности. Весной 1941 г. в связи со стремлением направить большее число рабочих в военные отрасли промышленности правительство приняло меры для концентрации производства многих потребительских товаров на меньшем числе предприятий. Согласно этому плану, отдельные отрасли промышленности должны были с одобрения министерства торговли взять на себя через посредство торговых ассоциаций инициативу в проведении концентрации.

Но если какая-либо отрасль промышленности не желала или оказывалась неспособной провести реорганизацию, министерство было уполномочено насильственно проводить концентрацию производства с помощью своего контроля над военными материалами и рабочей силой и своих контрактов. Для осуществления этого плана был создан специальный комитет Промышленного и экспортного совета.

Этот план предусматривал создание «ячеечных» фирм, где должно было сконцентрироваться производство в каждой отрасли промышленности. «Ячеечные» фирмы должны были находиться под покровительством правительства. Для концентрации производства на избранных предприятиях должны были применяться различные методы, в том числе слияние фирм, создание холдинг-компаний и объединений картельного типа, при помощи которых совершался бы сбыт на рынке товаров, произведенных «ячеечной» фирмой. Этот план получил полное одобрение Ассоциации торговых палат и Федерации британской промышленности, без инициативы и поддержки которых он вряд ли мог быть осуществлен. Примером проведения в жизнь этого плана является хлопчатобумажная промышленность. В этой отрасли министерство торговли признало 111 прядильных

¹ Pollitt, op. cit., p. 41; Brady, op. cit., p. 178.

фирм «ячеечными», закрыло 61 фирму, а вопрос о 229 оставило открытым¹.

Нельзя было найти более действенной системы принудительной концентрации, в особенности в отраслях, где производство раздроблено между большим количеством мелких предприятий. В связи с тем, что план подвергся сильной критике, правительство обещало обеспечить быстрое возобновление работы на предприятиях, закрытых после начала войны. Но вряд ли большинство закрытых фирм сможет возобновить работу после того, как концентрация осуществлялась в течение нескольких лет и «ячеечные» фирмы ввели новые производственные процессы и достигли более высокой производительности. Более вероятно, что достигнутая во время войны высокая степень концентрации и картелирования в производстве товаров широкого потребления сохранится и после войны.

Английская внутрикартельная структура также подготавливалась в период войны к энергичной и более целеустремленной борьбе за мировые рынки. Под руководством Промышленного и экспортного совета, состоявшего из представителей правительства, деловых кругов и профсоюзных лидеров, промышленность должна была объединиться для экспорта. К 1944 г. существовало около 280 экспортных объединений, фактически идентичных торговым ассоциациям, которые снабдили их штатом. Эта кампания в свою очередь создала дополнительный стимул к вовлечению в торговые ассоциации аутсайдеров и к активизации объединения торговых ассоциаций в районные и общегосударственные группы².

Англия вышла из войны с более высококартелированной экономикой и единой системой монополистического контроля. Монополиям удалось использовать весь аппарат государственного контроля военного времени для усиления картелирования в стране. Осуществленные таким образом слияния и объединения, а также «промышленное самоуправление», проведенное с помощью торговых ассоциаций, являются наследием этой войны. Будет ли картелированная система в дальнейшем столь же тесно и непосред-

¹ Thomas R. Wilson, *British Concentration of Production*, (см. *Foreign Commerce Weekly*, June 14, 1941).

² *Planning*, May 12, 1944.

ственно связана с государственным аппаратом, зависит в первую очередь от развития политических событий в Англии. По мере приближения конца войны в Европе все сильнее раздавались требования о снятии как можно скорее правительственного контроля.

Так или иначе, картелированная экономика подготовлена к ожесточенной конкурентной борьбе — в основном против гигантских американских трестов — за мировые рынки и сферы проникновения. Британские монополисты выступают как защитники картельного распределения рынков и «регулируемой конкуренции», тогда как американские гигантские корпорации выступают в роли защитников четырех экономических свобод — «свободы инициативы», «свободы конкуренции», «свободы доступа» и «свободы торговли».

3. Политика картелей

Политика, проводимая английскими картелями, резко отличается от политики, проводимой в Соединенных Штатах. Основное различие было кратко сформулировано Вильямом Баттом в речи, произнесенной перед группой американских предпринимателей. Остановившись на развитии промышленности в Соединенных Штатах, имевшем место в период войны, Батт заявил:

«...Англия выходит из войны со значительно ослабленной способностью к конкуренции по сравнению с той, какой она обладала даже в 1939 г. Я думаю, вы поймете, почему Англия сегодня, в противоположность нам, не стремится к тому, чтобы во всем мире существовали широко открытые рынки, доступ к которым был бы свободен... Мы заинтересованы в более свободном торговом потоке не только потому, что это дает возможность увеличить наш национальный доход на 10—15 млрд. долл., но также и потому, что это дает возможность усилить наши позиции в деле борьбы за мир [отметим, что это цель, которую Англия, по ее утверждениям, также преследует]. Поэтому это явление имеет некоторые черты крестового похода, и нельзя к нему относиться легко... Англия, напротив, выходит из войны сильно ослабленной и считает, что должна иметь защиту для своих рынков по крайней мере на некоторое время, даже

если это означает необходимость использования некоторых из этих злополучных изобретений (картели, товарообмен и т. д.), и в этом, я полагаю, заложены основные элементы того, что может привести к коренному столкновению английской и американской точек зрения»¹.

Предвидя победу над Германией, представители крупных деловых кругов единодушно выражали намерение увеличить степень картелирования британской экономики как основу послевоенной борьбы за рынки. Существовало общее согласие по одному основному пункту, а именно, что процесс должен проводиться путем установления «самоуправления в промышленности», т. е. предоставлен крупнейшим монополистам каждой отрасли промышленности. Разногласия касались в основном степени участия государственного аппарата в осуществлении какой-то центральной политики и принуждения независимых предприятий вступать в торговые ассоциации. Федерация британской промышленности считала, например, что «будущая организация промышленности должна определяться промышленниками, которым всегда следует руководствоваться основным принципом соответствия национальным интересам». Выражая сожаление по поводу того, что торговым ассоциациям не всегда удается принудить независимые фирмы вступать в отечественные картели, федерация недоверчиво отнеслась к государственному вмешательству, которое оказалось бы необходимым для достижения этой цели.

Другие проявляли меньше робости. Ассоциация британских торговых палат решила, что каждая отрасль промышленности должна определять свою собственную политику, но предложила связать картельную систему с государством через посредство Совета промышленности, в состав которого входили бы представители предпринимателей, торговых кругов и профсоюзов и который находился бы под руководством министерства торговли. Цель этого плана заключается в установлении действенной и централизованной координации внутренней и внешней экономической политики. Этот план был принят 120 крупнейшими промышленниками, которые опубликовали свою собственную программу: «национальная политика для промышленности». Они пред-

¹ Speech to Engineering Society of Cincinnati, January 18, 1945.

лагали увеличить полномочия Совета промышленности, предоставив ему право рассматривать вопросы «высокой экономической политики», выступать в роли главного посредника между правительством и промышленностью, а на международной арене представлять английскую промышленность в целом. По этому проекту представители профсоюзов должны были быть исключены из Совета; помимо этого, членство в торговых ассоциациях предполагалось объявить принудительным.

Самым смелым из всех был план группы монополистов, возглавляемой Эдгаром Джонсом, бывшим директором фирмы «Курто Лимитед» и представителем международного оловянного картеля. Целью этого плана, известного под названием «план международного альянса», является организация единой международной картельной системы для установления полного контроля над производством, ценами и рынками¹. Хотя между послевоенными программами, выдвигаемыми британскими деловыми кругами, имеются некоторые различия, они весьма незначительны. Общая политика, поддерживаемая всеми основными группами, предусматривает дальнейшее расширение картельной системы и централизацию контроля над экономикой в руках руководителей монополий. Основой является «регулируемая конкуренция» — конкуренция, регулируемая крупным капиталом, — через торговые ассоциации и правительственный аппарат.

Программы картелирования являются основой общей экономической политики усиления всех средств борьбы с экономической угрозой со стороны Соединенных Штатов и политической «неустойчивостью» в Европе, и в первую очередь с Советским Союзом. Практически все видные английские деятели, начиная от либеральных экономистов типа Уильяма Бевериджа и кончая Федерацией британской промышленности, подчеркивали значение для Англии региональных экономических соглашений, таких, как система имперских преференций и стерлинговый блок; в то же время они выясняли возможность ограничения американской экономической экспансии с помощью организаций, созданных

¹ Крайнее изложение послевоенных планов английских деловых кругов см. Walter Hill, *Planning Industry's Future in Britain*, Harward Business Review, Winter 1944.

В Бреттон-Вудсе, и других подобных проектируемых органов.

Ведущий орган банковских кругов так изложил распространяемую точку зрения:

«Дебаты в Бреттон-Вудсе показали, как многочисленны те круги общественности, которые хотят сохранить стерлингов блок не в его прежнем, а в его настоящем виде: как орудие экономической войны, как таран, которым можно пробить себе доступ на рынки, не желающие открывать свои двери, как ограду, не допускающую на имперский рынок нежелательные товары, принадлежащие нежелательным продавцам...

Может случиться, что нашей стране придется вступить в такой экономический альянс с членами Британского сотрудничества наций и некоторыми западноевропейскими странами; его цели будут исключительно оборонительными. Пожалуй, в первую очередь речь будет идти о защите от чрезмерной и заразительной неустойчивости экономики США, позднее же, возможно, о защите от вторжения на мировые рынки экономики Советского Союза. Но для стран стерлингового блока было бы верхом безумия делать первые наступательные шаги»¹.

Спор в руководящих экономических кругах Англии ведется не о том, следует ли отказаться от региональных экономических соглашений, преобладавших в довоенное время. Спор идет о том, как восстановить эти региональные соглашения там, где это возможно, или как создать новые и как использовать их в борьбе за мировые рынки и экономическое проникновение. Это ясно видно из следующего высказывания Уильяма Бевериджа, которое широко цитировалось в английской экономической литературе:

«Мировую многостороннюю торговлю можно сравнить с быстроходным, но способным выйти из строя лифтом. Региональную многостороннюю торговлю можно сравнить с лестницей, движение по которой не так быстро, но дает разумную степень комфорта. Двусторонняя торговля — пожарная лестница, неудобная, но надежная. Мы можем надеяться на то, что после нынешней войны мир будет

¹ Paul Bureau, *The Sterling Area — Its Use and Abuse*, The Banker, London, March 1945.

обладать всеми современными удобствами для того, чтобы сблизить людей к их общей выгоде. Мы должны сделать все, чтобы создать такой мир. Но, возводя новое здание, мы не можем отказаться от пожарной лестницы и внутренней лестницы, если мы не будем уверены в том, что пожар не возможен и что лифт никогда не выйдет из строя»¹.

Подобный осторожный подход к многосторонней торговле, в том виде, в каком ее предусматривает американская экономическая политика, прежде всего объясняется тем, что экономическая экспансия Соединенных Штатов угрожает международным позициям Англии. Региональная многосторонняя торговля — экономические блоки групп стран — рассматривается как необходимое средство защиты британских интересов, причем одновременно не исключается двусторонняя торговля как бартерная, так и другие виды исключительных торговых отношений с отдельными странами, развернутые, в частности, нацистской Германией. Федерация британской промышленности в специальном докладе по вопросу о международной торговле выдвинула в качестве основной цели возрождение довоенных региональных экономических блоков, с которыми в той или иной форме была связана Англия в Западной Европе, а также на Балканах и в Центральной Европе².

Сохранение имперских барьеров и региональных блоков примерно довоенного характера связано с программой восстановления международной картельной системы довоенного периода. Фраза Черчилля о том, что он стал премьер-министром его величества не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи, относится в равной степени к сфере экономического господства Англии. Черчилль выразил основную точку зрения британских монополистов, полных решимости сохранить свои позиции, несмотря на все угрозы изнутри и извне, используя для этого находящееся в их распоряжении экономическое и политическое оружие. Основная тенденция их политики — восстановление, насколько это возможно, довоенного статуса как в колониях, так и на периферии империи.

¹ Full Employment in a Free Society, A Summary by Sir William Beveridge, London 1944, p. 36.

² Report of the Federation of British Industries Trade Policy Committee, International Trade Policy, London, 1944.

Как мы уже видели, это нашло свое выражение в политике западного блока, которая стала проводиться после разгрома Германии, а также в усиливающейся решимости британских монополий и правительственных кругов восстановить экономику Западной Германии как части этого блока. Как сказал цитированный нами автор-финансист, западноевропейский блок мог бы выполнять двойные функции защиты от экономического проникновения Америки и создания новой базы для реакционной стабилизации Европы.

Остается под вопросом, позволит ли ход политических событий в Западной Европе, в особенности во Франции, реализовать этот блок? Нельзя быть уверенным в том, что США, оказывающие возрастающее давление на все страны Британской империи, будут полностью удовлетворены созданием в Западной Европе блока, находящегося под господством Англии.

ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ «СВОБОДЫ»

Американская политика делает упор на «свободу инициативы», «свободу конкуренции», «свободу доступа» и «свободу торговли». Таковы четыре «свободы» экономического экспансионизма. Они фигурируют практически в каждом программном заявлении о политике правительства. Их можно найти в Атлантической хартии, в соглашениях о ленд-лизе и в каждом крупном выступлении представителей правительства США. Наряду с подчеркиванием этих «свобод» не менее категорически подчеркивается обычно необходимость ликвидации ограничений и барьеров, будь то правительственного или картельного характера, которые мешают развитию международной торговли и в частности американской торговли.

Провозглашенной целью американского правительства является стремление заставить все страны принять эти принципы. Крупные деловые круги и правительство начали «крестовый поход» с целью навязать эту программу остальному миру.

Промышленное превосходство Соединенных Штатов, огромные кредитные ресурсы, находящиеся в распоряжении правительства и корпораций и активная политическая роль страны в международных делах являются сильным оружием, которым обладают США в этом «крестовом походе».

Либеральный оттенок программы имеет тенденцию затемнить ее сущность. Многие противники монополий и сторонники международного сотрудничества несомненно не в состоянии разглядеть экспансионистскую сущность этой программы. Легче распознать монополии в картельной политике, проводимой англичанами; труднее разглядеть тресты в этой веренице «свобод».

1. «Свобода инициативы»

«Свобода инициативы» в том виде, в каком этот термин употребляется в экономических дискуссиях в США, не имеет абсолютно никакого смысла, когда он употребляется как синоним «свободы конкуренции» для характеристики состояния американской экономики. «Свобода инициативы» и «свобода конкуренции» уже давно уступили место монополиям, которые в Соединенных Штатах играют господствующую роль. Поскольку речь идет о крупном капитале, вопрос заключается в том, в какой степени государственный аппарат будет участвовать в контроле над производством и рынками.

Так же как и в других странах, в США существовала тенденция к расширению правительственного контроля в том или ином виде, и эта тенденция значительно усилилась в результате первой мировой войны, мирового экономического кризиса и второй мировой войны. Американское правительство участвовало в международных товарных соглашениях, распространявшихся на ряд сельскохозяйственных продуктов. Закон Вэбба — Померена уполномочивал экспортные ассоциации, организации картельного типа, вести операции на картелированных мировых рынках. Закон Миллера — Тайдингса разрешает промышленникам и розничным торговцам устанавливать совместный контроль над розничными ценами на продовольствие и аптекарские товары. В течение ряда лет действовал закон Гаффи, целью которого было установление минимальных цен на уголь. Добыча нефти в Соединенных Штатах строго регулировалась. В период великого кризиса кодекс НРА, установленный правительством, но регулируемый деловыми кругами, на время легализовал многие действия картелей и усилил картельный характер торговых ассоциаций.

Правительство установило столь полный контроль над внутренними воздушными перевозками, что это дало повод руководителю английской делегации на международной конференции по вопросам гражданской авиации в Чикаго лорду Суинтону жаловаться в своем докладе палате лордов: «Никто не может протолкаться, прошу прощения за грубое выражение, никто не может проникнуть в их внутренние воздушные линии и конкурировать с ними».

Внутренний рынок охраняется одним из самых высоких тарифных барьеров в мире. Правительственное регулирование сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственного рынка является уже твердо установившейся практикой. Это лишь несколько последних примеров вмешательства правительства, мероприятия которого в отдельных случаях носят картельный характер, не говоря уже о широком контроле, установленном правительством в военное время.

Вмешательство правительства в экономику фактически оспаривается не во всех случаях, и нельзя даже говорить о том, что оспаривается самый принцип вмешательства. Вопрос заключается в том, какие цели преследует это вмешательство и в каких условиях оно осуществляется.

Даже самые ярые сторонники «свободы инициативы» в США требуют вмешательства правительства для обеспечения «свободы конкуренции». Так, например, типичная пропагандистская листовка Торговой палаты требует содействия правительства для обеспечения «свободы рынка»:

«Свободные рынки не смогут остаться свободными без соответствующих мероприятий правительства»¹. Решительные сторонники «свободной» мировой торговли используют правительственный аппарат для того, чтобы воспрепятствовать участию в картелях, тогда как в Англии государственное давление используется для того, чтобы вынудить участие в картелях. На конференции по вопросам гражданской авиации, состоявшейся в Чикаго в 1944 г., влияние американского правительства было использовано для того, чтобы добиться для гигантских американских монополистических компаний воздушных сообщений «свободы конкуренции» во всем мире, тогда как английское правительство пыталось защитить свои собственные монополии, добиваясь установления квот и правил, ограничивающих деятельность американских компаний.

В то время, как военное и морское министерства стояли за максимальное использование власти правительства для форсирования слияний и создания монополий в соответствии с экспансионистской политикой, другие, защищая ту же

¹ Chamber of Commerce of the U. S. A., Freedom and the Free Market Inseparable, Washington, 1944.

политику, ударялись в противоположную крайность. Так, например, Уэнделл Бердж выступал не только против «государственных картелей», но и против правительственного контроля над картелями потому, что «эффективный правительственный контроль над такими соглашениями потребовал бы вмешательства и наблюдения над частной промышленностью в размерах, угрожающих американской системе частной собственности и свободному предпринимательству»¹.

Несмотря на свою заботу о «системе частной собственности и свободного предпринимательства» в США, он без колебаний выступил за межправительственные меры по устранению нерентабельных и искусственно поддерживаемых промышленных предприятий за границей. По сути дела предложение о ликвидации таких предприятий было направлено преимущественно против английской промышленности, представляющей собой яркий образец отсталости в области технологии. Бердж любезно предложил организовать международные кредиты для упорядоченной ликвидации отсталых предприятий; это легко можно расценить как предложение о международном регулировании промышленности.

Если американское трестифицированное «свободное предпринимательство» желает проложить себе путь в мире, оно должно также установить свое господство над источниками основных видов сырья. Очень часто это стремление лежит в основе оппозиции к «государственным картелям», под которыми иногда подразумевается любой вид правительственного товарного соглашения. Англичане, например, обладают монополией на некоторые виды сырья, источники которых находятся в Британской империи, а также в Голландской и других зависимых империях. Через посредство созданных правительством картелей и товарных соглашений английские монополисты сосредоточили у себя материалы, не имеющиеся в Соединенных Штатах или в зонах, находящихся под господством американцев, как, например, натуральный каучук, никель, хинин, промышленные алмазы и значительная часть запасов олова. До тех пор пока все

¹ У. Бердж, Международные картели, Госиноиздат, 1947, стр. 258.

эти виды сырья не будут заменены удовлетворительными синтетическими продуктами или заменителями и до тех пор пока сохраняется британская колониальная монополия, американские промышленники будут зависеть от картелей, в которых господствуют англичане.

В борьбе за установление полной самообеспеченности, которая стала столь характерной для американской политики, одна из основных целей заключается в подрыве таких сырьевых картелей. Речь идет лишь о том, какая тактика будет при этом применена. Некоторые настаивают на ликвидации всех государственных картелей в качестве цены за американскую экономическую помощь и на сохранении возможностей для «свободной конкуренции». Другие, вопреки общей антикартельной политике, предпочитают использовать американский контроль над важными видами сырья для того, чтобы проникнуть в существующие картели, примерно так же, как коллективная опека рассматривается как средство проникновения в старые колониальные монополии.

Последняя точка зрения нашла свое отражение и в политике американского правительства в области товарных соглашений. Основной упор делается на включение в такие соглашения стран, промышленность которых обрабатывает значительное количество импортного сырья, в том числе и Соединенных Штатов, на равной основе со странами, обладающими сырьем, тогда как английская политика предусматривает ограничение таких картельных соглашений участием в них только стран, производящих сырье. Соединенные Штаты предложили также заключить соглашения по ряду материалов, производство которых значительно расширилось в период войны. В то же время они настаивали на создании международной экономической организации для наблюдения за всеми государственными товарными соглашениями¹. Цель явено заключается в пересмотре всех находящихся под государственным контролем сырьевых картелей.

Придерживаясь доктрины «свободного предпринимательства» и подчеркивая свое отрицательное отношение к торговым барьерам, ограничивающим американскую

¹ См. Bernard F. Haley, United States Policy on Commodity Agreements, Department of State, Bulletin, April 8, 1945.

торговлю, правительство США проявляет достаточно гибкости для того, чтобы высказываться в пользу некоторых соглашений картельного типа. Так, оно одобрило даже решение о создании по инициативе правительства картелей, когда оказалось, что они могут помочь правительству контролировать излишки материалов или приобрести большую долю сырья, уже монополизированного другими. Когда этого требует проведение экспансионистской программы, правительство немедленно вмешивается для «унификации» политики или уничтожения существующей монополии.

Свободное предпринимательство даже как доктрина не является тем незыблемым кодексом, каким оно представляется. Правда, в общем вмешательство правительства в экономику сводится к минимуму, а гигантские «свободные предприятия» пользуются не имеющей себе равной свободой действий. Они приветствуют вмешательство правительства, когда оно служит их целям, но ведут с ним энергичную борьбу, если оно каким-либо образом угрожает свободе трестов.

2. Борьба с картелями

Если английская политика защиты картелей носит статичный характер в том смысле, что она стремится восстановить довоенные отношения, то американская борьба с картелями имеет тенденцию закрепить наступивший в период войны распад картельной системы и заменить эту систему новой структурой, где американские монополии занимали бы главенствующее место. Такова основа американского «крестового похода» против картелей.

Письмо президента Рузвельта государственному секретарю Хэллу, написанное в сентябре 1944 г., часто цитируется как документ, излагающий основные принципы национальной антикартельной политики. Отметив использование картелей нацистской Германией в своих политических целях, покойный президент так определил общую политику США:

«За разгромом нацистских армий должно последовать уничтожение орудий экономической войны (картелей). Но потребуются не только ликвидировать политическую деятельность германских картелей. Должна быть уничто-

жена картельная практика, ограничивающая свободный поток товаров во внешней торговле. В области международной торговли такая цель может быть достигнута только в результате сотрудничества Объединенных наций).

Здесь указаны две основные цели: ликвидация германских картелей как орудия экономической войны и уничтожение картельной практики, ограничивающей внешнюю торговлю. Неясно, имел ли президент при этом в виду ликвидацию всей картельной системы в целом или только уничтожение ограничительной картельной практики, хотя основой всех картелей, так же как и всей капиталистической монополии, являются ограничения, контроль и регулирование. Во всяком случае, как бы ни интерпретировать письмо президента — в широком или узком смысле, — оно намечало основы экономической политики на послевоенный период: устранение или ослабление всех барьеров и ограничений, правительственного или частного характера, могущих помешать расширению американской торговли и американских капиталовложений за границей. Это было предложено сделать с помощью «сотрудничества Объединенных наций».

Такая политика имеет то достоинство, что она находит отклик у американского среднего класса, традиционные антитрестовские настроения которого отражал Рузвельт во время своего президентства. В то же время эта политика удовлетворяла основным требованиям американского монополистического капитала.

Особое значение имеет линия, которая проводилась в этой области комиссией Килгора. В докладе комиссии по вопросу о «картелях и национальной безопасности» предлагается ликвидировать не только германские картели, но и всю картельную систему в целом. В докладе комиссии Килгора утверждается, что любая попытка сохранить международную картельную систему будет содействовать сохранению у власти германской милитаристической и монополистической клики. Частичные меры, направленные к уничтожению некоторых сторон деятельности картелей или передаче картелей под надзор правительства, отвергаются как явно недостаточные. Картельная система как таковая должна быть «поставлена вне закона». Это должно быть дополнено мерами принудительного характера для

предотвращения участия фирм США в каком-либо международном картеле ¹.

В своем общем подходе к проблеме картелей комиссия Килгора отражала господствовавшую в кругах крупного капитала точку зрения только в том смысле, что эти круги выступали против *довольной* картельной системы. Позиция комиссии Килгора в отношении, например, германской промышленности и германских промышленников ни в коем случае не отражала взглядов американских крупных дельцов. Было бы также неверно утверждать, что американские монополисты готовы были согласиться с окончательной ликвидацией картельной системы в целом. По существу они возражали лишь против восстановления старой картельной системы, которую они считали теперь особенно ограничительной, учитывая возросшую экономическую мощь Соединенных Штатов. Они, конечно, не возражали бы против использования правительственного давления и воинственной антикартельной доктрины для того, чтобы получить значительно большую долю на мировом рынке и открыть новые сферы проникновения. Не возражали бы они также против того, чтобы заставить своих непокорных коллег-монополистов остаться на некоторое время вне картелей, если бы это соответствовало основным целям экспансионистской кампании.

Такая позиция нашла свое отражение в общей правительственной политике защиты «свободы торговли», в рамках которой проводилась антикартельная программа. Вот как эта политика была разъяснена помощником государственного секретаря Ачесоном в комиссии конгресса:

«Наши попытки смягчить ограничения производства и торговли, несомненно, не будут иметь полного успеха, если мы позволим деловым предприятиям путем соглашений между собой установить ограничения выпуска продукции, разделить рынки и сохранять определенный уровень цен» ².

Совершенно естественно, что такие заявления не слишком нравились магнатам системы, которая действует на основе принципа ограничения выпуска продукции, повы-

¹ Cartels and National Security, Part I: Findings and Recommendations. Report from the Subcommittee on War Mobilization to the Committee on Military Affairs, United States Senate, Washington, 1944.

² Department of State, Bulletin, December 3, 1944.

шения цен и раздела рынков. Но эти заявления никого не задевают до тех пор, пока господствующие тресты контролируют внутренний рынок, где они могут делать все, что им угодно, одновременно читая своим иностранным соперникам нравоучения о вреде монополий. Такие выступления спокойной могла себе позволить трестифицированная промышленность, которой уже не угрожала серьезная конкуренция на внутреннем рынке и которая стремилась к экспансии за границу.

Это было совершенно ясно выражено председателем нью-йоркского банка «Чэйз нейшл бэнк» и председателем Международной торговой палаты Олдричем, который, кратко излагая свою собственную позицию, весьма точно охарактеризовал внешне-экономическую политику правительства:

«С моей точки зрения, основами мировой торговли являются снижение торговых барьеров, ликвидация международных картелей и международных товарных соглашений, проведение конструктивной политики предоставления займов другим странам и подлинная стабилизация валюты».

По вопросу о картелях Олдрич следующим образом изложил позицию крупнейших монополистических кругов США, заинтересованных в мировых рынках и капиталовложениях:

«Международные картели и товарные соглашения несовместимы с частным капитализмом и системой свободного предпринимательства. По своим экономическим результатам они подобны торговым барьерам в том отношении, что они либо ограничивают общий объем внешней торговли, либо отвлекают ее от наиболее экономически целесообразных каналов...»

Вопрос о том, получают ли картели и товарные соглашения новый стимул в послевоенном мире, в значительной степени зависит от политики Соединенных Штатов. Я надеюсь, что США будут выступать против этого»¹.

Эти взгляды, несмотря на наличие некоторых разногласий по таким вопросам, как товарные соглашения и стабилизация валюты, могут рассматриваться как позиция

¹ Winthrop W. Aldrich. The Bases for World Trade, An Address before the Canadian Manufacturers Association, June 6, 1945, published by Chase National Bank, New York, 1945, pp. 9, 11, 17.

представителей наиболее трестифицированного сектора промышленности и финансов. Они рассчитывали получить значительную долю мировых рынков и капиталовложений, выступая против любой картельной комбинации, которую могли создать английские монополисты, и препятствуя созданию такой конкурирующей картельной системы.

В этом смысле антикартельная политика правительства США, отражающая также традиционные настроения среднего класса, выступающего против монополий, находилась в полном соответствии с основными целями крупных деловых кругов. Результатом этой политики, каково бы ни было ее происхождение и какими бы соображениями она ни руководствовалась, была дальнейшая экспансия американского монополистического капитала. Пожалуй, самый яркий пример этого совпадения, этого слияния антитрестовских настроений средних классов и экспансионизма трестов можно найти в книге «Международные картели», написанной заместителем министра юстиции США Уэнделлом Берджем, возглавлявшим борьбу с противозаконной деятельностью трестов. Утверждая, что как США, так и Англия заинтересованы в том, чтобы совместно вести борьбу с картелями, Бердж откровенно предлагает другой путь:

«Есть все основания полагать, что разоблачение тайных интриг картелей в Америке окажет свое действие на внутреннюю политику в других странах; это разоблачение поможет всем понять, что известные виды деятельности должны быть объявлены противозаконными и в этих странах, так же как и в США. Но независимо от того, в какой степени другие правительства будут проводить политику, подобную политике США, несомненно, что свободное предпринимательство в Америке сможет процветать в условиях конкуренции с иностранными картелями, если оно не будет подвергаться действию картельных ограничений внутри страны. Освободившись от оков картелей, американское предпринимательство сможет добиться успеха на мировых рынках и свести на-нет контроль иностранных картелей. И в самом деле, вряд ли любой крупный международный картель сумел бы эффективно контролировать мировые рынки без участия и сотрудничества американской промышленности. Чрезвычайно сомнительно, чтобы между-

народные картели во многих отраслях промышленности могли долго продержаться, если им не будет обеспечено американское сотрудничество»¹.

Здесь ясно выражена уверенность в том, что гигантские американские тресты и концерны, имеющие в своей власти огромные производственные мощности и финансовые ресурсы, могут успешно конкурировать с любой комбинацией монополий на мировом рынке и принудить их подчиниться.

Однако в некоторых случаях американская промышленность еще недостаточно концентрирована или картелирована, чтобы справиться с конкуренцией картелей, и Бердж учитывает это. Он выступает за экспортные объединения (т. е. картели американских предпринимателей), созданные на основе закона Вэбба — Померена и являющиеся средством «защиты американских интересов на картелированных рынках». Он полагает, что такого рода объединения оправданы, поскольку они обеспечивают равное положение на мировых рынках. Но он заявляет, что американские экспортные объединения должны быть привлечены к ответственности на основании закона Шермана, если они позволят втянуть себя в международный картель и примут участие в разделе рынков. Функция экспортных объединений заключается в том, чтобы улучшить конкурентные возможности американских промышленников в отраслях промышленности, где не существует достаточно мощных объединений или корпораций. Он пишет:

«Если экспортные объединения хотят найти себе место в послевоенной экономике при поддержке со стороны общества и выполнять те функции, ради которых они созданы, то они *должны стать авангардом американской промышленности в ее конкуренции с промышленностью за границей*; они должны перестать служить орудием в руках иностранных монополистов, которые стремятся вовлечь американских промышленников в ограничительные картельные соглашения, противоречащие закону Шермана»².

Корвин Эдвардс поддерживает основные положения Берджа. По его мнению, односторонняя политика США

¹ У Бердж, Международные картели, Госиноиздат, 1947, стр. 42—43.

² Там же, стр. 222—223.

может предотвратить консолидацию международной картельной системы, поскольку любой сильный промышленник или любая группа промышленников могут выдержать конкуренцию, предотвратив таким образом усиление картелей в отраслях, где американский экспорт играет важную роль. Эдвардс утверждает, что преследование правительства американских участников картелей может побудить американский деловой мир к антикартельной политике. Он указывает на действия министерства юстиции в 40 или 50 картельных делах, которые даже в условиях войны кончались штрафами, отменой картельных соглашений, затруднением возобновления старых соглашений и добровольным изменением иностранной политики некоторых крупных концернов. Эдвардс договаривается до того, что США могут принудить правительства других стран к изменению их политики. Он настаивает на том, что США не должны благодушно взирать на ограничительную политику, проводимую правительством или капиталистами *где бы то ни было в мире*, и считает, что США должны бороться с такими тенденциями при помощи любых союзников¹.

По существу правительство США пыталось проводить политику «свободы торговли», оказывая давление на другие страны в целях уничтожения старой картельной системы и в то же время при помощи судебных процессов против монополий заставляя американские фирмы выходить из картелей. Англия стремилась восстановить довоенную картельную систему, и поэтому английское правительство вело политику форсирования слияния фирм и более высокого картелирования британской промышленности. И в США и в Англии правительства прибегали к непосредственному вмешательству для того, чтобы в одной стране заставить фирмы принять участие в картелях, а в другой стране — выйти из картелей. Американцы предпочитают называть это «свободной конкуренцией», а англичане — «регулируемой конкуренцией». Эти фразы выражают по существу соперничество между английским и американ-

¹ Corvin D. Edwards, *America's Postwar Policy Toward International Cartels*, in *Institute on Postwar Reconstruction*, New York, University, *America's Place in the World Economy*, New York, 1945, p. 101 ff.

ским монополистическим капиталом в борьбе за передел мировых рынков.

Антикартельная политика не встречала полной поддержки всех кругов крупного капитала и всех правительственных органов. Эти круги не хотели признать, что сила трестов окажется достаточной для уничтожения старых связей во всех случаях, включая некоторые важные промышленные и сырьевые монополии, в особенности там, где другие правительства поддерживали картели. Эта точка зрения, например, была выражена Мило Перкинсом, консультантом ряда промышленных фирм по вопросам внешней политики и бывшим административным директором Управления экономической войны. Перкинс пишет:

«Даже самые влиятельные деловые круги Америки сравнительно беспомощны в своей борьбе с конкуренцией хорошо организованных деловых кругов других стран, которых поддерживают их правительства. Решающим моментом в подобной борьбе является как раз правительственная поддержка. Наше правительство является единственным в мире правительством, которое активно выступает против централизованного контроля над внешней торговлей... Под давлением обстоятельств мы будем вынуждены признать картели, поскольку другие страны признают их».

Соглашаясь с тем, что картельная система, в которой господствовали немцы, должна быть уничтожена, так же как и власть германских и японских монополистов, Перкинс не хотел в то же время совершенно сбросить со счетов картели как орудие экономической политики. Подходя к вопросу с большой осторожностью, он выражал готовность, в зависимости от обстоятельств, сотрудничать с картельной системой или действовать против нее. Он считал, что проблема заключается в том, чтобы «превратить различные формы конкуренции и монополии в полезный инструмент нашей национальной и внешней политики»¹.

Сторонники такой точки зрения высказываются за правительственный контроль над политикой международных картелей посредством обязательной регистрации всех

¹ Milo Perkins, *Cartels: What Shall We Do About Them?* Harper's, November, 1944.

картельных соглашений. С некоторыми оговорками большинство крупных деловых кругов высказалось за предложение о регистрации как средстве установления минимального централизованного контроля правительства, которой «унификации политики на высшем уровне» для противодействия картелям, поддерживаемым другими правительствами. Так, например, Национальный совет внешней торговли, в состав которого входили крупные экспортные и транспортные объединения, настаивал на принудительной регистрации картельных соглашений в государственном департаменте с условием, что конгресс будет точно определять цели внешне-экономической политики, которую должны будут также проводить картели¹.

В этом отношении важную роль несомненно играет также тенденция установить общий фронт с англичанами, как элемент общей политической ориентации, направленной против демократических государств Восточной Европы и Советского Союза. Английские монополистические лидеры оказывали серьезное давление в целях создания такого типа картельного сотрудничества. Послание председателя Федерации британской промышленности на имя национального съезда Национального совета внешней торговли США в октябре 1943 г. напоминает то, что произошло в 1939 г. в Дюссельдорфе. В послании говорится, что «Федерация придает величайшее значение тесному сотрудничеству между американскими и британскими промышленниками в деле разрешения послевоенных проблем», и высказывается пожелание «обсудить с промышленниками США, как наилучшим образом осуществить сотрудничество промышленников обеих стран для разрешения этой общей задачи»².

Хотя разногласия между англичанами и американцами весьма сильны, не менее сильны объединяющие их реакционные политические тенденции. Обе стороны прилагали серьезные усилия к тому, чтобы преодолеть разногласия. На одном из международных собраний крупных дельцов, состоявшемся в Райе (штат Нью-Йорк) в ноябре 1944 г., несмотря на резкие разногласия, была принята резолюция, в которой указывалось, что «необходимо сохранить выгоды, извлекаемые из

¹ National Foreign Trade Council, Resolution on International Business Agreements, New York, 1945.

² National Foreign Trade Council, Release, March 16, 1944.

таких (картельных) соглашений, и избежать того, чтобы их использовали в целях, противоречащих общественным интересам какой-либо страны». Представители американских монополий также присоединились к англичанам в заявлении о том, что «для экономического сотрудничества между странами необходимо, чтобы было достигнуто примирение их взглядов и действий, насколько это возможно в отношении таких соглашений, и были установлены правила и нормы, определяющие такие соглашения в международной торговле»¹.

Одной из ведущих фигур на конференции в Райе и одним из наиболее последовательных сторонников англо-американского «сотрудничества» как пути к разрешению проблем мира был крупнейший «противник картелей» Олдрич. Он решительно выступил против разработанного в Бреттон-Вудсе проекта создания международного банка и валютного фонда на том основании, что англо-американское соглашение должно иметь приоритет по сравнению с общим соглашением Объединенных наций. Олдрич одним из первых выступил в защиту предоставления американцами крупного займа Англии, взамен чего американские промышленники должны были получить свободу доступа в британскую сферу влияния. Как председатель Международной торговой палаты, Олдрич пытался создать такое товарищество, в котором англичане играли бы второстепенную роль и которое было бы направлено к достижению международных целей американского монополистического капитала.

По окончании первого послевоенного заседания Международной торговой палаты, состоявшегося в Лондоне вскоре после победы лейбористов на выборах в парламент, Олдрич разъяснил одному американскому дельцу, что общее соглашение с Англией и всеми странами Британской империи имело бы огромное значение «не только для нас и для Британского содружества наций, но и для всех районов мира, где преобладает частное предпринимательство». По мнению Олдрича, такое соглашение необходимо для восстановления Западной Европы и в частности для координации экономической политики для Германии в соответствии с линией,

¹ Final Reports of the International Business Conference New York, 1944, p. 28.

в защиту которой выступали наиболее влиятельные английские деловые круги.

Используя антикартельную политику как орудие, позволяющее проникнуть в существующие монополии, предостеречь консолидацию картелей, конкурирующих с американскими трестами, и расширить американскую корпоративную систему, монополистический капитал Соединенных Штатов в то же время не закрывает двери для новой картельной системы, которая служила бы его экспансионистским и политическим целям.

Иллюстрацией этого служит документ юридического характера, подготовленный Национальным советом внешней торговли. В нем приводится ряд доказательств того, что с точки зрения «национальных интересов» американским фирмам было бы выгоднее участвовать в картелях, а не воздерживаться от этого, так как картели, даже без участия американцев, так или иначе будут действовать. В этом документе утверждается, что попытки правительства США объявить незаконным участие в картелях будут в значительной мере безуспешными ввиду участия американского капитала в концернах и совместных компаниях за границей и создания в других странах филиалов, которые вступают в картели как «иностранное предприятия». Усиление в других странах государственного вмешательства в экономику приводит к доказательству нереальности попытки «переделать» или заставить другие страны «воспринять» американскую концепцию «свободы торговли». Советский Союз упоминается как пример страны, которую «мы не можем надеяться обратить в нашу веру». Поэтому Национальный совет приходит к выводу, что «дальнейшая деятельность наших частных предприятий на международной арене больше чем когда-либо потребует сотрудничества правительства и предоставления им права заключать соответствующие международные деловые соглашения»¹.

Разногласия существуют лишь в отношении средств, которые должны быть использованы. Некоторые готовы полностью положиться, по крайней мере в настоящее время, на силу мощных американских трестов, тогда как другие

¹ National Foreign Trade Council, Memorandum on Regulatory Measures Affecting American Foreign Trade, New York, 1944, pp. 3, 9.

хотели бы одновременно использовать в качестве орудия картели, поддержанные правительством. Основная цель — расширение американского контроля над международной экономикой — не вызывает разногласий. Среди представителей американских монополий, включая даже крупнейшие тресты, рассчитывающие на прямое расширение своих собственных корпоративных объединений, а не на картели, никто не отвергает полностью картель. Они это делают лишь тогда, когда им это выгодно в борьбе с системой, находящейся под господством англичан.

Даже Национальная ассоциация промышленников (НАП) смогла объявить на съезде, состоявшемся в конце 1944 г., что «картели противоречат принципу свободной инициативы», а затем перейти к прямой атаке на правительственные «картели и монополии». По терминологии «свободных предпринимателей» это особенно относится к картелям, находящимся под контролем иностранных фирм, и к любой попытке правительства руководить экономикой страны. Однако в литературе, рассчитанной на узкий круг читателей, НАП относится к картелям с должным уважением.

Признавая, что «форма картелей в результате сильного давления может претерпеть в будущем изменения», НАП не проявляет склонности отвергнуть картели как таковые¹. Фактически для НАП отрицание картелей было бы чем-то фантастическим, отрицанием по существу самой НАП, которая главенствует над всей системой торговых ассоциаций в США.

3. «Свобода доступа»

Чаще всего сущность американской внешне-экономической политики характеризуют следующим образом: «Свободный доступ к источникам сырья и рынкам во всем мире». Под этим лозунгом подразумеваются все экспансионистские «свободы». Если Англия пыталась заново создать региональные блоки, в которых она господствовала бы с помощью системы картельного и политического контроля, то Соединенные Штаты не меньше заботились о том, чтобы сохранить

¹ Resolutions of the Convention of the National Association of Manufacturers, The New York Times, December 8, 1944, а также Research Department of NAM, Cartels, mimeographed, New York, p. 11.

региональные блоки, связанные с их собственной программой «свободы торговли».

Межамериканская конференция, состоявшаяся в Мексико в феврале — марте 1945 г., свидетельствует о методах и целях Соединенных Штатов. Чапультепекский акт проектировал создание межамериканской системы, застрахованной от внешне-политического вмешательства. Экономическая хартия Америки пыталась создать экономический блок под исключительным господством Соединенных Штатов. Предложенная Соединенными Штатами и принятая конференцией с некоторыми поправками хартия является по существу декларацией американской политики, полностью отражая экспансионистскую программу монополий. Цель ее — установление в Америке беспорного преобладания «свободной конкуренции», т. е. монополистической системы.

Основной упор как в хартии, так и в сопровождавшей ее резолюции делается на «частную инициативу» и «невмешательство» правительства в экономику. Из десяти принципов, лежащих в основе хартии, шесть посвящены гарантии прав частной инициативы или ликвидации различных ограничений в отношении торговли и капиталовложений. В преамбуле к хартии экономическая свобода, или свобода действий в экономической области, подчеркивается не менее пяти раз. Чапультепекские экономические документы воплощают четыре свободы экспансионизма, хотя в результате оппозиции латино-американских стран они в некоторых местах оказались ослабленными¹.

Поправки, внесенные некоторыми латино-американскими делегациями, отражают в несколько неясной форме оппозицию, которую вызвала эта программа среди профсоюзных и промышленных кругов Латинской Америки. Иначе и не могло быть. Несмотря на готовность некоторых секторов национального капитала сотрудничать в программе капиталовложений на условиях, установленных крупным капиталом, в странах Латинской Америки было широко распространено мнение о том, что беспрепятственная и неограниченная экспансия корпораций США в полукOLONиальной Латинской Америке могла бы оказать губительное влия-

¹ Pan American Union, Final Act of the Inter-American Conference on Problems of War and Peace, Washington, 1945, pp. 90—97

жне на экономическое развитие и политическую независимость этих стран. Организации промышленников Мексики и Кубы решительно критиковали эти документы.

Точка зрения прогрессивных кругов Латинской Америки была наиболее ясно выражена председателем Конфедерации трудящихся Латинской Америки Висенте Ломбардо Толедано. Касаясь хартии и резолюции по вопросу промышленного развития, он указал, что в них ничего не говорится о каких-либо существенных ограничениях инвестиций иностранных капиталов, в то время как «такие бесконтрольные инвестиции являются основным фактором неравномерной и отсталой экономической системы Латинской Америки». Он так обрисовал позицию рабочего движения Латинской Америки:

«Создание законных ограничений для таких капиталовложений должно стать существенной частью программы защиты политической независимости Латинской Америки и борьбы за ее экономическую независимость... Кроме того, в Экономической хартии ничего не говорится о проблеме установления цен на товары, являющиеся основной статьей торговли между полукOLONиальной Латинской Америкой и промышленными странами. Этот вопрос имеет колоссальное значение. Основой эксплуатации Латинской Америки является тот факт, что крупные монополии скупают сырье Латинской Америки по исключительно низким ценам и продают за границей готовые изделия с огромной прибылью.

Конфедерация трудящихся Латинской Америки протестует также против того, что в хартии делается упор на так называемое частное предпринимательство и невмешательство государства в национальную или международную экономику. Одобрение этого тезиса означало бы передачу в руки монополий того оружия, которое им необходимо для уничтожения средних и мелких промышленных и торговых предприятий в Латинской Америке и у себя внутри страны»¹.

Таким образом, монополистическая экспансия за границей, будь то под маской свободы торговли, будь то в виде картелей, неизбежно вызывает в соответствующих странах принятие ряда экономических и политических

мер в качестве защиты от этой экспансии. В зависимости от уровня демократического и прогрессивного движения в той или иной стране и от степени, в которой правительства латино-американских стран действительно отражают нужды и интересы национального развития, в этих странах был установлен различного рода правительственный контроль для защиты национального достоинства и содействия развитию национальной экономики. Там, где этот контроль и установленные ограничения содействуют обеспечению большей национальной независимости, они направлены против империалистического проникновения в данную страну, а также в сторону ограничения свободы действия иностранных монополий и иностранных капиталовложений.

Анализ инвестиций капиталистов США в странах Латинской Америки в период между двумя войнами показывает, как эти капиталовложения привели к однобокому характеру экономического развития латино-американских стран и препятствовали их индустриализации. В 1929 г. 62% всех капиталов было вложено в сельское хозяйство и в добывающую промышленность (в добычу нефти и в горно-рудное дело), а 25% — в коммунальные предприятия и транспорт, большей частью, когда это нужно для перевозки сырья. *В обрабатывающую промышленность было вложено менее 7%.* Иностранный капитал почти полностью используется для разработки источников сырья, необходимых для промышленности Соединенных Штатов и других индустриальных стран и для создания монополии на эти источники сырья.

Предложения же Соединенных Штатов относительно «свободы торговли», столь подробно изложенные в «Экономической хартии Америки», угрожают независимости народов не только латино-американских, но и других зависимых и полузависимых стран, повсюду, где предпринимается попытка навязать эту программу.

АМЕРИКАНСКИЙ МИРОВОЙ ТРЕСТ?

В разных странах американская экспансия принимала разную форму в зависимости от характера встречаемых препятствий, но сущность ее была совершенно ясна. Выявились основные черты программы установления мировой гегемонии, основанной по существу на экономической экспансии монополистических гигантов и поддержанной соответствующим реакционным поворотом в области внешней политики.

Каковы перспективы осуществления американскими монополистами такой программы, при реализации которой немцы потерпели неудачу? Магнаты из «ИГ Фарбениндустри» мечтали о создании германского треста, простирающего свою власть от Одессы до Бордо. Мечта американских монополистов, располагающих сотнями миллиардов долларов, выходит за рамки одного континента и охватывает весь мир. В залах заседаний правлений крупных американских корпораций проектируется создание не менее чем мирового треста.

Во всяком случае это явилось бы «логическим» завершением экспансионистской программы, которая проводится после разгрома держав оси. Может ли такая программа увенчаться успехом? Каковы ее шансы, учитывая опыт истории и современную реальную обстановку?

1. Мировое «планирование» с помощью картелей

В кругах участников картелей много говорят об «организации» или «координации» мировой экономики. Особенное внимание уделялось этому вопросу в Англии. Ярким примером этого является план всемирного альянса, выдвинутый Эдгаром Джонсом. Даже в Соединенных Штатах с их докт-

риной «свободной инициативы») в некоторых кругах высказывалось мнение, что картельная система при различной степени государственного контроля, дополненная межправительственными товарными соглашениями, представляет собой основной путь, по которому должно пойти упорядочение мировой торговли и ослабление экономических конфликтов и кризисов.

Виднейший представитель этого взгляда в Соединенных Штатах профессор Антон де Гаас излагает эту доктрину в статье «Экономический мир с помощью частных соглашений»¹. Его основной тезис заключается в том, что экономическое сотрудничество между странами может быть достигнуто лишь с помощью тщательного планирования и такой формы контроля, при которой экономическая активность частных фирм будет координироваться с «элементами международного сотрудничества». «Стабильность в мире должна быть построена на координации национальных экономических систем».

Единственную возможность избежать национальных ограничений, по мнению профессора, дают картели, базирующиеся в первую очередь на внутрипромышленных соглашениях или на внутреннем картелировании. Для того чтобы на картели не распространялись национальные ограничения и чтобы они могли превратиться в сверхнациональную систему, они должны иметь свои собственные законы. Поэтому де Гаас настаивает на легализации всей системы, на создании подлинного всемирного правительства с собственными судами, включая даже международный картельный суд по образцу международного суда Лиги наций. Таким путем картель становится орудием «международной координации» и будет способствовать «созданию устойчивой мировой экономики, свободной от столкновений различных национальных интересов». Он приводит высказывания одного европейца, придерживающегося таких же взглядов, — д-ра Элемера Хантоса, о том, что мировой картель является «осуществлением принципа мировой экономики, осуществлением принципа экономической соли-

¹ J. Anton de Haas, *Economic Peace Through Private Agreements*. Harvard Business Review, Winter 1944, pp. 139 ff. см. также его же *International Cartels in the Postwar World*, American Enterprise Association, Inc., New York, 1944.

дарности стран перед лицом национальных изоляционистских тенденций»).

По существу то, что де Гаас предлагает, это не что иное, как программа Национальной ассоциации промышленников о «саморегулировании деловой активности» в международном масштабе, к которой добавлена некоторая степень правительственного наблюдения, достаточного для защиты стратегических отраслей промышленности и создания юридической основы для всемирной картельной системы.

Такая теория, конечно, является в корне реакционной. Так, например, де Гаас предусматривает восстановление германского монополистического капитала и его включение в картельную систему, которая будет затем «эффективно бороться с объединенным фронтом русской промышленности»).

Основой всей этой теории является концепция, как объясняет сам де Гаас, заключающаяся в том, что предусмотренная им картельная система стабилизировала бы производство на базе координации существующих производственных возможностей. Неограниченное расширение производства исключается как уже невозможное.

В действительности же развитию экономики препятствует закон монополий. Тресты и картели пытаются преодолеть противоречия капиталистического рынка, искусственно снижая производство таким образом, чтобы оно соответствовало спросу, сохраняя в то же время высокие цены. Прибыльные операции требуют устойчивого выпуска продукции, продаваемой по твердо установленным ценам. Поэтому монополии склонны сопротивляться любым усовершенствованиям или изменениям продукции, которые требовали бы дорогостоящих перемен в промышленности, особенно потому, что нынешняя крупная промышленность связана с большими капиталовложениями и сложными процессами. Усовершенствования, направленные на снижение стоимости производства в целях конкуренции, всячески избегаются. В картельных соглашениях монополии пытаются поэтому обеспечить себе максимальные прибыли путем приведения объема производства в соответствие с существующими производственными возможностями и процессами, а также путем поддержания устойчивых цен, достаточно высоких для компенсации за низкий уровень

продукции. Все капиталистические монополии, даже в период экономического подъема, препятствуют расширению производства. Картели устанавливают этот закон в международных масштабах.

Подобно другим апологетам картелей де Гаас пытается превратить этот порок в добродетель, утверждая, что картели могут ослаблять кризисы путем ограничения производства в соответствии с потребностями рынка, предотвращая таким образом возникновение кризиса перепроизводства. На это, конечно, возлагают надежды все участники картелей и в конечном счете все, кто надеется преодолеть анархию капиталистического рынка с помощью какой-то координации картельного типа.

До некоторой степени картели в той или иной отрасли промышленности способны регулировать производство в зависимости от потребностей рынка, но они могут это делать только в течение ограниченного периода времени, пока они сами являются устойчивыми. Но по своему характеру картели неустойчивы. Они не могут выдержать в течение долгого времени сколько-нибудь серьезных сдвигов в экономических и политических отношениях или неожиданного нарушения мирового рынка. В этих случаях отбрасываются в сторону все соглашения об ограничении производства и цен, и конкурентная борьба между монополиями снова ведет к неограниченному производству. Таким образом, сами картели содействуют возникновению кризиса перепроизводства, поскольку они неустойчивы и являются выражением временного перемирия между конкурентами, каждый из которых ищет возможности добиться перераспределения рынков в свою пользу.

Кроме того, картели также являются жертвами кризиса. Мировой экономический кризис начала 30-х годов повлек за собой крах фактически всех международных систем контроля и реорганизацию большинства картелей, существовавших до 1930 г. Было бы глупо предполагать, что картели могут стать орудием мира в промышленности, тогда как они являются лишь орудием временного перемирия в экономической войне и сами являются подстрекателями и жертвами экономических кризисов. В картелях находят свое выражение конфликты монополистического капитала в мировых масштабах, они отражают существую-

еще в данный момент соотношение экономических сил, представляя собой временную передышку в борьбе, которая должна скоро возобновиться. В силу этого они не могут стать орудиями мирного экономического развития.

Общая проблема, поднятая в наши дни де Гаасом и другими, была поставлена еще в период первой мировой войны теоретиком германской социал-демократии Каутским. В то время Каутский утверждал, что возможен мирный договор между группами финансового капитала отдельных стран для совместной эксплуатации мира.

В 1916 г., еще до русской революции, Ленин дал марксистское решение этого вопроса в своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма»:

«Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были не кратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?»

Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа кроме отрицательного. Ибо при капитализме *не* мыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы обще-экономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; тоже — Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет «мыслимо» ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы в капиталистической действительности, а не в пошлой мещанской фантазии английских попов или немецкого «марксиста» Каутского, — в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав — являются неизбежно лишь «передышками» между войнами.

Мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»¹.

Это место излагает суть вопроса, являясь столь же правильным как для настоящего времени, так и для того момента, когда эта работа была написана. Капиталистическая система не осталась неизменной, как это предполагал Каутский. Победа социализма в России привела к тому, что обширный сектор мировой экономики выпал из орбиты капиталистического развития. После этого стало невозможным даже мыслить о всеобщем союзе трестов и всех империалистических держав, охватывающем весь мир.

2. Акционерное общество «Мировое господство»

Если ограничить рассматриваемую проблему пределами капиталистического мира, который отнюдь не находится в стабильном состоянии, следует отметить, что факторы, о которых Ленин говорил еще до победы социализма, все еще действуют, и эти факторы препятствуют наступлению эры экономического мира. Но вопрос может быть также поставлен по-иному, и он поставлен по-иному доктриной «свободной конкуренции», господствующей в Соединенных Штатах. Если неустойчивость картелей и временное перемирие, которое они несут, препятствуют возникновению «мира в промышленности с помощью частных соглашений», то разве не могут американские тресты организовать капиталистическое мировое хозяйство под господством единой корпоративной системы?

Это не абстрактный вопрос, ибо действительно таково было направление развития, как показала попытка германского империализма завоевать мир; попытка американских монополий подчинить своему господству мировое капиталистическое хозяйство вновь поставила этот вопрос. Американские монополисты выступают под лозунгом «прогрессивной» программы, под лозунгами борьбы с картелями и «свободы торговли». Но существо программы бесспорно: «свобода

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 167—168.

доступа» американского «свободного предпринимательства» означает господство гигантских монополий, распространяющих свое влияние на все уголки капиталистического мира.

По сравнению с картелями и промежуточной формой монополии, концерном, тресты являются самой устойчивой формой монополистического объединения. Процесс большей концентрации производства и централизации собственности и контроля, являющийся характерным для «высшей стадии» капитализма, — это отнюдь не мирный процесс: он возник и развивается как следствие конфликтов и борьбы.

Поэтому вопрос сводится к следующему: возможно ли, что несколько гигантских американских трестов при поддержке огромной экономической мощи американского хозяйства, подкрепленной военной мощью, смогут распространить свое влияние путем устранения или поглощения более слабых, неамериканских монополий, установления своего контроля над другими и навязывания корпоративной системы всему мировому капиталистическому хозяйству? Задолго до того, как будет достигнута поставленная цель, такое развитие превратится в свою противоположность.

Это произойдет в результате противоречий между империалистическими державами и внутри мирового монополистического капитала, анархии капиталистического рынка, противодействия демократических и антиимпериалистических сил в капиталистических и колониальных странах, а также благодаря роли, которую играет Советский Союз в международных делах.

В результате поражения германского и японского империализма, ослабления позиций Англии, Франции и второстепенных империалистических стран для американских трестов возникли новые возможности экспансии. Но американскому империализму не легко завладеть позициями, принадлежавшими ранее конкурирующим империалистическим державам.

Это становится очевидным прежде всего на примере экономического проникновения в Германию и Японию. По мере того как американские монополии захватывают все большую и большую долю в германских и японских объединениях, возрастает их заинтересованность в сохранении монополистическо-капиталистической системы в этих странах. Тенденция к уничтожению потенциальных возмож-

ностей конкуренции этих соперничающих империалистических систем отступает на задний план перед тенденцией сохранить их как орудие американской экспансии. В результате, чем сильнее становится проникновение, тем больше американское вмешательство должно пытаться восстановить экономическую базу и политическую надстройку этих конкурирующих империалистических держав. Хотя цель, возможно, заключается лишь в возрождении их как сателлитов американского империализма, на практике восстановление разжигает старое империалистическое соперничество и противоречия, угрожающие американской гегемонии.

Одним из основных препятствий, с которыми сталкиваются американские экспансионисты в попытке «занять место» германского и японского империализма, является соперничество британских империалистов и держав-сателлитов, сгруппировавшихся вокруг них. Англия сильно ослаблена войной, но она не потеряла способности сопротивляться вторжению американского капитала. Американская экспансия обостряет антагонизм между двумя крупнейшими мировыми империалистическими державами в борьбе за захват большей доли капитала и интересов в побежденных странах и за контроль над ними.

Это соперничество обострилось также в результате прямого давления американского крупного капитала на Англию и ее империю. В честолюбивой программе мирового господства, проводимой Соединенными Штатами, основное внимание уделено цели подчинения главного империалистического соперника.

К числу основных противоречий, подрывающих изнутри экспансионистское движение, относится присущая капиталистическому хозяйству слабость — циклический кризис. Характерной чертой американской экономики является быстрый подъем и стремительное падение, а благодаря руководящей роли Соединенных Штатов в капиталистическом мире это ведет к ускорению и углублению мирового экономического кризиса. Тенденция Соединенных Штатов способствовать созданию еще большей неустойчивости мирового капиталистического хозяйства усиливается при каждом новом расширении американских интересов за границей, приводящем к тому, что экономика других стран

оказывается теснее связанной с американской экономикой. В то время как кризис усиливает империалистическую борьбу за новые рынки и сферы влияния, экспансия за границу, являющаяся следствием этого, приводит в свою очередь к обострению межимпериалистических противоречий, создавая в то же самое время элементы нового кризиса.

Еще более важное значение, с точки зрения антиимпериалистического движения, имеют политические следствия американской экспансии.

В настоящее время, в противоположность раннему периоду империалистической экспансии, американская экспансия происходит в условиях хронического международного политического кризиса и в момент, когда демократические и антиимпериалистические силы достигли большей зрелости и значительно лучше организованы. Кроме того, она развивается в такой исторический момент, когда окрепшие в ходе всемирной освободительной войны демократические силы, в особенности в Европе и Азии, стремятся заполнить «пустоту», возникшую в результате поражения германских и японских империалистов. Вопрос о том, кто одержит верх, уже не является по преимуществу исключительно межимпериалистическим делом, как это было раньше.

Советский Союз, социалистическая система которого находится вне орбиты монополистического капитализма, играет огромную роль в предотвращении восстановления германского империализма и в противодействии империалистическому проникновению как в Европу, так и в Азию. Его международные политические позиции значительно усилились в результате войны, а послевоенная политика мира, проводимая Советским Союзом, вдохновляет демократическое и колониальное освободительное движение во всем мире. Наряду со своей антифашистской политикой и политикой обеспечения международной безопасности СССР стремится также установить более широкое экономическое сотрудничество с другими странами, в особенности со своими соседями. Это помогает поддерживать независимые мероприятия, проводимые странами новой демократии в целях восстановления и развития своей экономики.

В результате победы демократического движения из сферы влияния империализма выпали новые обширные

районы в Европе и Азии. Антифашистское движение в освобожденной Европе и освободительное движение в колониях, в особенности в Азии, создает новые политические барьеры проникновению монополистического капитала.

Участники американского «крестового похода» пытаются обойти эти барьеры иногда с помощью мирных методов уступок и приспособления, иногда путем прямого вмешательства, но их экспансионистской активности все больше препятствуют демократические силы, действия которых направлены на ликвидацию вмешательства трестов и империализма в целом в экономику.

Кроме того, экспансия вызывает движение новых антиимпериалистических сил в колониальном мире — в Латинской Америке, в Азии, в Африке и на Среднем Востоке, с другой стороны, она вызывает оппозицию народов в капиталистических странах. Экспансия сопровождается тенденцией к установлению политического союза между Соединенными Штатами и самыми отсталыми и реакционными силами в других странах. Если, например, хотят сохранить империалистическую систему в Германии и Японии, то ищут поддержку нефашистских и реакционных сил в этих странах против демократических тенденций народа. Если основная цель американской политики в Китае заключается в обеспечении господствующего влияния Соединенных Штатов и беспрепятственных возможностей для экономического проникновения, то в этом случае устанавливают союз с феодально-реакционными силами, сгруппированными в высших кругах гоминдана. Если в Латинской Америке основная цель заключается в обеспечении полной гегемонии северо-американского финансового капитала, то в политической области Соединенные Штаты пытаются поддерживать феодальные и реакционные силы, выступающие против индустриализации, аграрной реформы и демократического развития. Если в Юго-Восточной Азии главной целью американской политики является захват большей доли контроля над ресурсами и рынком, то в этом случае Соединенные Штаты должны поддерживать колониальную систему, даже если это означает спасение Британской, Французской и Голландской империй. Непосредственным следствием этого является возникновение антифашистского и освободительного движения, борю-

щегося против колониальной системы а также против Соединенных Штатов.

Таким образом, экспансионистское движение приводит к обострению международного политического кризиса, в некоторых случаях к стимулированию гражданской войны, а в общем к усилению всех элементов неустойчивости капиталистического мира. Это в свою очередь оказывает влияние на внутреннее положение в самих Соединенных Штатах, ибо такое развитие событий препятствует послевоенной стабилизации и задерживает ее, уменьшая те возможности, которые могут существовать для восстановления мирового рынка, и усиливая опасность, являющуюся результатом губительного экономического кризиса.

Не последнее значение имеют политические трудности, возникшие в Соединенных Штатах и во всем мире в результате отказа от программы послевоенного сотрудничества с СССР и с другими союзниками военного времени. Вступление Соединенных Штатов на путь империалистической политики экспансии сразу же после разгрома держав оси подорвало основу мира и привело к возникновению опасности новой войны. Сопротивление американского народа политике, поощряющей фашистские силы во всем мире и угрожающей миру, завоеванному с таким трудом, само по себе становится важным препятствием в проведении программы экспансии.

Несмотря на все внутренние слабости и противоречия американской экспансии, было бы верхом безумия недооценивать силы, стоящие за ней, или опасность, которую она собой представляет. Нельзя успешно бороться с этим движением, если направление его развития не будет ясным. Экспансионистский «крестовый поход» развивается не по прямой и непрерывной линии; противоречия и мощные противоположные течения могут привести к периоду относительного мира. Но такой период является лишь передышкой, которую должны полностью использовать американский рабочий класс и демократические силы для укрепления своих позиций внутри страны. Политика правительства, как внутренняя, так и внешняя, будет и в дальнейшем служить интересам экспансионистской программы, если вмешательство этих сил не будет возрастать.

3. «Прогрессивный империализм»

Некоторые пытаются представить американский монополистический капитализм или империализм как более «прогрессивный», чем британский. Конечно, в каждой стране империализм имеет свои особенности, но вряд ли можно говорить о «более прогрессивном» или «менее прогрессивном» империализме. Как американский, так и британский империализм реакционны. Сам термин «прогрессивный империализм» включает в себе противоречие.

В той мере, в какой империалистическое экономическое проникновение ведет к включению в мировой рынок всех, даже наиболее отсталых в экономическом отношении народов, к развитию капиталистических предприятий в полуфеодальных или колониальных районах, можно сказать, что империализм способствовал росту некоторых исторически прогрессивных тенденций. Эти тенденции заключаются в появлении современного пролетариата, в ослаблении докапиталистической или феодальной системы производства и в росте капиталистических форм производства.

Не следует упускать из виду существующие между разными империалистическими державами различия, которые являются следствием их исторического развития, и политических отношений в стране, а также особенностей их международного положения.

Между американской и британской экспансией имеется ряд различий в методах. Англия цепляется за свою колониальную монополию, созданную уже давно, когда британский капитализм занимал господствующие в мире промышленные и финансовые позиции. Благодаря наличию обширной колониальной империи Англия имела большую долю на мировых рынках, владела богатыми источниками сырья во всем мире и могла распространять дальше свою экономическую и политическую экспансию во второстепенные империи, полуколониальные страны, а также в более крупные капиталистические страны. Международные позиции Англии в такой степени зависят от сохранения империи, в частности колоний, что Англия проводит в отношении колониальных народов особенно репрессивную политику.

К тому моменту, когда Соединенные Штаты выступили на мировую арену как совершенно независимая и высоко развитая капиталистическая страна, большая часть колоний уже была захвачена другими, более старыми империалистическими державами. Вплоть до конца XIX в. американский капитализм все еще переживал стадию внутреннего развития, стремясь выйти из-под финансовой зависимости от британского капитала и преодолеть иностранную конкуренцию на внутреннем рынке. К этому времени он уже создал огромные внутренние ресурсы и богатейший рынок в мире. Когда американский империализм обратился к внешней экспансии, ему пришлось столкнуться с тем, что колонии и сферы влияния в основном были уже монополизированы. Однако кое-что еще можно было сделать, и на ранней фазе экспансии Соединенные Штаты приобрели небольшую колониальную империю с помощью методов, подобных тем, которые применяли другие империалистические державы.

Благодаря обилию внутренних ресурсов, наличию современной высокоразвитой промышленности и сравнительному богатству внутреннего рынка американский монополистический капитал в первой половине XX в. не считал необходимым настаивать на переделе колоний и создании своей собственной колониальной империи. Не отвергая прямых методов колониального угнетения в тех случаях, когда это было необходимо, американские империалисты в первую очередь пользовались косвенным методом экономического и политического проникновения в существующие колониальные империи и сферы влияния. Так, например, в собственной сфере влияния в Латинской Америке американские империалисты использовали для закрепления своей гегемонии любые репрессивные мероприятия, включая вооруженную интервенцию. Но в целом после первых колониальных захватов прямая территориальная экспансия стала играть явно второстепенную роль в американской империалистической экспансии. В частности, когда после первой мировой войны американское экономическое превосходство твердо закрепилось, экспансия приняла форму преимущественно экономического проникновения, сопровождающегося союзом с реакционно-феодалными силами в полузависимых странах (как, например, в Латинской

Америке и в Китае). В области внешней политики это выразилось в доктринах «открытых дверей» и «свободы доступа», а также в антиколониальном характере официальной пропаганды, уживавшейся с фактом колониального угнетения в Порто-Рико и на Филиппинах.

Практически американское экономическое проникновение в другие страны мало чем отличалось от проникновения любой другой империалистической державы. Как в колониях, подобно Порто-Рико и Филиппинам, так и в полувисимых районах, подобно Латинской Америке, проникновение Соединенных Штатов приводило к монополизации сырья, замедлению промышленного и демократического развития и к поддержке самых отсталых экономических и политических сил. В этом отношении между английской и американской экспансией нет коренных различий.

Помимо различий в колониальной политике, в развитии двух крупных империалистических держав можно обнаружить еще одно важное различие. Это было проанализировано Лениным в период первой мировой войны. Указав на рост держав-рантье, или ростовщиков, живущих преимущественно за счет дивидендов или экспорта капитала, и на возникновение класса людей, живущих «стрижкой купонов», Ленин отметил, что общая тенденция к загниванию не исключает быстрый рост капитализма в отдельных странах и отдельных отраслях промышленности, тогда как в других тенденция к загниванию выражена более резко. В момент создания своего труда «Империализм, как высшая стадия капитализма», Ленин считал, что в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде. «... но этот рост, — писал он, — не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»¹.

Как мы уже видели, тенденция к загниванию в Англии стала еще более явной в период между двумя мировыми войнами. Паразитическая жизнь за счет империи в значительной степени объясняет сравнительную отсталость британской экономики.

Вплоть до второй мировой войны и в период этой войны американская экономика все еще проявляла тенденцию

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 172.

к расширению и к сохранению превосходства над всеми другими странами не только по объему продукции, но и по эффективности производства. Это не означает, что одновременно не ощущался процесс паразитизма и загнивания американской экономики. Этот процесс стал еще более явным в результате усиливавшегося господства монополий и экономической экспансии за границей после первой мировой войны. Тем не менее американский империализм сохранил способность к энергичной экспансии и большую способность маневрировать как внутри страны, так и за границей, чем любая другая империалистическая держава.

Эти две отличительные черты—по линии колониальной политики и относительная экономическая жизнеспособность—придали американскому империализму некоторую видимость либерального характера, когда он проникал в сферы влияния своих конкурентов или в существующие империи. Опираясь на свои огромные преимущества, возникшие благодаря наличию эффективной и сильно развитой промышленности, а также ввиду огромного накопления капитала в период первой мировой войны и после нее, американские экспансионисты приняли доктрину «свободной конкуренции» и «свободной торговли» (хотя и сохраняя свои высокие тарифы), утверждая, что они требуют от своих конкурентов лишь возможности конкурировать с ними на равной основе во всем мире.

Во время войны, поскольку Соединенные Штаты вели, по существу, оборонительную войну против фашистской оси, даже некоторые самые ревностные антифашисты в Америке были склонны проглядеть специфически империалистические цели, которых одновременно добивалась Америка. Военный патриотизм антифашистов имел тенденцию слиться с военным патриотизмом спекулянтов, а энтузиазм народа в борьбе за справедливое дело — с энтузиазмом империалистов, видевших новые возможности экспансии, открывавшиеся в связи с поражением Германии и Японии. Благодаря огромной популярности президента Рузвельта в рабочих и прогрессивных кругах, явившейся результатом его внутренней программы Нового курса, антимюнхенского направления его довоенной внешней политики и его роли в военное время как одного из лидеров коалиции, многие не замечали, что «великие свободы» яв-

ляются лишь прикрытием экспансионистской программы. Все это способствовало возникновению атмосферы либерализма, сопутствовавшей всем американским мероприятиям в области внешней политики.

Помимо этих моральных и политических факторов, события, развернувшиеся в период довоенного политического кризиса, и самая война содействовали возникновению духа компромисса, уступок и приспособления. Политика «добраго соседа» в отношении Латинской Америки, поворот к сотрудничеству с Советским Союзом, общий упор на мирные и косвенные методы экономического проникновения, а не на агрессивные мероприятия явились следствием целого ряда связанных друг с другом факторов. Самым важным, пожалуй, были многочисленные осложнения, возникшие для Соединенных Штатов в результате быстрого подъема Германии и Японии и их агрессивной политики в период, когда Соединенные Штаты еще не оправались полностью от экономического кризиса 30-х годов и не были готовы состязаться с другими державами в военном отношении. Рост воинствующего профсоюзного движения внутри страны в результате экономического кризиса, усиление антиимпериалистического сопротивления в Латинской Америке и во всем колониальном мире, а также успехи социализма в Советском Союзе, ставшем державой мирового значения, явились дополнительными мотивами, побуждавшими к проведению политики компромиссов в момент, когда внутреннее и международное положение Америки было весьма затруднительным. Как указывалось выше, Соединенные Штаты превратились в первоклассную мировую державу лишь в период второй мировой войны и после нее.

Кризис, вылившийся в мировую войну, создал также определенные настоятельные потребности в области военной мобилизации. Американские материалы, отправлявшиеся по ленд-лизу, не только представляли собой помощь военным усилиям союзников, но и содействовали индустриализации некоторых колониальных и полузависимых стран, как, например, Австралии и Бразилии, и до некоторой степени даже Индии. Хотя общим результатом мобилизации материалов и ресурсов в Латинской Америке явилось усиление в экономике этих стран роли добывающих отраслей промышленности и более тесная связь Латинской Америки

с экономикой Соединенных Штатов, тем не менее под давлением военной необходимости были сделаны некоторые серьезные уступки развитию народного хозяйства в этих странах. Создание нескольких металлообрабатывающих заводов в Мексике и крупного сталелитейного концерна в Бразилии, принадлежащих совместно национальному и североамериканскому капиталу, явилось значительным отходом от традиционной империалистической политики. Точно так же правительственные займы, предоставленные ряду латиноамериканских стран для развития народного хозяйства, почти не сопровождались обычными ограничениями и оговорками. Это были лишь временные уступки, вызванные войной, которые не могли изменить основной политики экономической экспансии, как это стало ясно на Межамериканской конференции в Мексико в конце войны.

Некоторые утверждают, что стремление американского монополистического капитала завладеть позициями соперничающих империалистических держав является «прогрессивным», так как американский империализм сменяет старый и более реакционный империализм других стран. Этот аргумент следует рассмотреть в связи с картельной и колониальной системами, поскольку именно в этих двух областях американская программа выглядит «либеральной» и «прогрессивной» по сравнению с английской.

На первый взгляд может показаться, что упор, который делают американцы на разрыв с картельной системой и который соответствует стремлению трестов расширить свою долю на мировом рынке, будет успешно содействовать уничтожению германского монополистического капитала. С другой стороны, ориентация англичан на восстановление и расширение картельной системы, включая германские картели, оказывает противоположное действие. И все же американские монополисты скорее, чем английские, могут восстановить базу германского империализма. Но пока что, пытаясь предотвратить возрождение довоенной картельной системы с целью ограничить участие англичан в германской экономике, американцы стремятся расширить свои прямые интересы в германской промышленности по линии, уже установленной до второй мировой войны. Располагая огромными ресурсами, американские

империалисты могут добиться большего успеха с помощью избранного ими метода, чем английские картельные магнаты со своим методом.

В самом деле, кто отважится сказать, что является более «прогрессивным» — новая корпоративная система в Западной Европе под господством американских трестов, англо-франко-германская картельная система с участием американцев в основном через немецкие тресты или англо-американо-германская картельная система под властью американских монополистов? И все же теоретически это единственно возможные варианты, если вопрос будут решать только магнаты финансового капитала, т. е. без участия демократических сил.

Американское экономическое проникновение в Британскую и другие империи ясно наметилось до второй мировой войны и идет теперь быстрыми темпами. Не следует думать, что прямые территориальные захваты не станут играть большей роли в американской политике наряду с экономической экспансией. Экономическое проникновение во все уголки капиталистического мира порождает параллельное движение за получение стратегических преимуществ в форме баз и других территориальных приобретений. Позиции, завоеванные в войне, как-то: колониальные и мандатные территории, стратегические воздушные и военно-морские базы или другие базы, созданные в период войны, которые могли бы быть использованы для торговых или политических целей, не будут так просто отданы без каких-либо компенсаций.

К моменту окончания войны это соображение уже играло серьезную роль в американской политике; об этом свидетельствуют такие факты, как аренда на длительный срок баз в Британской Вест-Индии, Ньюфаундленде и других районах, переговоры о сохранении баз во многих частях Латинской Америки, в Африке и на Среднем Востоке, а также бесспорное намерение Соединенных Штатов удержать под своим контролем острова, захваченные у японцев на Тихом океане, как часть транстихоокеанской сети, включая также особые права и базы в английских, французских и голландских владениях, а также на Формозе, в Корее и других местах Азиатского материка.

Политика, установленная в предшествующий период, имеет тенденцию сохраниться даже в том случае, если условия, породившие ее, уже в значительной мере исчезли. Таким образом, многие черты политики Рузвельта находят свое отражение в послевоенных программах. Но поскольку Соединенные Штаты занимают новую позицию господствующей державы капиталистического мира и поскольку они все более активно действуют в этой роли, следует ожидать важных изменений в политике. В конце концов, в американской политике в отношении колониальной системы появилась новая тенденция. Предложение об установлении коллективной опеки, выдвинутое Рузвельтом и его сторонниками как средство уничтожения старой колониальной системы, уже уступило место противоположной тенденции. Когда после поражения Японии в колониях возникли восстания, Соединенные Штаты оказали поддержку англичанам и другим колониальным державам в их усилиях сохранить старую колониальную систему. Насколько успешными будут эти усилия, покажет будущее.

Когда Советский Союз заявил о своем намерении принять участие в опеке над колониями, установленной под эгидой Организации Объединенных Наций, и даже взять на себя ответственность за отдельные колонии, американское правительство сразу же охладело к предложению об опеке. Вместо этого в американской политике начала выявляться явная тенденция к принятию английского предложения об установлении совместного и исключительно англо-американского наблюдения над некоторыми колониальными районами. В соответствии с программой принятия Англии в качестве младшего партнера в новой фазе американской империалистической экспансии Соединенные Штаты, весьма возможно, станут наряду с Англией правителем колониального мира, конечно, в том случае, если это позволит сам колониальный мир.

Экспансионисты надеются использовать позицию Соединенных Штатов как мощного кредитора. Займы являются гибким орудием, в особенности в мире, истощенном и ослабленном в результате войны. А Соединенные Штаты проявляют намерение использовать свою способность предоставлять кредиты как средство вырвать политические

и экономические уступки. Опыт периода, следовавшего за революцией и гражданской войной, ясно показал, что от СССР нельзя ждать политических уступок в обмен на заем. С другой стороны, после второй мировой войны стало совершенно ясно, что американский заем Советскому Союзу был бы в одинаковой степени выгоден и США, предоставив им большой и надежный рынок для продукции их чрезмерно разросшейся промышленности.

В некоторых деловых кругах отмечалась известная тенденция в пользу предоставления СССР государственного займа, но одновременно усилилась другая тенденция—империалистическая политика займов по отношению к освобожденным европейским странам и Англии. Что касается стран Восточной Европы, то нежелание признать их до тех пор, пока в их политике не произойдет перемена, отвечающая интересам Америки, скрывало за собой угрозу полного экономического бойкота. В отношениях с Англией широкая кредитоспособность Америки была использована как главное оружие в борьбе за большие экономические уступки американскому монополистическому капиталу в английской сфере влияния. Наибольшая угроза заключается в том, что империалистическая политика займов передаст огромные ресурсы Соединенных Штатов в распоряжение международного антисоветского блока, базирующегося на англо-американском объединении.

Страны, больше всего пострадавшие от агрессии держав оси, а также сравнительно отсталые, полузависимые страны испытывают нужду в экономической помощи. Эта помощь могла бы быть оказана Соединенными Штатами. Но либеральный налет на американской экономической политике с ее упором на свободное предпринимательство и ликвидацию торговых и других барьеров, ограничивающих свободу экспансионистов, не может скрыть от правительств демократических стран Европы или полузависимых стран подлинную сущность американской политики. Вот почему эти страны так настаивают на сохранении ограничений, барьеров и правительственного контроля, которые смогут охранить их народное хозяйство, внутренние ресурсы и политический суверенитет от господства иностранных монополистических групп и стран.

Они хотели бы избежать, насколько это возможно, жертв, связанных с попытками восстановления и развития экономики исключительно с помощью своих собственных ресурсов, и поэтому они стремятся получить техническую, экономическую и финансовую помощь, которую им могут предложить Соединенные Штаты. Но если они не будут настаивать на том, чтобы американская помощь предоставлялась на таких условиях, которые позволили бы им сохранить свой суверенитет и полный контроль над всей иностранной экономической деятельностью в стране, они окажут этим плохую услугу своему собственному народу и тем самым повлекут демократическое движение назад. История показала, что новые демократические страны могут успешнее всего обеспечить **социальный прогресс** в том случае, когда они базируют свое развитие на твердом контроле своих ресурсов и промышленных предприятий и на стимулировании полного расцвета созидательной энергии своего народа. Коренные социальные реформы, проведенные новыми демократическими режимами освобожденной Европы, так же как уничтожение крупных земельных поместий и национализация промышленности в демократическом духе, создают новые возможности развития. Наряду с экономическим сотрудничеством с Советским Союзом это поддерживает новые демократии и делает их менее зависимыми от американских займов.

Такова оборотная сторона четырех экспансионистских «свобод», индустриализации, базирующейся на трестифицированном «свободном предпринимательстве», экономического проникновения за границей, наносящего ущерб независимости и свободе освобожденных стран. Американский народ должен это понять так же ясно, как это понимают демократические и антиимпериалистические силы за границей, если американские рабочие и антифашисты не хотят превратиться в невольных участников экспансионистской программы.

Попытка распространить американскую корпоративную систему на весь мир не имеет ничего прогрессивного. Такое развитие событий не может происходить в течение длительного времени без того, чтобы не обострить межимпериалистический конфликт, не породить соответствующую реакционную политику внутри Соединенных Штатов

и не содействовать возникновению мощных оппозиционных сил как в стране, так и за границей. Теоретическая концепция, согласно которой такое направление событий может завершиться созданием широкой международной корпорации, является опасной иллюзией. Невозможность этого начертана крупными буквами на развалинах гитлеровской Германии, которая использовала другую технику и другие лозунги, но преследовала ту же цель.

СССР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

В период второй мировой войны Советский Союз стал играть основную роль в международной политике. Благодаря своему решающему участию в разгроме нацистской Германии и многолетней борьбе с империалистическим угнетением Советский Союз пользуется огромным политическим престижем среди народов освобожденной Европы и колониальных стран. Возросло его моральное и политическое влияние среди народов всего мира.

Из державы, которую пытались изолировать, насколько это было возможно, от международных дел, СССР за короткий промежуток в несколько лет превратился в признанную великую державу мирового значения. Старое окружение, существовавшее в межвоенные годы, продуктом и аванпостом которого была нацистская Германия, не могло быть уничтожено без расширения в то же время масштабов участия СССР в международных делах. Нет такой серьезной проблемы мира, на решении которой не отразилось бы влияние Советского Союза.

Кроме того, позиции СССР как в Европе, так и в Азии укрепились в результате разгрома держав оси и политических изменений, порожденных войной.

На европейском континенте от Балтийского до Черного моря, в Азии от Японского до Каспийского моря, обширная «пограничная» зона между Советским Союзом и капиталистическими странами уже не является антисоветским буфером.

Взаимоотношения Советского Союза с соседними странами и с крупнейшими капиталистическими державами благодаря его новой международной позиции стали еще в большей степени, чем в межвоенный период, стержнем всех международных отношений.

Советская внешняя политика

Советская внешняя политика всегда была политикой мира. Это и не может быть иначе, поскольку советская внешняя политика покоится на социалистической основе. Внутренние источники реакции и агрессии исчезли с ликвидацией эксплуатации человека человеком. Подвергшись нападению, социалистическая система доказала свою полную способность эффективно обороняться. Социалистическая система оказалась в состоянии принять необходимые предварительные меры для обеспечения безопасности против агрессивной державы, нанести ответный удар, перенести войну на территорию агрессивной страны и полностью развить военную стратегию наступления так же, как и обороны. СССР обладает мощными вооруженными силами и огромным военно-промышленным потенциалом, базирующимся на последних достижениях техники и науки. Но история социалистической системы — с самого ее зарождения, формирования и вплоть до периода Великой Отечественной войны против держав оси — показывает, что социализм лишен всех факторов, ведущих к агрессии. Советский Союз — единственная держава в мире, не являющаяся агрессивной ни на практике, ни в потенции.

В прошлом некоторые пытались объяснить это слабостью Советского Союза, но и после второй мировой войны, когда Советский Союз стал одной из двух величайших мировых держав, основа внешней политики Советского Союза не изменилась. Перед войной, в марте 1939 г. И. В. Сталин изложил следующие моменты советской внешней политики:

«1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

4. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ¹.

В первом обширном докладе о позиции СССР после разгрома держав оси Молотов так определил основную задачу советской внешней политики:

«Советский Союз всегда ставил на первое место заботу о мире и сотрудничестве с другими странами на пользу всеобщего мира и развития деловых международных отношений. Пока мы живем в «системе государств» и корни фашизма и империалистической агрессии окончательно еще не выкорчеваны из земли, наша бдительность в отношении возможных новых нарушителей мира не должна ослабеть, а забота об укреплении сотрудничества миролюбивых держав будет, как и раньше, нашей важнейшей обязанностью»².

История показывает, что таковы руководящие принципы советской политики не только на словах, но и на деле. Для того чтобы показать замечательную последовательность советской политики мира, достаточно напомнить о ведущей роли Советского Союза в 30-х годах в борьбе за установление коллективной безопасности и в борьбе против политики Мюнхена и умиротворения, о главной роли СССР в создании коалиции военного времени и его настойчивых требованиях установления единства Большой тройки в интересах закрепления мира. Для послевоенного периода особое значение имеет тот факт, что эта внешняя политика проводится Советским Союзом — державой мирового значения, и что эта политика становится все более действенной по мере все большей консолидации социализма и усиления советского государства.

Последовательная антифашистская политика, политика защиты международной безопасности вытекает из основных

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 574.

² М о л о т о в, 28-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1945 г. Госполитиздат, 1945, стр. 28, 29.

государственных интересов Советского Союза на нынешней стадии международного развития. В своей внешней политике советское правительство прежде всего и больше всего заботится о том, чтобы обеспечить безопасность социалистической страны в мире, который остается по преимуществу капиталистическим. Советский Союз занимает столь обширную территорию и так расположен географически, что его интересы безопасности имеют международное значение. С точки зрения простой защиты своих границ от агрессии Советский Союз должен иметь дело по крайней мере с десятком стран, непосредственно граничащих с ним, не считая стран, занимающих стратегические позиции на коммуникационных линиях между Советским Союзом и остальным миром. Помимо этого, развитие техники во всех областях и тесные взаимосвязи всего капиталистического мира превратили Советский Союз в политическом отношении в соседа всех других крупных держав.

Основывая свою внешнюю политику на поддержании дружественных отношений с крупными мировыми державами и предотвращении возникновения враждебной антисоветской коалиции между ними, Советский Союз одновременно предпринимал другие шаги для обеспечения своей непосредственной безопасности в Европе и в Азии. Нисколько не скрывая свою заинтересованность в безопасности своих границ, советская политика подчеркивает необходимость дружественных отношений с соседями СССР для того, чтобы положить конец политике антисоветского кордона, столь характерной для капиталистических держав в довоенный период. Разгром Германии и Японии привел к ликвидации двух основных баз фашизма и агрессии, хотя опасность возрождения этих держав как агрессивных стран ни в коем случае не устранена. На международной арене, в частности в своих взаимоотношениях с Соединенными Штатами и Англией, Советский Союз стремится предотвратить такое положение, при котором крупные державы-победительницы использовали бы против него Германию и Японию. В то же время политика, проводимая СССР в отношении своих соседей, добивается установления общей региональной безопасности против агрессии со стороны Германии, Японии или какой-либо другой агрессивной империалистической державы.

В этом отношении позиции СССР теперь полностью отличаются от его позиций после первой мировой войны. В то время главной необходимостью было разгромить и уничтожить контрреволюцию и иностранную интервенцию, возможно быстрее восстановить народное хозяйство, а также отстоять независимость советского государства в атмосфере враждебного окружения. После второй мировой войны перед Советским Союзом встала задача укрепить возникшее во время войны сотрудничество с другими миролюбивыми крупными державами, предотвратить возможность своего отстранения от участия в урегулировании международных дел и не допустить консолидации новых враждебных блоков. Никогда за всю свою историю Советский Союз не придерживался изоляционистской политики; наоборот, он стремился преодолеть ту изоляцию от международных дел, которая была навязана ему капиталистическими державами. И одним из важнейших следствий второй мировой войны является активная роль Советского Союза во всей международной дипломатии и международных делах, роль, от которой СССР не намерен отказываться.

В результате войны Советский Союз улучшил также свои стратегические позиции, возвратив многие территории, отторгнутые вследствие интервенции в начале 20-х годов. Он вернул себе также некоторые пункты, важные для обеспечения его безопасности, принадлежавшие ранее России. Было совершенно очевидным, что такая советская политика мотивировалась не желанием захвата территории или экспансии, а в первую очередь соображениями безопасности и стремлением воссоединить национальные группы, отделенные искусственными антисоветскими границами, установленными в результате интервенции.

Так, три прибалтийские республики, насильственно отделенные от России и все больше превращавшиеся в межвоенные годы в германские провинции, вернули свою независимость как советские республики и воссоединились с СССР. Стратегические позиции СССР на Балтике еще более улучшились благодаря включению в его состав Кенигсбергской провинции, что также дало Советскому Союзу незамерзающий порт. Ленинградский район получил дополнительную защиту в результате восстановления

финско-советской границы 1940 г. — мероприятие, явно преследовавшее цель обеспечения безопасности, как это показала оборона Ленинграда во время Великой Отечественной войны. Положение СССР на Балтике также укрепилось в результате передачи СССР в аренду военно-морской базы Порккала-Удд на территории Финляндии. Подступы на Севере были защищены путем возвращения Советскому Союзу района Петсамо.

Подобно Финляндии, Польша также в свое время была частью Российской империи. В результате установления новых польско-советских границ Белоруссия и Украина вновь обрели земли, населенные белоруссами и украинцами, которые были отторгнуты от Советского Союза довоенным империалистическим польским государством. В то же время поляки сохранили свое независимое государство, которое значительно расширилось на запад путем возвращения Польше исконных польских земель. На основе договора с Чехословакией Закарпатская Украина стала частью Советского Союза, что впервые привело к воссоединению всего украинского народа в Украинской республике. Бессарабия, аннексированная Румынией во время первой мировой войны, была воссоединена с СССР.

Позиции СССР на Дальнем Востоке укрепились в связи с возвращением Южного Сахалина и Курильских островов, а также переходом Китайской Чанчуньской железной дороги в общую собственность СССР и Китая и восстановлением советских прав на районы Порт-Артура и Дальнего.

Эти мероприятия по обеспечению безопасности должны рассматриваться в свете того серьезного внимания, которое Советский Союз уделяет созданию международной системы безопасности, где СССР разделял бы полную ответственность и руководство с Соединенными Штатами и Англией. Больше того, они должны быть рассмотрены в свете советской внешней политики в целом. Политика по обеспечению безопасности и общая политика неотделимы друг от друга. Каждая крупная держава ведет свою региональную политику безопасности в том смысле, что она стремится обеспечить безопасность своих границ. Но очень часто политика региональной безопасности используется крупными капиталистическими державами лишь как орудие империалистического проникновения или агрессии, как это имеет

место с межамериканской системой или Западным блоком, о создании которого заговорили в конце войны. Подлинный характер внешней политики, помимо прочего, выражается в позиции великой державы в отношении малых и более слабых стран и в особенности в отношении своих соседей. Характер внешней политики определяется тем, содействует ли она войне или миру; столь же важным показателем является тот факт, поощряет ли она фашизм и реакцию, или демократию и прогресс. Так, примером реакционной политики является вся антисоветская система «безопасности», установленная и поддерживавшаяся западными державами в Европе в межвоенные годы. Режимы антисоветского кордона опирались на феодальные и самые реакционные силы европейского общества, именно на те элементы, которые создали фашистские или полуфашистские государства, как сателлиты гитлеровской Германии. С другой стороны, новые послевоенные режимы в Восточной Европе, дружественно расположенные к Советскому Союзу, возникли в результате освободительного движения и базируются на демократических и антифашистских силах.

В широком историческом смысле лучшей безопасностью для Советского Союза является социалистическое окружение, т. е. мир, в котором преобладал бы социализм. Но было бы неверно приходить на основе этого исторически правильного обобщения к выводу, что Советский Союз может или намерен советизировать весь мир. Утверждение подобного рода является совершенно неверным и обычно используется в качестве пропагандистского оружия в интересах антисоветского «крестового похода».

Советская система является продуктом внутреннего развития, результатом социалистической революции и ее нельзя навязать извне.

Известно, что после второй мировой войны, когда Советская Армия полностью или частично оккупировала девять капиталистических стран Европы, Северный Иран на Среднем Востоке и Маньчжурию и Северную Корею на Дальнем Востоке, не было предпринято никакой попытки навязать этим странам советскую систему. Это — исторический факт, который не могут скрыть дикие заклинания фашистов и реакционеров всех мастей. Существование советской оккупационной политики как в Европе, так

и в Азии заключалось в обеспечении полного разоружения противника и ликвидации фашистских и агрессивных сил и в поощрении в то же время реконструкции антифашистскими и демократическими силами своих стран на прогрессивной основе. Наряду с этим Советский Союз использовал свое положение по отношению к другим крупным державам-победительницам для того, чтобы настаивать на полной демилитаризации вражеских держав и для защиты демократических достижений освобожденных народов. Сила советской политики заключается именно в признании и поощрении демократических сил. Излагая основы советской позиции в отношении Европы после разгрома Германии, Молотов сказал:

«Надо еще немало сделать, чтобы обеспечить правильное выполнение Крымской декларации. Однако нет сомнения, что при всех отрицательных последствиях, война с фашизмом, закончившись победой, во многих отношениях способствовала тому, чтобы очистить политический воздух в Европе и открыть новые пути для возрождения и развития антифашистских сил, как никогда в прошлом»¹.

Настаивая на установлении совместного контроля союзников над Германией и Японией как мероприятии, необходимом для предотвращения возрождения в этих странах агрессивных тенденций, Молотов подчеркнул также необходимость не мешать развитию и прогрессу этих стран как демократических государств. Говоря о бывших фашистских и полуфашистских государствах, ставших ныне на путь демократических преобразований, он указал, что нужно укрепить демократические принципы и содействовать их внедрению. Молотов отметил, что в ряде восточно-европейских стран «проведены такие коренные социальные реформы как ликвидация отжившего свой век помещичьего землевладения с передачей земли малоимущим крестьянам, что подрывает былую опору реакционно-фашистских сил и стимулирует подъем демократического и социалистического движения в этих странах». «В некоторых государствах, указывал Молотов,

¹ Молотов, 28-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1945 г. Госполитиздат, 1945, стр. 16.

теперь поставлены в порядок дня такие важные экономические реформы, как национализация крупной промышленности, 8-часовой рабочий день и др., что вносит новый дух и уверенность в растущие ряды демократического движения в Европе и за пределами Европы»¹.

Таким образом, ни в политических декларациях, ни на практике Советский Союз не пытается навязать социалистической строй побежденным или освобожденным странам. Возникновение новых демократий является неизбежным результатом борьбы против фашизма и войны за освобождение. Как указал Молотов, доводы реакционеров были совершенно несостоятельны, когда они пытались приписать «проведение этих смелых демократических реформ, главным образом, возросшему влиянию Советского Союза». Реформы были делом самих демократических движений.

Такой подход к внутривнутриполитическим делам несоциалистических стран является твердо установленным принципом советской политики. Было бы неправильно предположить, что существование Советского Союза, его возросшая мощь и более широкое участие в международных делах не отражаются на курсе и темпах развития других стран. Но это ощущается в основном благодаря роли Советского Союза в разгроме реакционных сил, задерживающих социальный прогресс, или противодействии им, а также в его большом вкладе в дело разгрома держав оси и морально-политического разгрома фашизма. Советский Союз расчищает путь, облегчает мировой прогресс, показывая на своем собственном примере превосходство социалистической системы.

В своей политике в отношении пограничных с ним малых государств и народов полукOLONиальных стран Советский Союз действует как многонациональное государство, в котором мирно живут и трудятся вместе народы различных национальностей. Подобно тому как уничтожение эксплуатации ликвидировало источник агрессии против других стран, оно также впервые в истории создало основу

¹ Молотов, 28-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1945 г., Госполитиздат, 1945, стр. 15.

для полного национального равенства. Национальные и расовые предрассудки столь же чужды Советскому государству как и капиталистическая эксплуатация. Победа социализма привела к уничтожению всех сил, задерживавших свободное развитие многочисленных наций, входящих в состав Советского Союза. Взаимное недоверие и подозрения между нациями, доставшиеся в наследство от эпохи капиталистическо-помещичьего господства, были преодолены в процессе построения социализма и с помощью активной советской политики поощрения экономического и культурного роста ранее угнетенных и отсталых наций. Каждый пятилетний план предусматривал для угнетенных ранее народов более быстрые темпы развития промышленности, коллективного сельского хозяйства, просвещения и других элементов социального развития, чем для великороссов, которые при царизме были господствующей нацией в империи. Каждая крупная национальность имеет самостоятельную государственную формацию и пользуется полным правом самоопределения. Народы союзных и автономных республик идут по пути полного национального развития и пользуются высокой степенью самоуправления. Свободное развитие наций, являющееся отличительной чертой советской демократии, происходит на базе социалистической экономики. Единство и братство социалистических наций в сочетании с плановым характером экономики охраняют советскую систему от регрессивных влияний, действующих извне. В то же время разнообразие народов и культур, различие многонационального развития и высокий уровень демократии придают большую гибкость советской системе. Единство и сплоченность этой системы были продемонстрированы в период войны.

Решения, принятые в начале 1944 г. об образовании в союзных республиках наркоматов обороны и иностранных дел, обеспечили дальнейшее развитие национальной государственности всех народов Советского Союза. Расширение прав союзных республик привело к возникновению нового элемента в международных отношениях. Это было уже отмечено на конференции в Сан-Франциско, где Белоруссия и Украина стали членами Организации Объединенных Наций. Это было продемонстрировано также заключением отдельных соглашений о поддержании дру-

жественных отношений и экономическом сотрудничестве между этими советскими республиками и их соседями в Европе.

Позиция СССР, высказывающегося за независимость колоний и за невмешательство во внутренние дела суверенных государств, естественно вытекает из его собственной многонациональной системы и является выражением в области международных дел того принципа, который применяется внутри страны. Пример, показанный Советским Союзом в разрешении национальной проблемы, всегда был источником вдохновения и поощрения для народов колониальных и зависимых стран и для всех демократических и антиимпериалистических сил. Когда советская делегация на конференции Объединенных наций в Сан-Франциско выступила в защиту независимости колониальных стран, тогда как Соединенные Штаты, утверждавшие, что они не имеют никаких колониальных притязаний, поддержали позицию Англии, выступавшей против независимости колониальных народов, престиж Советского Союза еще больше возрос. Нет никакого сомнения в том, что участие СССР в системе опеки содействовало бы самоопределению наций.

Практическим проявлением этой политики в колониальной сфере явилась советская политика в отношении Кореи и Китая. После разгрома Японии войска Соединенных Штатов оккупировали южную часть Кореи, а Советская Армия оккупировала северную ее часть. Этот район имеет огромное стратегическое значение для СССР, тогда как от Соединенных Штатов он находится весьма далеко. В противоположность политике, проводившейся американскими властями в своей зоне, Советский Союз немедленно разрушил и интернировал все японские войска, сместил японские и марионеточные гражданские власти и разрешил комитетам корейского освободительного движения установить свою власть.

В Китае советская политика была направлена к установлению взаимной безопасности в весьма сложной обстановке. 14 августа 1945 г. между СССР и Китаем подписан тридцатилетний договор о дружбе и союзе, предусматривающий совместное ведение войны против Японии вплоть до окончательной победы и совместные мероприятия, гарантирующие

невозможность в будущем повторения Японией своей агрессии и нарушения мира. Было подписано также несколько дополнительных соглашений по поводу совместного китайско-советского владения и управления маньчжурскими железными дорогами, Порт-Артуром и Дальним, соглашение, касающееся временной оккупации советскими войсками Маньчжурии, соглашения о праве Монгольской Народной республики на самоопределение и о признании китайского суверенитета над Маньчжурией и Синьцзяном. Никогда еще национальный суверенитет Китая над всеми его территориями и принцип невмешательства не были так полно признаны, как в этих соглашениях. Там, где общие интересы безопасности Советского Союза и Китая в отношении Японии требовали совместных мероприятий, как, например, в Маньчжурии, суверенитет Китая декларировался точно и ясно.

Тот факт, что эти соглашения были подписаны с правительством Чан Кай-ши, которое представляло феодально-реакционные силы, занятые в то время подготовкой гражданской войны против коммунистов, ясно подчеркивает значение, придаваемое Советским Союзом принципам полной независимости и строгого невмешательства. За все время существования освободительного режима в Яньани, возглавляемого коммунистами, Советский Союз не оказывал ему прямой помощи. Однако договор и соглашение, подписанные с гоминдановским правительством, не означали, что СССР оказывает помощь режиму Чан Кай-ши в угрожавшей в то время гражданской войне, как это неправильно думали некоторые.

Советский Союз ясно определил свою политику невмешательства и полного признания независимости Китая. Китайскому народу было предоставлено самому создать национальное единство на базе демократии, которое только и может обеспечить существование независимого Китая, способного играть руководящую роль в Азии.

Советская внешняя политика играет весьма действенную роль в поощрении антифашистского, демократического и колониального освободительного движения. Однако наибольшее моральное влияние Советский Союз оказывает на рабочее и демократическое движение благодаря своим достижениям. Чтобы зафиксировать этот факт, не было

необходимости в агитации. Успехи Советского Союза в войне были величайшим «агитационным» оружием, которое только можно было бы изобрести. Превосходство социализма над капитализмом является реальным фактором международного значения.

Если в 1929—1933 гг., когда СССР осуществлял первую пятилетку, уже существовал яркий контраст между безработицей, сочетавшейся с уничтожением производительных сил в капиталистическом мире, с одной стороны, и непрерывным развитием советской экономики и повышением жизненного уровня — с другой, то в ближайшие годы этот контраст еще усилится. Капиталистический мир неизбежно идет по пути к новому экономическому кризису; американская экономика накапливает элементы катастрофы; более ужасной, чем та, которая разразилась в 1929 г. С другой стороны, в условиях развития новых промышленных центров, достигнутого за время войны, и восстановления оккупированных районов, СССР обещает превзойти свой довоенный уровень развития к 1950 г. Этот резкий контраст будет иметь свой политический эффект.

МИРОВОЙ КРИЗИС

Первые признаки опасности новой войны выявились уже в первые месяцы после разгрома держав оси. При решении многочисленных послевоенных проблем обнаружилось серьезное расхождение между великими державами. Принципу единства великих держав стала угрожать серьезная опасность, когда Англия и Соединенные Штаты начали стремиться к созданию политического блока, направленного против Советского Союза. Если оглянуться на последние три десятилетия, то станет ясно, что послевоенная неустойчивость и неопределенность являются продолжением значительно обострившегося общего кризиса, который переживает капитализм со времени первой мировой войны. Отличительной чертой всего этого периода является неуклонное развитие и укрепление социализма в Советском Союзе, с одной стороны, и неустойчивость и неравномерность капиталистического развития — с другой.

После первой мировой войны не было такого периода, когда можно было преодолеть кризис, не обнаружив в то же время назревания нового кризиса в экономической или политической областях. В последние 25 лет капиталистические страны находятся в стадии общего кризиса. Этот кризис всей системы, перемежавшийся время от времени короткими периодами сравнительной стабильности в той или иной стране, был обострен второй мировой войной.

Послевоенная фаза кризиса состоит из многочисленных отдельных кризисов и конфликтов. В этой книге делается попытка охарактеризовать коренные изменения и тенденции, усиленные или развязанные войной, которые являются основой мирового кризиса на его современной стадии. Эти изменения все еще находятся в процессе развития, стимулируя в свою очередь дальнейшие изменения, и некоторые из них находятся в самой начальной стадии.

Современный период является прежде всего периодом великих изменений и конфликтов, жестокой борьбы между прогрессивными и реакционными силами. И эта борьба принимает самые различные формы.

В войне против Советского Союза фашистская Германия потерпела поражение. Руководители фашистских стран не смогли понять, что разобщенность и неустойчивость присущи монополистическому капитализму, а единство и стабильность присущи социализму. Они приняли свои временные успехи, достигнутые путем удушения целых стран, за будущую судьбу мира, тогда как они воплотили в своей общественной системе все регрессивное и упадничское.

Фашизм сам по себе является симптомом острого капиталистического кризиса; это особая форма государственства, при которой монополистический капитал в Германии и ряде других стран пытался насильственным путем и за счет народа разрешить внутренние противоречия социальной системы. Приход фашизма к власти в некоторых странах усилил антагонизм между капиталистическими странами, вместо того чтобы создать единый капиталистический фронт против Советского Союза. Внутренние конфликты капиталистического мира — внутри отдельных стран и между ними — оказались сильнее, чем тенденция к установлению единого фронта правящих классов против социализма, еще даже до того, как антисоветские идеологи осознали это. Когда, наконец, разразилась война, то это произошло на Дальнем Востоке, где Япония совершила нападение на колониальные владения других империалистических держав. В Европе первоначальная стадия войны представляла собой конфликт между самими капиталистическими державами. Это было драматическим выражением не поддающихся контролю противоречий, присущих капитализму.

История показывает, что в борьбе между реакцией и прогрессом умирающие правящие классы обычно переоценивают свои собственные силы и недооценивают мощь своих противников. Такую ошибку допустили фашистские империалисты в Германии. Когда они оказались разгромленными, среди победителей нашлись державы, проявившие немедленно такую же упрямую слепоту, несмотря на то, что война доказала огромную мощь СССР и несмотря на то, что война стимулировала возникновение во многих капита-

листических и колониальных странах нового демократического движения.

Война показала, что социализм прочно закрепился как передовая стадия исторического развития. Его внутренние силы проявились во время величайшего испытания, которому когда-либо подвергалась какая-либо система. Социалистическая система обнаружила не имеющие себе равных прочность и гибкость; когда в конце войны Сталин заявил, что Советское государство и советский общественный строй вышли из войны более сильными, чем они были раньше, он констатировал самый значительный факт современной истории.

Социализм обладает не виданной до сих пор устойчивостью. В нем заложен неистощимый динамизм и способность развиваться быстрыми темпами, без классовых конфликтов, в соответствии со своими собственными законами эволюции. Знание этих законов и овладение ими, что явилось сущностью планового развития, привели к созданию новой социальной системы, коренным образом отличающейся от предыдущих. Давно прошли те времена, когда социализм рассматривался лишь как вдохновляющая и блестящая попытка социальной революции, как новый «штурм небес» в стиле Парижской коммуны. Социализм является победоносным «штурмом небес», блестящим не только в своей первоначальной революционной фазе, но и в своей эволюции, как установившаяся социальная система, которая продолжает развиваться в капиталистическом окружении.

В течение 25 лет, пока Советский Союз существовал во враждебном окружении, опасность извне усиливала темпы социалистического строительства, ускоряла закрепление социализма как действенного и мощного организма. В тяжелых условиях войны на широких просторах Советского Союза, не занятых захватчиками, социалистическое развитие шло еще более быстрыми темпами и было приспособлено к нуждам обороны. После войны давление, оказываемое вновь на СССР, не только не запугало советский народ, а усилило его решимость ускорить восстановление, повысить темпы развития и укрепило единство социалистических наций. Усиление позиций Советского Союза вызвало углубление основного кризиса капитализма. Этому содей-

ствовавали не воображаемые «экспансионистские» цели СССР, а то, что империалистическим державам стало трудно находить выход из кризиса за счет Советского Союза. Некоторые государственные деятели, бесспорно, не отказываются от попытки разрешить накопившиеся многочисленные и сложные проблемы своей системы путем подготовки войны против Советского Союза. Их безрассудность порождается их близорукой верой в монополию атомной бомбы, а также неспособностью понять истинную глубину капиталистического кризиса и все потенциальные возможности социалистической системы. Хотя эти усилия могут показаться на первый взгляд попыткой смягчить внутренние противоречия как, например, между Англией и Соединенными Штатами, они в то же время усиливают те самые противоречия, которые эти антисоветские лидеры надеются ликвидировать с помощью войны. Соединенные Штаты, меньше всего пострадавшие в войне и много выигравшие в результате войны, превратились в оплот монополистического капитализма. Но США стали играть эту роль в момент, когда капитализм в целом серьезно ослаблен и когда его основной кризис стал более острым и более всеобщим.

Сегодня вся Европа стоит на перепутье социальных изменений. Хребет монополистического континентального капитализма в Германии сломан. В Восточной Европе новые демократии сделали серьезные шаги по пути к полному устранению из политической жизни крупных помещиков и капиталистов. Во Франции и Италии положение монополистического капитализма является весьма непрочным. Монополисты пытаются мобилизовать силы реакции внутри страны и за границей на борьбу с демократическим и антифашистским движением, усилившимся в этих странах. Испания, последний оплот фашизма в Европе, стоит накануне новых глубоких социальных сдвигов; Греция, дважды поработанная за десятилетие, представляет собой вулканический остров в бурном океане Европы.

На Среднем Востоке и в Азии колониальные и полунезависимые народы выступают против империалистического господства. Решается судьба целых колониальных империй. Если народы Индии добьются собственной независимости, они тем самым освободят английский рабочий класс от величайшей помехи, стоящей на пути к его социальному осво-

бождению, и дадут ему возможность создать в Англии подлинный социализм. Американские рабочие только бы выиграли, если бы нынешнее демократическое и коммунистическое движение в Китае уничтожило то, что являлось прибежищем феодалов на протяжении столетий, избавив тем самым Китай от безраздельной власти американского капитала. Даже олигархия Японии, поддерживаемая Макартуром, с трудом управляет народом, среди которого распространены демократические течения.

Упадок Британской империи, усилившийся в результате второй мировой войны, уже сам по себе может вызвать международный кризис. Такой обширный конгломерат народов, раздираемый изнутри противоречиями и получающий удары извне, вряд ли может пережить новый упадок, не расстроив еще больше все международные отношения. Правящий класс Англии, привыкший на протяжении столетий к господству над миром, сегодня оказался в униженном положении просителя, выпрашивающего доллары и политическую помощь от миллиардеров Америки; в обмен он предлагает свой опыт в области мирового владычества и более легкий доступ к своим собственным владениям, в сохранении которых он теперь уже не уверен. Но передача целой империи не может быть произведена за столом банкира.

От Соединенных Штатов ждут помощи в деле стабилизации мирового капитализма, основы которого поколеблены и который раздираем бесчисленными внутренними конфликтами. Для того чтобы восстановить мировую систему или хотя бы довести ее до состояния капиталистической стабильности на старых основах, американская экономическая и военная мощь должна пытаться поддерживать старые правящие классы одновременно в десятке крупнейших стран. США должны пытаться либо поддержать те державы, которые стараются приостановить крах колониальной системы, либо взять эту задачу на себя. США должны активно действовать на всех континентах, ибо кризис является всеобщим. Повсюду они будут сталкиваться с социальными силами, стремящимися к прогрессивным переменам.

В момент, когда американский империализм достиг вершины своей мощи, к нему предъявляются требования не больше и не меньше, как восстановления реакции в мировом масштабе. Крупные американские монополисты, обеспоко-

енные все более трудной задачей выгодно поместить свои огромные капиталы, стремятся распространить свою корпоративную структуру на весь земной шар.

Здесь заложена опасность, угрожающая миру. В период кризиса монополистический капитализм породит агрессора. Но углубляющийся в настоящее время всеобщий кризис создает также новые трещины и сдвиги, а также радикальные изменения в расстановке сил стран и классов. В то время как Соединенные Штаты превратились в стержень мирового капитализма, масштабы мирового капитализма стали более ограниченными и имеют тенденцию все более сужаться.

Огромные производительные силы, развитые капитализмом, все в большей степени используются в разрушительных целях. Атомная энергия, которая могла бы быть использована для восстановления уставшего от войны и повергнутого в нищету мира, впервые появляется на сцену в виде оружия колоссальной разрушительной силы.

Однако разрушительная сила, накопленная в Соединенных Штатах в виде атомных бомб, не сможет справиться с движением народов к социализму, который является будущей судьбой Америки так же, как и всего мира. Какие бы этапы ни предстояло пройти странам на этом пути, само движение не может быть предотвращено.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступительная статья	V
Предисловие	1
Глава I. ГЕРМАНИЯ И КАРТЕЛИ	3
1. Восстановление Германии после первой мировой войны	4
2. Новая картельная структура	9
3. Гитлер и картели	13
4. Германские монополии во время войны	22
Глава II. МОНОПОЛИИ В РАЗГРОМЛЕННОЙ ГЕРМАНИИ	32
1. Опасность возрождения	33
2. Противоречивые тенденции на Западе	40
3. Демократические перемены	48
Глава III. ИМПЕРИЯ ДЗАЙБАЦУ	53
1. Обстоятельства поражения	54
2. Структура монополий	57
3. Приход дзайбацу к власти	67
4. Колониальная империя	75
Глава IV. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ	86
1. Развитие промышленности во время войны	87
2. Неустойчивость американской экономики	91
Глава V. МОНОПОЛИИ В США	99
1. Рост монополий в довоенное время	99
2. Монополии в военной экономике	107
3. Некоторые выводы	117
Глава VI. АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО	122
1. Упадок Англии в предвоенные годы	122
2. Упадок Англии в военные годы	127
3. Ослабление Британской империи	133

Глава VII. МОНОПОЛИИ В АНГЛИИ	143
1. Период между двумя мировыми войнами	143
2. Монополии в период войны	151
3. Политика картелей	156
Глава VIII. ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ «СВОБОДЫ»	162
1. «Свобода инициативы»	163
2. Борьба с картелями	167
3. «Свобода доступа»	178
Глава IX. АМЕРИКАНСКИЙ МИРОВОЙ ТРЕСТ?	182
1. Мировое «планирование» с помощью картелей	182
2. Акционерное общество «Мировое господство»	187
3. «Прогрессивный империализм»	193
Глава X. СССР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ	204
Советская внешняя политика	205
Глава XI. МИРОВОЙ КРИЗИС	217

Редактор *С. Шустерман.*

Техн. редактор *А. Дронов*

Корректор *О. Малых*

Сдано в производство 26/IV-1948 г. Подписано к печати 12/X-1948 г.
 А 09239. Печ. л. 15¹/₂. Уч.-изд. 13 л. Формат 82,× 108¹/₃₂ Изд. № 8/391
 Цена 13 руб. 10 коп. Зак. 904.

3-я тип. «Красный пролетарий» треста «Полиграфнига» ОГИЗа при Совете
 Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

13 p. 10 k.